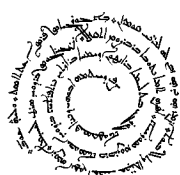


Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования



ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (16) 2015

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2015

Co-published with



ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (16) 2015

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2015

Совместно с



CONTENTS

No 1 (16) 2015

In memoriam Ariadna I. Kuznetsova	7
Hanisa Alishina . Siberia as a country of dastans (on some terms of the dastan “Idegei”).....	16
Natalia Saynakova . The spread of the ethnonym <i>šöšqum / šöšqur</i> in the Middle Ob local dialect area	21
Maria Shapiro . Oscillation verbs in the Uralic languages (on the Finnish, Nenets and Komi-Zyrian data): semantics and typology.....	29
Zarema Ekba . On the relation of the Proto-Turkic <i>qut</i> and the Iranian <i>žan</i> in the modern Turkic languages.....	53

ETYMOLOGICAL NOTES

Yulia Normanskaya, Anna Dybo, Pavel Basharin, Maria Amelina . New Proto-Samoyedic etymologies.....	62
---	----

PERSONALIA

Polina Dambueva . To Grigoriy Ts. Pyurbeev’s anniversary	73
Anna Dybo, Rimma Muratova . Firdaus G. Khisamitdinova as an outstanding turkologist and science manager.....	78

REVIEWS

Natalia Kondratyeva, Elena Bulycheva . The Bible [in Udmurt] / Transl. by <i>Mikhail Atamanov</i> . Ed. by <i>Marya Kartano</i>	84
Style sheet	89
How to subscribe	92

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (16) 2015

Памяти Ариадны Ивановны Кузнецовой	7
Х. Ч. Алишина. Сибирь — страна дастанов (о некоторых терминах дастана «Идегей»)	16
Н. В. Сайнакова. О распространении этнонима <i>šöšqut / šöšqur</i> в среднеобском диалектно-локальном ареале	21
М. М. Шапиро. Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, ненецкого и коми-зырянского языков): семантика и типология	29
З. Н. Экба. О соотношении пратюркского <i>qut</i> и иранского <i>žan</i> в современных тюркских языках	53

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Ю. В. Норманская, А. В. Дыбо, П. В. Башарин, М. К. Амелина. Новые прасамодийские этимологии	62
---	----

ПЕРСОНАЛИИ

П. П. Дамбуева. К юбилею Григория Цереновича Пюрбеева	73
А. В. Дыбо, Р. Т. Муратова. Ф. Г. Хисамитдинова — видный ученый-тюрколог и талантливый организатор науки	78

РЕЦЕНЗИИ

Н. В. Кондратьева, Е. А. Булычева. Библия [удмурт кылын] / Пер. протодиакон <i>Михаил Атаманов.</i> Богословский ред. <i>Марья Картано</i>	84
Требования к оформлению статей	89
Как подписаться	92

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), **А. И. Кузнецова** (д.ф.н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), **Ariadna Kuznetsova** (Lomonosov Moscow State University), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmułla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

Памяти Ариадны Ивановны Кузнецовой

Ариадна Ивановна Кузнецова родилась 27 января 1932 г. в Москве. В 1950 г. А. И. Кузнецова с золотой медалью окончила московскую женскую среднюю школу № 612 и поступила на отделение русского языка и литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, которое окончила в 1955 г., получив специальность «Филолог. Учитель русского языка и литературы средней школы». В 1963 г. на филологическом факультете МГУ она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI—XX вв.)». Докторская диссертация на тему «Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики (на материале русского языка)» была защищена в МГУ в 1989 г. Звание доцента было присвоено А. И. Кузнецовой в 1969 г., звание профессора — в 1993 г., а почетное звание заслуженного профессора МГУ — в 2002 г.

Вся трудовая деятельность А. И. Кузнецовой была связана с филологическим факультетом МГУ: в 1957—1961 гг. она преподаватель Кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания; с момента основания Кафедры структурной и прикладной лингвистики в 1961 г. она преподаватель, а затем (1968—1990 гг.) доцент этой Кафедры; в 1990—1997 гг. она заведующий Кафедрой финно-угорской филологии, а после расформирования финно-угорской кафедры в 1997 г. — профессор Кафедры теоретической и прикладной лингвистики. За время работы в МГУ Ариадна Ивановна подготовила и прочитала более 30 общих и специальных лекционных курсов, в том числе по морфологии (общей и русской), семантике, истории лингвистических учений, культурологии, этно- и социолингвистике, старославянскому и древнерусскому языкам, а также курсы введения в финно-угроведение и самодиалектику, курс сравнительной грамматики финно-угорских языков и т. д. Кроме того, А. И. Кузнецова вела практические занятия по коми-зырянскому и селькупскому языкам.

Круг научных интересов А. И. Кузнецовой был чрезвычайно широк: начав свою научную деятельность как русист, Ариадна Ивановна стала признанным на международном уровне финно-угроведом и самодистом, о чем свидетельствует ее избрание иностранным членом научного Финно-угорского общества — *Suomalais-Ugrilainen Seura* (Хельсинки, 1991).

Ариадна Ивановна была полевым лингвистом, занимающимся не только теоретическим осмыслением лингвистического материала, но и сбором этого материала в полевых условиях. Она была организатором и участником более трех десятков лингвистических экспедиций в места проживания коми-зырян, удмуртов, марийцев, мордвы (эрзя), хантов и самодийцев (ненцев, энцев, селькупов).

А. И. Кузнецова опубликовала свыше полутора сотен научных работ, среди которых несколько монографий и учебных пособий. В последние годы А. И. Кузнецова работала над двумя большими проектами: 1) составление «Диалектологического атласа уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (она возглавляла группу, занимающуюся картографированием ижемского диалекта коми-зырянского языка); 2) подготовка тома «Фольклор северных селькупов» в серии «Фольклор народов Сибири».

Ариадна Ивановна выступала членом оргкомитетов ряда международных конференций, в том числе национального оргкомитета IX Международного конгресса финно-угроведов (2000 г.). До последнего дня своей жизни она была членом специализированных диссертационных советов при МГУ (с 1990 г.), Институте языкознания РАН (с 1992 г.) и Марийском государственном университете (с 1993 г.), а также членом экспертного совета ВАК Минобрнауки России и экспертного совета по национальным школам Минобрнауки России; входила в редакционную коллегию журнала «Урало-алтайские исследования».

В. М. Алпатов, д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, директор Института языкознания РАН:

Я впервые познакомился с Ариадной Ивановной Кузнецовой позже, чем со многими другими преподавателями и сотрудниками кафедры: как раз в первые месяцы моей студенческой жизни у нее родилась дочь. Но уже во втором семестре она временами подменяла своего знаменитого однофамильца П. С. Кузнецова (поначалу некоторые студенты считали, что это ее отец) на занятиях по введению в языкознание. Помню, как она нам демонстрировала, как бы выглядела фраза «Охотник убил красивого оленя», если бы русский язык был изолирующим, агглютинативным или инкорпорированным. Так что знал я ее 51 год.

Но на втором курсе мы оказались во власти Ариадны Ивановны, читавшей два главных в том году лингвистических курса: «Структурные методы изучения языка» и «Современный русский язык». Последний курс формально был двухлетний, и на долю Ариадны Ивановны приходилась лишь грамматика, но на первом курсе лексику и фонологию читал Т. П. Ломтев, русист, как я понял позже, не такой дремучий, каким он казался внешне, но все же не вписывавшийся в отделение. Ариадна Ивановна читала курс без какой-либо связи с курсом Т. П. Ломтева. Надо сказать, что два ее курса мало отличались друг от друга, лишь в начале первого из курсов давался краткий обзор трех, как тогда считалось, главных направлений современной (она же новая) науки: глоссематики (еще жив был Л. Ельмслев), Пражского кружка и дескриптивизма. Как раз в этом учебном году вышла очень содержательная книга Института языкознания «Основные направления структурализма», она нам очень помогла перед экзаменом, и я ее использую до сих пор. Глоссематика нам слишком напоминала Т. П. Ломтева: то же мудрствование над простыми понятиями. Но Ариадна Ивановна явно предпочитала дескриптивистов, которых к тому же было больше всего и они больше всех написали. И далее оба курса в основном сводились к рассказу о тех или иных конкретных дескриптивных работах, иногда о близких к ним по духу работах отечественных лингвистов структурного лагеря. От нее мы, например, узнали о существовании Е. В. Падучевой и о том, что это жена уже известного нам А. А. Зализняка. Но все же наших работ не хватало, и даже на занятиях по русскому языку Ариадна Ивановна много говорила о нутка, навахо и других до того и после того неведомых нам языках. Одна из нас как-то спросила в начале занятия у Ариадны Ивановны: «Сегодня опять будет язык нутка?». Слушать про морфологию этих языков и разные способы ее описания бывало скучновато, но занятия Ариадны Ивановны укрепляли нас в представлении о том, какие возможности имеет новая наука о языке, приближающаяся к полной формализации и алгоритмизации того, чем она занимается. И видно было, как много прочитала Ариадна Ивановна по-английски и по-русски. Экзамен сводился к двум компонентам: пересказу какой-либо из многочисленных работ, входивших в программу (их надо было прочесть в оригинале), и анализу текста на незнакомом языке, где надо было провести дистрибуционный анализ.

На старших курсах Ариадна Ивановна нам не преподавала, но мы часто ее встречали на факультете и на кафедре (тогда они размещались в разных зданиях). К сожалению, мне не пришлось ездить ни с ней, ни с А. Е. Кибриком в экспедиции: туда впервые попали лишь студенты следующего за нами курса. И позже мы с ней постоянно общались. Помню ее защиту докторской диссертации, с начала 90-х мы регулярно встречались на заседаниях кафедры. Она внешне менялась медленно и долго выглядела моложе своих лет. Уже в последние годы я обратил внимание на то, что мои студенты удивлялись, когда я говорил, что учился у Ариадны Ивановны. По-видимому, им по внешнему облику казалось, что я ее старше, хотя мы познакомились, когда я был студентом, а она уже кандидатом наук. Она казалась вечной, но, к сожалению, каждая человеческая жизнь имеет пределы.

П. П. Дамбуева, д. ф. н., проф., ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН:

Ариадну Ивановну я впервые запомнила по ее выступлению на одной из защит докторской диссертации в качестве официального оппонента. Ее выступление было построено в простой и четкой манере, а содержание отличалось строгим и взыскательным подходом.

Позже довелось познакомиться с Ариадной Ивановной поближе — на заседаниях редколлегии журнала «Урало-алтайские исследования». В тесном творческом общении она оказалась милым, улыбчивым, доброжелательным человеком. Безусловно, Ариадна Ивановна оказала творческое влияние на всех нас своим высоким научным, лингвистическим уровнем, обаянием незаурядной личности. За ее плечами была обширная полевая практика ученого-интернационалиста, исследовавшего финно-угорские и самодийские языки. Ее отзывы и советы были очень ценны для нас, а также для авторов журнальных статей.

Очень жаль, что ушел человек, который так много над собой работал, так много знал и всегда был готов прийти на помощь.

Е. В. Кашкин, к. ф. н., научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН:

Об Ариадне Ивановне можно говорить очень много, имея за плечами написанные под ее руководством курсовые, дипломную работу, диссертацию и без малого десятков экспедиций, за которыми регулярно следовали и другие совместные проекты. Надо сказать, между тем, что в моей жизни всего

этого могло и не случиться. На первом курсе я был близок к тому, чтобы поехать на практику не в мордовскую экспедицию Ариадны Ивановны и ее коллег, а в экспедицию С. Г. Татевосова на Алтай, о которой было громко объявлено нашему курсу и в которую я уже было прошел отбор. Пару дней спустя я подошел к Ариадне Ивановне что-то обсудить по поводу работы над курсовой, а в продолжение этой беседы был озадачен вопросом: «А чем кончилось Ваше общение с Татевосовым? Мы-то думали Вас к себе брать». Для меня это оказалось неожиданно, поскольку возможность участия в уральской экспедиции прежде не обсуждалась, дальше Ариадна Ивановна совершенно доброжелательно и невозмутимо продолжила, что, конечно, я сам должен выбирать, какие языки, научные темы и экспедиции мне милее, и могу некоторое время над этим подумать. Уже в этот момент я — сам не знаю почему — осознал, что нужно ехать именно в уральскую экспедицию, и, для порядка поразмыслив пару дней, на ней и остановился. Сейчас уже невозможно и бессмысленно рассуждать о том, что было бы, сложись та ситуация по-другому, но безоговорочно ясно, что эта первая экспедиция, определившая мою дорогу в науке на долгое время вперед, дала возможность впоследствии соприкоснуться со многими уникальными качествами Ариадны Ивановны как человека, исследователя и научного руководителя.

Говоря об Ариадне Ивановне как о руководителе, нельзя не отметить ее невероятную заинтересованность в своих учениках. В наши дни, увы, нередки ситуации, когда преподаватель или научный руководитель, находясь под валом проектов и дедлайнов, неделями не отвечает на студенческие письма, откладывает в долгий ящик полученный текст или ограничивается какой-нибудь короткой формальной отпиской. Для Ариадны Ивановны что-либо подобное было немыслимо. Сдав ей любую свою работу, можно было смело ожидать вычитанного текста уже к следующему ее приходу в МГУ (а если поджимали сроки, то и раньше), при этом объем ее комментариев (не говоря уже об их содержательной глубине) зачастую существенно превосходил текст оригинала. Она всегда была готова провести с учениками неограниченное время на кафедре (или на экзамене — навевая трепет на сотрудников учебной части, вынужденных до полуночи ожидать заветную ведомость), принять подопечных у себя дома или дискутировать о науке по телефону. Работая совместно с Ариадной Ивановной над коми-зырянским словарем, я нередко обнаруживал поутру комментарии, исправления и вопросы, пришедшие по электронной почте в четыре-пять часов утра, и сам не мог не заражаться этим энтузиазмом.

Ариадна Ивановна была очень требовательным руководителем, приучавшим тщательно выверять каждую букву научного текста и помнить об ответственности за этот текст перед наукой. Она могла подолгу объяснять свою точку зрения, могла делать это достаточно эмоционально, но важно (это хорошо проявилось и в упомянутой истории с выбором между двумя экспедициями), что она никогда не давила и все окончательные решения оставляла за подопечным. Возможно, настоящая сила и мудрость руководителя и состоит именно в том, чтобы максимально передать ученику свой опыт, но в то же время приучить его мыслить критически и самому определять свой путь в науке. В полной мере я ощутил эти качества Ариадны Ивановны, уже работая над кандидатской диссертацией. Я сам предложил Ариадне Ивановне свою тему, хорошо понимал, что и зачем хочу делать, многое почерпнул и от других своих коллег, но всегда чувствовал участие старшего человека, готового выступить первым и самым внимательным читателем моего текста и дать немало пронизательных советов по его улучшению.

Главной, на мой взгляд, чертой Ариадны Ивановны как ученого было ее постоянное стремление к чему-то новому и нестандартному. Это проявлялось и в ее критическом отношении ко многим современным теориям — иной раз бесспорно полезным, но одновременно и не всегда дающим посмотреть на материал под новым углом зрения, — и во взглядах на подбор материала для работы. Однажды, получив свой исправленный Ариадной Ивановной научный текст, напротив очередного примера из жизни Васи я увидел нарисованную на полях виселицу: оказалось, что это был знак раздражения шаблонными анкетными примерами, не отражающими, по мнению Ариадны Ивановны, реального устройства языка. Стремление уйти от шаблонов пронизывало и научную работу самой Ариадны Ивановны. Как-то в экспедиции мы заговорили об одной из информанток, которая казалась мне вполне соответствующей нашим потребностям, но Ариадна Ивановна категорично объявила, что работать с этой информанткой невозможно, поскольку та совсем не знает родного языка и не может ответить ни на один вопрос. Поинтересовавшись у Ариадны Ивановны, что же она такое спрашивала, я получил следующий ответ: «Ну, созвездия, небесные тела...»

Очень ярко весь научный энтузиазм Ариадны Ивановны проявился в сибирских экспедициях последних лет. Вообще, само возвращение уральских экспедиций ОТиПЛА в Западную Сибирь, произошедшее в 2008 г., было инициативой Ариадны Ивановны и во многом ее заслугой (хотя, казалось бы, другой человек такого статуса и возраста мог бы на ее месте сидеть спокойно дома или, в край-

нем случае, выбраться куда-то поближе в старые знакомые края). Одна из таких экспедиций была в 2012 г. в хантыйское село Теги, где мы работали и два предыдущих года. Ариадна Ивановна сразу же решила, что хотела бы в основном не сидеть на прежнем месте, а выехать оттуда в какое-нибудь новое село. Мы организовали выездную партию из четырех человек (естественно, с участием Ариадны Ивановны), для которой было выбрано находящееся в соседнем районе село Восяхово, населенное коми-ижемцами и ханты. В то время как многие более молодые коллеги вообще сомневались в осмысленности этой поездки, а то и беспокоились, не утонет ли наша выездная партия на просторах Оби, Ариадна Ивановна с нетерпением ждала этого переезда, иногда только волнуясь, не отложится ли он вдруг из-за погодных условий. Уже в дороге все окружающие были поражены, как человек на девятом десятке непринужденно перепорхнул с советским походным рюкзаком за плечами из теплохода в моторную лодку, на которой предстояло затем плыть около 30 км. По прибытии в новое село Ариадна Ивановна даже и думать не желала о том, чтобы немного отдохнуть после подъема в 5 утра и нескольких часов дороги, а сразу же наравне со своими учениками (которых, в свою очередь, мысли об отдыхе начали было посещать) отправилась на поиски информантов. Не откладывая дело в долгий ящик, Ариадна Ивановна остановила первую же встреченную на пути представительницу народа ханты и непринужденно «завербовала» ее позаниматься с нами, что та затем с успехом и делала на протяжении всей работы партии. Излишне даже и говорить о том, что мы провели прекрасную и продуктивную неделю в выбранном Ариадной Ивановной месте, обретя там огромное количество языкового материала, жизненного опыта и знакомств с прекрасными людьми.

В собрании воспоминаний выпускников, опубликованном на факультетском сайте, сама Ариадна Ивановна так писала об экспедициях: «У многих “полевиков” (так обычно называют участников полевых исследований) “жизнь как экспедиция” охватывает всю жизнь до старости. Это параллельно идущая в жизни особая жизнь, начинающаяся с момента посадки в поезд или самолет. Мне посчастливилось иметь ее. О ней и шла речь». Нам, ученикам Ариадны Ивановны, посчастливилось вместе с ней и благодаря ей прикоснуться к этой особой жизни, встретив на своем пути человека огромного мужества, эрудиции, преданности науке и доброты. И наша задача теперь состоит в том, чтобы и дальше продолжать весь тот путь в науке, который открыла нам Ариадна Ивановна.

И. А. Николаева, PhD, prof., Head of the Department of Linguistics and the Department of Languages and Cultures of the School of Oriental and African Studies (SOAS):

1995 год. Лето. Я в гостях у Ариадны Ивановны на даче. Ариадне Ивановне 63 года, мне — раза в два меньше. Мы вдвоем отправляемся за грибами в близлежащий лес.

Я иду нормальным шагом. Даже, можно сказать, быстрым. Я всегда считала, что хожу достаточно быстро, зачастую гораздо быстрее окружающих меня людей.

Но не в этом случае. Ариадна Ивановна мгновенно исчезает за деревьями. Я боюсь заблудиться, пытаюсь не отставать — не получается. «Ариадна Ивановна!» — «Ира, ну что Вы ползете!»

Бегу, продираясь сквозь кусты. Жарко. Потеет шея. Падаю, задыхаюсь. «Ариадна Ивановна, но так же не ходят за грибами!» — «А вот посмотрим!»

Бегу дальше. Белое платье Ариадны Ивановны мелькает где-то далеко впереди.

«Ариадна Ивановна!» — «Ира, подтягивайтесь!»

Два часа беготни. Я чуть жива. Ариадна Ивановна наконец возвращается довольная и с полной корзинкой грибов.

Приходим на дачу. Я в изнеможении падаю на стул. Ариадна Ивановна бодро принимается за хозяйственные дела.

Дочка Ариадны Ивановны, Алена, только что откуда-то вернулась. «Вы ходили за грибами?» — «Кто ходил, а кто и бегал», — выдыхаю я.

Она летала, как ракета. Не умела ходить медленно. Угнаться за ней было невозможно.

К. Ю. Решетников, к. ф. н., доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ:

Люди, лично знавшие Ариадну Ивановну Кузнецову, работавшие с ней и учившиеся у нее, всегда будут придавать особое значение ее педагогической и социальной ипостаси. Они будут вспоминать ее как блестящего полемиста и пронизательного оппонента, как терпеливого, вдумчивого и любимого студентами преподавателя, внимательного руководителя экспедиций и квалификационных работ. Но и этих частных определений недостаточно. Принадлежит к числу окончивших кафедру финно-угорской филологии, функционировавшую в 1990-х годах на филфаке МГУ под руководством Ари-

адны Ивановны, я вспоминаю ее как наставника и подвижника. Меня не смущает патетическое звучание этих слов, ибо я знаю, о чем говорю.

Научный руководитель может продемонстрировать эталонный пример работы в выбранной области, предложить концепцию, помочь сориентироваться в мире авторитетов и источников, дать равнодушный критический отзыв и показать путь к более качественному результату. Наставник же, не обделяя подопечного ничем из вышперечисленного, содействует ему также в решении личностных задач. Одна из этих задач заключается для подопечного в том, чтобы психологически адаптироваться к своей будущей профессиональной идентичности, научиться воспринимать себя через нее и ценить ее не всегда очевидные преимущества. Функция простого руководителя — научная и педагогическая, функция наставника — научная, педагогическая и экзистенциальная. Ариадна Ивановна была наставником, и общение с ней было бесценным для тех, кто имел безрассудство выбрать академическую стезю в России 1990-х.

Что же касается подвижника, то им руководитель «экзотической» кафедры на филфаке просто не мог не быть — как в силу учебных и организационных целей этого проекта, так и в силу сопутствующих обстоятельств.

Задачей этой кафедры, просуществовавшей до 1997 года, было апробировать и ввести в обиход программу систематического финно-угроведческого образования, совместив ее с углубленным курсом лингвистики, близким к читавшемуся на ОТиПЛе. Аналоги такому начинанию отсутствовали не только в истории МГУ, но и вообще в предшествующей практике российских университетов. Сформированное при кафедре отделение состояло из двух языковых групп — венгерской и финской. Финский и венгерский вели соответственно И. Ю. Марцина и А. П. Гуськова (которая и сейчас преподает на новой аналогичной кафедре, учрежденной в 2000-х). Кроме того, этим же профильным языкам обучали преподаватели, приглашенные из соответствующих стран, а лекции по фольклористике периодически читали ведущие в своей области специалисты из отечественных региональных вузов, где было представлено финно-угорское направление. Преподаванием общелингвистических дисциплин занимались люди, хорошо известные в академическом мире и за его пределами, — А. А. Кибрик, М. А. Кронгауз, В. А. Плунгян, С. В. Князев, а также сама Ариадна Ивановна. Благодаря всему этому и несмотря на то, что набор на отделение был небольшим, финно-угроведение повышалось в статусе, выводилось из информационной тени и обретало заслуженное место в ряду важных специализаций. Однако осуществлять данную деятельность Ариадне Ивановне приходилось в довольно сложных условиях — многие ее инициативы встречали административное противодействие, и на его преодоление, на защиту ключевых для программы идей и на поиск компромиссных решений уходило немало сил. Проводя свой финно-угорский эксперимент, Ариадна Ивановна ломала сложившиеся образовательные шаблоны и шла против факультетского мейнстрима.

Сколь бы успешной ни была нынешняя финно-угорская кафедра на филфаке МГУ, заново созданная в 2006-м, ее «предок», появившийся на много лет раньше, останется уникальным явлением в истории отрасли. Равно как и одной из ярчайших страниц в биографии Ариадны Ивановны Кузнецовой — большого ученого и учителя нескольких поколений лингвистов.

И. А. Стенин, независимый исследователь (Москва):

Жизнь в экспедиции, или нить Ариадны

Первая встреча с Ариадной Ивановной, заочная, произошла еще в школе: дома был «Словарь морфем русского языка», всегда поражавший глубиной проникновения — многие слова, которые представлялись мне нечленимыми в современном языке, благополучно обретали там второе рождение. Потом, после поступления на русское отделение МГУ, я узнал, что Ариадна Ивановна не миф и что она преподает на ОТиПЛе не только старославянский, но и какие-то неслыханные курсы вроде селькупского в типологическом освещении. Курсы становились в последние годы все более несслыханными¹, отражая многообразие интересов и широту взгляда на науку о языке, которые были присущи Ариадне Ивановне. По поводу преподавания старославянского байки порой доносились до самых разных уголков филфака; чаще всего — про суровые «коллеквиумы» и про то, что отипляне читают ять как я в любых текстах, которые им встречаются. Убедиться же, что старославянский многие

¹ Чего стоят только «Астрономические представления народов как источник обогащения словарного фонда языка» и «Снотолкования как особая модель мировосприятия (на примере уральских и некоторых других языков)», прочитанные в весенних семестрах 2011/2012 и 2012/2013 уч. гг. соответственно.

выпускники и студенты ОТиПЛа знают и помнят лучше многих выпускников того же самого русского отделения, у меня за последние десять лет было немало случаев.

Первое реальное знакомство — лето 2008 года. Вместо сессии я пошел в поход с Машей Амелиной² вдоль Усы, начиная от станции Чум. Уральская экспедиция была в тот год в село Мужы (ЯНАО), к коми-ижемцам, и среди ее участников был наш общий с Машей товарищ Дима Залманов. Побывав на Оби раньше ОТиПЛа (мы тогда доехали до хантыйского села Шурышкары, что ниже по течению, чем Мужы) и гостя на обратном пути в одной из архангельских деревень, мы решили проехать хоть станцию вместе с ОТиПЛом в одном поезде. Что и было сделано: за 25 минут от Вельска до Кулоя мы, кажется, внесли нотку безумия в дорожный покой экспедиционеров. Машу Ариадна Ивановна тогда хорошо запомнила, в частности, потому, что много слышала о ней от Ж. Ж. Варбот, меня же — сомневаюсь, что очень. По-настоящему я познакомился и начал общаться с Ариадной Ивановной лишь еще через год, после трехмесячной кочевки по Ямальской тундре (где я был опять же с Машей Амелиной и благодаря ей и — тогда ее, а теперь нашим — ненецким друзьям). И тот последний год обучения в университете стал годом наиболее тесного контакта с Ариадной Ивановной, поскольку она согласилась стать научным консультантом моей дипломной работы, а по сути вторым научным руководителем.

Ариадна Ивановна помогла с нелегким выбором темы диплома, защищать который все-таки предстояло на русской кафедре, и тщательно, на протяжении нескольких весенних месяцев вычитывала ненецкие главы, давая советы как относительно отдельных формулировок и примеров, так и в плане общей структуры и неизменно сопровождая свои рекомендации вполне конкретными библиографическими ссылками. Ее начитанность в самых разных областях, конечно же, всегда подкупала. Менее чем за неделю до защиты я наконец принес ей полный и окончательный вариант диплома и еще через несколько дней, встретив ее в университете, услышал, что ей в итоге нравится то, что получилось. Помню мое удовлетворение и почти счастье в тот момент: от столь требовательного читателя, каким была Ариадна Ивановна, подобные слова стоят многих других похвал³. Она написала на мой диплом трогательный рукописный отзыв и не менее трогательно выступила на самом мероприятии, сказав даже что-то о том, что сами ненцы хвалят мое произношение (хотя откуда ей было знать! но, видимо, Ариадна Ивановна действительно знала все, что необходимо, про своих подопечных).

К тому же периоду относится спецкурс Ариадны Ивановны про сходства и различия самодийских и финно-угорских языков в области грамматики, оказавшийся весьма полезным. Но ключевым событием, которым Ариадна Ивановна необратимо повлияла на мою жизнь, — за что я ей очень благодарен — стало другое. Осенью 2009 г. Егор Кашкин набирал людей в свою первую зимнюю (по совместительству — третью мужевскую) экспедицию, чтобы уточнить и дособрать материал для словаря и грамматического очерка мужевского говора. Ариадна Ивановна убедила его, что в связи с различными трудностями организации зимней экспедиции нужен еще как минимум один молодой человек, имеющий опыт поездок на Север, и предложила мою кандидатуру. Так случилась моя первая собственно лингвистическая экспедиция (до этого был только один диалектологический эксперимент), во многом определившая жизнь на следующие пять лет. Как отмечала сама Ариадна Ивановна⁴, экспедиции, суммируясь, образуют своего рода вторую жизнь, параллельную обычной и непременно обогащающую ее.

После этого была первая хантыйская экспедиция в село Теги (ХМАО-Югра), где меня приводило в умиление то, как Ариадна Ивановна одновременно не участвовала и участвовала в вечерних семинарах. В так называемом рабочем кабинете Ариадна Ивановна не присутствовала, но могла в этот момент находиться за дверью или прогуливаться по коридору, будучи непременно вовлечена в общее действо. Если до нее доходила какая-нибудь сплетня, касающаяся личной жизни того или иного экспедиционера, она заговорщицки улыбалась, всем видом своим давая понять, что это ей уже известно и что она, конечно, в курсе всего происходящего. Из отдельных обрывков почти случайных диалогов в кулуарах у меня сложилось отчетливое впечатление, что Ариадна Ивановна осведомлена в самых разных вопросах истории и этнографии уральских народов, — как кажется, это то, чего зачастую не хватает многим молодым исследователям, занимающимся тем или иным языком или языковой семьей. Несмотря на то, что Ариадна Ивановна всегда быстро ходила (как она бодро поднималась на девятый этаж исключительно по лестнице!), ориентировалась на местности она в последние

² В настоящее время м. н. с. отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН.

³ Хотя сейчас мне видны многие недостатки той работы, которые тогда я просто не мог заметить.

⁴ См. воспоминания Ариадны Ивановны на сайте филфака МГУ: <http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/kuznetsova/>.

годы не блестяще, и иногда нужно было проводить ее к информантам, что делалось всегда с удовольствием, потому что это было весело и интересно, как и любой квант общения с ней.

Потом я, к сожалению, на несколько лет выпал из жизни большой уральской экспедиции. Последние отчетливые воспоминания об Ариадне Ивановне относятся к лету 2014 г., когда она несмотря ни на что приехала в Мордовию на несколько дней. Прибыв на рассвете, Ариадна Ивановна уже после завтрака настойчиво выпрашивала меня о вечерних и ночных поездках и автобусах, собираясь уехать в Москву в тот же день, потому что там кошка и вообще, но все-таки осталась чуть дольше. Однажды ее так же нужно было проводить к информантам, которые хотя и жили в двух шагах, но Ариадна Ивановна у них не была. Мы шли чуть медленнее, чем она обычно бегала, и за две-три минуты Ариадна Ивановна успела обсудить со мной и мою диссертацию, и то, что занятия мордовским языкознанием могут быть небесполезны для самодийских штудий, и вообще, как кажется, в целом мою жизнь. И это самое удивительное воспоминание об Ариадне Ивановне: как она так умела.

На прощании с Ариадной Ивановной Анна Владимировна Дыбо отметила, что Ариадна Ивановна по сути является создателем московской уралистики в том виде, в котором она сейчас существует. Почему-то мне эта мысль раньше не приходила в голову, хотя, если связать в уме все ниточки, которые к этому ведут, ни к какому другому заключению и прийти невозможно. Ариадна Ивановна преподавала нам всем большой и важный урок, своей жизнью, своим творчеством и отношением к исследовательскому процессу — урок бескорыстного служения науке, урок стойкости, мужества и оптимизма, урок чуткости и внимания к деталям. Пусть же ее нить, нить Ариадны, ведет нас впредь и помогает выпутаться из самых сложных жизненных и научных лабиринтов.

Светлая Вам память, Ариадна Ивановна.

М. Н. Усачёва, к. ф. н., старший научный сотрудник Отдела лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова:

Обычно отделение теоретической и прикладной лингвистики филфака МГУ, которое я заканчивала, связывают с именем Александра Евгеньевича Кибрика. Сейчас, когда прошло почти двенадцать лет с того момента, как я впервые переступила порог аудитории 953, для меня очевидно, что иначе и быть не может. Но тогда, в первую неделю сентября 2003 года, все виделось мне по-другому. Причем настолько, что, когда одна моя хорошая знакомая, закончившая в свое время русское отделение, спросила меня:

— Ну как первые ощущения? Какие у вас там предметы? — я ответила:

— Ой, мне очень нравится, только сложно очень. У нас такая женщина лекции по старославянскому читает! Фамилия — Кузнецова, зовут Ариадна Ивановна. Вот на ее лекциях я ничего вообще не могу понять. Боюсь, отчислят меня на первой сессии из-за нее...

— Ну, старославянский, бывает, долго сдают, да. А что еще там у вас читают?

— «Введение в специальность» должно быть, только его еще не было.

— А его кто читает?

— Да не помню точно. Кажется, какой-то Кибрик.

Знакомая изумленно уставилась не меня и разразилась громким смехом:

— «Какой-то Кибрик», Боже мой!..

Думаю, что я сегодняшняя, имеющая за плечами восемь лет на ОТиПЛе (пять лет студенчества, три года аспирантуры, из них два года лаборантской работы), отреагировала бы на подобное дремучее невежество еще эмоциональнее. Но для меня семнадцатилетней, попавшей на ОТиПЛ, что называется, «с улицы» (очень хотелось на университетский филфак, и письменная математика в качестве вступительного экзамена представлялась куда привлекательнее устной истории), до своего поступления не слышавшей абсолютно ничего ни о лингвистических олимпиадах, ни о Кибрике, ни о том, чему, собственно говоря, на этой кафедре учат, было абсолютно очевидно, какой предмет в первом семестре самый главный. Конечно же, старославянский язык! А самый главный человек, внушающий восхищение и трепет буквально до дрожи в коленях, — Кузнецова.

(Про дрожь в коленях я несколько не преувеличиваю: на первом коллоквиуме у меня зубы стучали так, что Ариадна Ивановна даже отвлеклась от старославянского текста, внимательно посмотрела на меня своими сияющими голубыми глазами и задумчиво произнесла: «Отвечаете вроде правильно... Что же вы меня так боитесь-то?»)

Ариадна Ивановна была одной из главных тем обсуждения среди моих однокурсниц: ее изысканные бусы (почти каждый раз новые) и сочетание туфель на каблуках со стремительной походкой вызывали искреннее восхищение наших весьма симпатичных и в большинстве своем ухоженных девушек. А ведь ей к этому моменту было уже за 70!.. Я не знаю других преподавателей, которые в

столь почтенном возрасте служили бы примером того, как надо относиться к своей внешности, для чрезвычайно требовательных и критично настроенных молоденьких студентов.

К концу первого семестра я была окончательно уверена, что первую сессию я не сдам. И, конечно, прежде всего из-за старослава. Несмотря на то, что коллоквиумы я сдала без пересдач, экзамена я страшно боялась: самой Ариадне Ивановне я отвечала только половину первого коллоквиума, остальное у меня принимали аспиранты. На ее лекциях я очень быстро теряла нить рассуждений. (Самое интересное, что я их все-таки поняла! Но гораздо позже: уже будучи на четвертом курсе. Накопив определенный багаж знаний, я в какой-то момент внезапно поняла, что все отвлечения от темы лекции на самом деле были не отвлечениями, а своеобразной попыткой связать воедино разнородные факты из области лингвистики. Возможно, Ариадна Ивановна, человек широчайшей эрудиции, уже на первом курсе пыталась создать у нас целостное представление не только о старославянском, но и о теоретической лингвистике в целом. И такое представление в итоге сложилось — по крайней мере, у меня — и здорово помогло в дальнейшем.)

Конечно, старославянский я в итоге сдала. С первого раза. На «отлично». Чем гордилась так же, как честно заработанной «четверкой» в дипломе по никак не дававшемуся мне французскому.

А потом была середина второго семестра первого курса. И я, совершенно неожиданно для себя и для всех, попала в ту экспедицию, которой руководила Ариадна Ивановна. Причем в число тех, кого туда позвала она сама, я не вошла. Мне просто фантастически, безумно повезло. Одна из моих однокурсниц в разгар весны вдруг решила, что не хочет проходить летнюю практику в приемной комиссии, и, буквально схватив в охапку меня и еще одну девочку с нашего курса, потащила нас к Елене Юрьевне Калининой напрашиваться в экспедицию. Не найдя формального предлога для отказа (мы все были на тот момент круглые отличницы, а однокурсница-инициатор была весьма напориста), Елена Юрьевна включила нас в состав. Так я оказалась в экспедиции к бесермянам. Помню, как я стояла в поезде в тамбуре и смотрела, смотрела на цветущие луга, пронесившиеся за окном... И тут рядом неожиданно возникла Ариадна Ивановна, и мы с ней стали совершенно запросто обсуждать флору средней России. А потом она никому не доверила взять свой рюкзак и легко и быстро шла с ним к автобусу сама, как делала всегда...

В той экспедиции мое ощущение от Ариадны Ивановны сменилось с ужаса на искреннее восхищение. Меня поражало, как быстро она находит общий язык с информантами, как запросто, проходя по коридору, садится играть в солдатики с Сашей, маленьким сыном Светланы Юрьевны Толдовой (будучи профессором, доктором наук и очень заслуженным человеком). А легендарная скорость ее ходьбы!.. Она совершенно запросто ходила к информантам в соседнюю деревню за 10 километров и обратно, и практически никто из нас, молодых и полных сил людей и девушек, не мог ее догнать. (Позже она рассказывала, что и в университет из дома, с улицы Кржижановского, частенько ходит пешком, чтобы не ждать трамвая, и на лыжах зимой десятки километров проезжает... Потрясающая физическая выносливость — проекция небывалой душевной силы.)

Начиная с первой моей экспедиции, Ариадна Ивановна стала творить маленькие чудеса в моей жизни — просто и легко, как она делала это для многих и многих студентов, каждый год приходящих на ОТиПЛ. Первым чудом был селькупский спецкурс. Восхищавшаяся Зализняком, я честно пыталась ходить к нему на санскрит и даже сделала первые три домашних задания. Но не смогла, не осилила. Через пару лет попыталась с другим его спецкурсом — тот же результат. А вот с селькупским у Ариадны Ивановны у меня сложилось, хотя метод преподавания был похожий: немного социолингвистических сведений, расскажем основные моменты грамматики (остальное дома сами прочитаете) и скорее к текстам. Не знаю, в чем причина: то ли агглютинативные уральские языки мне ближе, чем флективные индоевропейские, то ли деванагари меня подкосила, то ли перевернувшие мое мировоззрение сюжеты селькупских сказок заставили полюбить язык, на котором они излагались... Но факт остается фактом: уже через пару месяцев занятий я весьма прилично переводила (и глоссировала, хотя Ариадна Ивановна к глоссированию относилась с мудрой настороженностью) селькупские тексты. Моя курсовая четвертого курса — первой, которую надо было защищать перед коллективом преподавателей кафедры, — была посвящена селькупским глаголам. Так я попала под научное руководство Ариадны Ивановны и впервые переступила порог ее квартиры, в которой и до меня, и после меня перебивало столько студентов и аспирантов. Несколько месяцев я ездила к ней домой, изучала селькупский архив Варковицкой (каким потрясающим человеком нужно быть, чтобы доверить студентке столь ценные материалы!). Ариадна Ивановна разрешала просиживать у себя целыми днями и поила меня чаем. Она всегда щедро делилась всем, что у нее было, — приглашала к себе домой, приносила научную литературу... Советовала мне, на каких конференциях выступить с

докладами, написала письмо организаторам международного финно-угорского конгресса, чтобы они приняли мои тезисы...

А потом Светлана Юрьевна Толдова напомнила мне, что в мордовской экспедиции у меня неплохо получалось с падежами. И я загорелась идеей писать диплом по уральским пространственным падежам. Пришла к Ариадне Ивановне с готовой темой. И все то время, что я писала диплом, а потом кандидатскую диссертацию под ее руководством, она спокойно наблюдала за моей работой. Несмотря на то, что работа эта все дальше и дальше уходила от ее непосредственных интересов, оказавшись, наконец, где-то в области на границе полевой и экспериментальной лингвистики, она честно читала и правила мои тексты и дала очень хороший отзыв для диссертации. На своем опыте и на опыте однокурсников я прекрасно знаю, что далеко не все ученые столь благожелательны к своим ученикам, которых заносит настолько далеко от близкой им сферы деятельности. Если вдруг мне когда-нибудь выпадет счастье взять под научное руководство студентов, Ариадна Ивановна будет для меня примером идеального научного руководителя.

Потом были еще совместные экспедиции, работа над словарем мужевского говора ижемского диалекта и отчасти над первой версией бесермянско-русского словаря... Чем больше я общалась с Ариадной Ивановной, тем больше понимала, что она обладает четырьмя уникальными чувствами: чувством языка, чувством собственного достоинства, чувством юмора и чувством стиля. Поразительно, что при этом ей было совершенно чуждо ханжество. Мои однокурсники до сих пор вспоминают, как она как-то на спецкурсе, объясняя, что такое «скрытая рифма», просила их придумывать все новые и новые концовки рекламного слогана «Евросеть», «Евросеть — цены просто...» В общем, если к заслуженному профессору применимо расхожее выражение «в ней был класс», то это про нее.

Последнее мое долгое общение с Ариадной Ивановной произошло через пару месяцев после того, как она потеряла дочь. Мы вместе с Машей Брыкиной приехали навестить ее — обе мамы маленьких детей, я на последних месяцах беременности третьим ребенком, — и очень боялись расстроить ее, обострить горечь утраты. Но Ариадна Ивановна преподавала мне последний и важный урок. Урок мужества, которое тоже было ее неотъемлемой чертой. Она расспрашивала нас о наших детях, с юмором рассказывала о своей дочери, о смешных случаях из ее детства, о ее нянях...

Я не могу отнести себя к числу ближайших учениц Ариадны Ивановны. Таких, как я, у нее было очень много. Тем поразительнее, насколько сильно она повлияла и на меня, и на всех студентов и аспирантов, которые с ней сталкивались. Это отмечают все, с кем мы вместе учились на ОТиПЛе.

Летом я снова поеду в Шамардан — в ту самую деревню в Удмуртии, в которую я впервые попала вместе с Ариадной Ивановной одиннадцать лет назад. Случилось так, что большая часть моей профессиональной деятельности оказалась тесно связана с этой деревней. Я не знаю, какие подобрать слова, чтобы рассказать информантам о том, что случилось этой весной. Ведь первый вопрос, который они задавали нам на протяжении всех этих лет, что мы туда ездим, — «Как дела у Ариадны Ивановны?». Как и для всех студентов и выпускников ОТиПЛа, как и для всех, кому доводилось с ней общаться, она стала для наших бесермян символом стойкости, вечности, незыблемости и мужества...

Сибирь — страна дастанов (о некоторых терминах дастана «Идегей»)

Вся история Сибири связана с различными финно-угорскими и тюркскими народами. Отдельные племена, группы тюрков оседали здесь с очень ранних времен. Сибирские татары издавна расселились в бассейнах рек Иртыш и Тобол. Они ведут свою генеалогию от древних тюрков — создателей первых империй в Евразии. Великий древнетюркский каганат был создан в VI в., Первый каганат существовал в 552—630 гг., Второй каганат — в 682—745 гг. Главную роль в этническом формировании сибирских татар сыграли, по-видимому, кимакско-кыпчакские племена, этническое ядро которых сложилось в Прииртышье в IX—XI вв. после гибели Западнотюркского и Уйгурского каганатов.

Начиная с XVII в. в эти места стали переселяться выходцы из Средней Азии — бухарцы. В XVIII в. в Тобольском, Тюменском и Тарском уездах были образованы отдельные бухарские волости. В XVIII — начале XX вв. территория Тоболо-Иртышья входила в состав Тобольской губернии и делилась на Тобольский, Тюменский, Туринский, Ялуторовский и Тарский уезды (округа).

Надежным источником информации об особенностях языка тоболо-иртышских, барабинских, томских татар являются дастаны. Книга дастанов Ф. В. Ахметовой-Урманче дает яркое представление о духовном мире, мире культуры наших предков, создавших первые государства в Западной Сибири — Тюменское и Сибирское ханства. Дастан — эпический жанр в тюркоязычной литературе и народном творчестве, бытующий устно и письменно, в стихах и прозе или в смешанной форме, с мелодией и без нее на архаико-героическую, историческую и любовно-лирическую тематику. В данном издании тексты дастанов приведены в нормализованной форме, приближенной к современному литературному татарскому языку, но лексическое своеобразие текстов сохранено.

Самым значительным по исторической, лингвистической, художественной ценности является поэтический дастан «Идегей». Знатоки литературного искусства ставят «Идегей» в один ряд с такими шедеврами мирового искусства, как эпосы «Манас», «Илиада», «Одиссея».

Эпос «Идегей» повествует о сложном и противоречивом периоде истории Золотой Орды в конце XIV — начале XV вв. В основу народного эпоса «Идегей» легла борьба за единство Золотой Орды. Такие правители, как Идегей, Тохтамыш, фигурируют в числе самых значительных деятелей в истории, при которых совершались славные дела.

Дастан «Идегей» дает богатый материал, касающийся военной структуры местного населения Западной Сибири. Во время войны, чтобы собрать воинов, провозглашали боевой клич — оран салу. Использовали две формы тактики ведения военных действий: после провозглашения урана войска собирались в одном заранее условленном месте и молниеносно атаковали врага, грабили его, тотчас возвращались на свои земли и рассеивались по степи. Военные трофеи обозначены в дастане словом *улжа* — *табыш*, *сугыш ганимәте*, *күбесенчә хатын-кыз* [Татар эпосы: 457]¹, т. е. зачастую такой добычей становились девушки и красивые женщины.

Военная организация татар в средние века делилась на три части: правое крыло (восточный фланг), левое крыло (западный фланг) и центр. Каждую из них еще называли *тәмән* — *ун меңлек гаскәр* [Татар эпосы: 457], т. е. войском, состоящим из 10000 воинов-всадников. Тюмени в свою очередь делились соответственно на 1000, 100, 10 воинов.

Следующая форма тактики исходила из структуры войска. При встрече с врагом тюрки оставляли лишь слабую центральную часть войска. Более сильные — левое и правое крылья — находились в засаде. Задача центра заключалась в ослаблении и заманивании врага в эту засаду. Ряд терминов, содержащихся в дастане «Идегей», проливает свет на специфику воинских должностей, распространенных у предков сибирских татар: *иравыл* — *алдан бара торган гаскәр* [Татар эпосы: 458] ‘воин, идущий впереди’²; *чагдавыл* — *арттан бара торган гаскәр* [Татар эпосы: 458] ‘воин, идущий в хвосте, сзади’; *тоткавыл* — *тышкы сакчы* [Татар эпосы: 458] ‘охраняющий внешние рубежи’; *ясавыл* — *эчке сакчы* [Татар эпосы: 458] ‘охраняющий внутренние рубежи’; *шыгавыл* — *ишек сакчысы* [Татар эпосы: 458] ‘охраняющий вход’; *сургавыл* — *дошман артыннан күзәтеп баручы*; *артта калган яугирләрне куып баручы* [Татар эпосы: 458] ‘разведчик; тот, кто подгоняет отстающих воинов’.

¹ Здесь и далее приводится комментарий Ф. В. Ахметовой-Урманче.

² Здесь и далее перевод на русский язык наш.

Военная лексика дастана дает представление об оружейном деле. Главным оружием были копье, слабо согнутая сабля с массивной рукоятью, сборные, часто сделанные из рогов горных козлов луки, свистящие стрелы. Привязанные на конце стрел легкие костяные свистульки при полете издавали свист. А когда летели на врага тысячи и тысячи стрел, его охватывала паника. Это была, в своем роде, психологическая атака на противника. В дастане «Идегей» выделены лексемы, характеризующие типы оружия: *садак* — *ук савыты* [Татар эпосы: 455] ‘колчан’; *найза* — *сөңге* [Татар эпосы: 458] ‘копье’; *йыда* — *сөңге* [Татар эпосы: 458] ‘копье’; *чөйдале* — *асмалы балта* [Татар эпосы: 458] ‘топор, который подвешивается’; *корок* — *эlmәкле озын колга, укрук да тиелә* [Татар эпосы: 458] ‘крюк с длинной ручкой’. Воины-богатыри (*палван* — *пәһлеван* ‘богатырь’) носили специальную одежду *көбә* — *металл божралардан ясалган кием* [Татар эпосы: 458] ‘кольчуга’. Военное знамя называлось *ту* — *байрак* [Татар эпосы: 458].

По мнению создателей эпоса, чем славнее, важнее и легендарнее были их герои, тем они были знатнее и богаче. Представления о легендарных предках свойственны высшему слою общества. В дастане много места уделяется соколиной охоте, которой увлекались тюркские аристократы средневековья. Об этом свидетельствуют термины *бүз тойгын* — *ак бөркет* ‘белый беркут’, *бөркет* ‘орел’, *бөркетче* ‘сокольник’ [Тат.: 71].

К лексико-семантической группе «охота» относятся архаические слова *тур*, *тур агач* — *кош кундыра торган агач* [Татар эпосы: 460] ‘дерево, шест для приземления птицы’; *турбала* — *чөөлергә тиешле кош баласы* [Татар эпосы: 466] ‘молодая птица, предназначенная для охоты’; *давылбаз* — *бәрмә музыка уен коралы, элек кош чакыру өчен кулланылган* [Татар эпосы: 460] ‘музыкальный инструмент, использовавшийся для приманки птиц’; *кош күтәрде* — *кош чөпә аулады* [Татар эпосы: 460] ‘он охотился с помощью птицы’.

Культуру тюркских племен невозможно представить без юрты, величайшего изобретения самих кочевых тюрков. Сделанные из войлока жилища защищали кочевников от стужи, ветра, мороза, дождя и снега. Об удобстве этих юрт, о теплоте и здоровом микроклимате в них с восхищением писали многие средневековые поэты. В дастане «Идегей» употребляются слова, характеризующие юрту или части юрты: *утау* — *тирмә* [Татар эпосы: 456] ‘юрта’; *кушаллык әү* — *ялма ишекле тирмә* [Татар эпосы: 460] ‘юрта с закрывающейся дверью’; *кирәгә* — *тирмәне тотып тора торган колгалар* [Татар эпосы: 460] ‘шесты, подпирающие остов юрты’; *унагы* — *тирмә терәге* [Татар эпосы: 460] ‘подпорка юрты’.

Материалы топонимики Тоболо-Иртышья демонстрируют наличие параллелей в текстах дастанов, в средневековой истории кыпчаков и в древнетюркских памятниках. В дастане «Идегей» фигурирует один интересный термин, которым обозначали лицо, занимавшееся распределительными функциями. Это распорядитель, человек, устанавливающий порядок, обладающий широкими полномочиями: *бүлчәр* — *бүлүче, билгеләүче, тәртип саклау белән шөгьльләнүче киң вакәлтле зат* [Татар эпосы: 465]. В реальном существовании подобной должности на территории Сибирского ханства убеждают сохранившиеся топонимы *Болчаровка* в Тобольском районе, *Болчары* в Кондинском районе ХМАО, был также одноименный *Болчаровский* сельсовет. В Кондинском районе существует речка *Болчар*, правый приток р. Конда.

В тюркских государствах средневековья, которые были политическим объединением этнически и религиозно разнородного населения, конгломерата народов и племен, управляли государством «люди меча» и «люди пера» [Мейер 2007: 26]. Само общество казалось целой армией. Каждый мужчина, способный брать в руки оружие, являлся воином, а в мирное время он пас стадо, занимался хозяйственным делом.

В таких государствах аппарат административного управления составляли «государевы рабы» (*капыкулу*)³. «Государевы рабы» представляли собой людей, вырванных из их традиционной социальной среды и обращенных в ислам. Проведя несколько лет в качестве слуг в семьях зажиточных турок, а затем, пройдя обучение в особых султанских школах, они могли быть выдвинуты на самые высокие должности» [Мейер 2007: 27].

Несколько топонимов Западной Сибири содержат в своей структуре основу *кол / кул* ‘раб’. Жители этих населенных пунктов были напрямую связаны с правителем Сибирского ханства Кучум-ханом, принадлежали к религиозному и торговому бухарскому сословию.

В древности тюркские племена проникали на территорию Сибири по водным артериям р. Иртыш, берущей начало как Черный Иртыш с территории Китая, а также мигрировали с прародины тюрков Алтая. Исламизация края происходила, по мнению наших информантов⁴, «со стороны Казахстана», с левобережья Иртыша [Алишина 1999б: 8—9].

Самый восточный топоним *коллар* (мн. ч. от *кол*) функционирует в Томском районе Томской области — *Коларовский* сельский совет.

³ *Капыкулу* — ‘мужчина, охраняющий вход, ворота; привратник’, букв. *капы* + *кул-у*: *кари* — *ишек, капка* [Төр 1998: 242] ‘дверь, ворота’, *кул-у* — ‘его (их) раб, невольник’.

⁴ Рамазанов Шэйгулла Рамазанович, Вагайский, Кобяк, участник ВОВ, записано в июле 1986 г.; Давлетшин Юмали Давлетпагович, Вагайский, ю. Тукузские, 1911 г. р., записано 6 января 1989 г.

На карте Сибирского ханства XVI в., составленной Г. Ф. Миллером, городок **Кулара** расположен недалеко от Тебенди, на левом берегу Иртыша. В его «Путевых описаниях» читаем: «Kullar-aul, две деревни на западной стороне, заселена ясачными и служилыми. Одна на берегу Иртыша, для летних жилищ, а другая, для зимних, в 1 версте от берега, на озере Кулларском, которое длиной в 2 версты и посередине имеет остров. Возле зимней и летней деревень из озера Шортанли в Иртыш течет Kullar-tamak» [Сибирь: 60].

Язык жителей с. Куллары относится к тевризскому говору тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. В 1960-е гг. научная экспедиция Казанского университета во главе с Д. Г. Тумашевой побывала в д. Ашеваны, Тибенде Усть-Ишимского района, **Кипо-Куллары**, **Мало-Куллары**, Утузы, Кускуны, Ай, Ташаткан, Байбы Тевризского района, д. Тайчи, Усть-Тамак, Качуково Знаменского района Омской области. **Кипо-Куллары** неофициально называли **Кипкуллар**, **Эйре** [Тумашева 1977: 174].

Недавно региональная газета «Истина»⁵ опубликовала статьи «В старинной крепости Сибири открылась новая мечеть», «Кипа Кулары — город сибирскотатарской славы». «Кип-Кулары — старинное поселение сибирских татар в Омской области, бывшая крепость Сибирского ханства, известная из летописей, как «опасный крайний Кучумовский городок»... На кипо-куларском кладбище похоронен святой Бохретдин». По статистике 1926 г., **Кипо-Кулары** образованы в 1646 г. В 1585 г. известно упоминание в форме **Кулары**: пять дней казаки (Ермака) «штурмовали крепость (Кулары) и были вынуждены отойти ни с чем». Автор предлагает несколько версий народной этимологии топонима **Кипо-Кулары**: 1) *кул* 'рука', *ары* 'много', 2) *күп кулар* 'много (божьих) рабов'. Второе наименование деревни **Йери**, по версии автора, дали казанские татары-переселенцы, которые восклицали: «Ах, какая прекрасная земля (*йери*)!». И продолжает: «Есть и научная гипотеза происхождения этого слова, которую отстаивали исследователи из Казани (Д. Тумашева и др.), **Йери** — это искаженное *Айери* — земля луны, земля племени аялинцев» [Уразалеев 2014: 6].

Учитывая исследования М. С. Мейера, мы предполагаем, что название **Кипо-Куллары** происходит от словоформы *капыкулу* 'государевы рабы'. А второе название **Эйре**, точнее **Эйре**, согласно «Словарю диалектов сибирских татар», означает 'река', что зафиксировано Д. Г. Тумашевой в д. Шагир Куйбышевского района Новосибирской области [Тумашева 1992: 36].

Мало-Куллары Тевризского района Омской области имеют неофициальные названия Нагорная, Кышлау. *Кышлау* — 'место зимовки, зимовье' [Тат.: 194].

В начале XX в. была **Куларовская** русская волость Тобольского уезда, в которую входили 38 населенных пунктов.

На правой стороне Иртыша были волости Би Туртас, **Кол** Туртас (*би* 'господин', *кол* 'раб, подчиненный, зависимый'). Термин *кол* 'раб' вошел составной частью в гидронимы с аналогичным названием Би Туртас, **Кол** Туртас. В Тобольском районе имеется озеро **Кулларово**.

В «Атласе Тюменской области» в 1971 г. отмечена русская деревня **Накуларово Куларовского** сельсовета Вагайского района. На севере Тюменской области в Казымском сельсовете Березовского района существует с. **Хуллор**.

Со словом **коллар** прямо или косвенно связана история древнейших сел татар Сибири. Термин **коллар** хорошо знаком уроженцам исчезнувших юрт Саусканских. Саусканы, «столица» Сибирской Бухарии, были основаны в годы исламизации Сибири торговым сословием, владевшим арабско-персидско-тюркским полилингвизмом. Административное управление строилось на средневековых принципах. Легенды гласят, что д. Саускан (ср. сиб.-тат. *сауысқан* 'сорока' [Тумашева 1992: 187]) и д. Абалак Тау (Татар Абалак, Подбугорная, ср. сиб.-тат. *абалақ* 'сова' [Тумашева 1992: 15]) правил красивый молодой человек по имени Саис. В арабском языке прилагательное *саис* означает 'правитель, управитель, администратор' [Махмутов, Хамзин, Сайфуллин 1992, II: 497]. Весной 1581 г. распространилась весть: «По Тоболу идут неверные!». Жители Саускана, обезумев от страха, бежали в лес, жили в землянках. В деревне остались одни старики и старухи. Кучум-хан со свитой бежал в Барабинскую степь. Некоторые мурзы, например, Баяр — остяцкий мурза (в Приуралье издавна в значении 'помещик' у татар употреблялось, как и у башкир, удмуртов, марийцев, слово *баяр*) с Нижнего Иртыша, в целях самосохранения подчинились казакам. Воевода Болховский на побежденных наложил ясак «с дыма»: платили скотом, деньгами. Недоимки росли год от года. Купцы, муллы, чиновники, мурзы переходили на сторону русских, за это власть им уменьшала налоги. Ясачный Мокамай и служилый Мухардин из рода Урамай тоже перешли к русским. Существовал закон: имеющих большие недоимки превращали в рабов, чтобы не уменьшать список ясачных. Кто становился рабом, тех с земель Кашлыка отправляли подальше на тяжелые работы. Так в Вагайском районе в 1600-е гг. появилась д. **Коллар**. В ю. Саусканских были медресе, мечеть, начальная арабская школа, дом для шакирдов. Шакирды прибывали из Каш Бэргэр, Комарау, Кызылбай,

⁵ С 2004 г. издается на средства ДУМ АЧР (духовное управление мусульман Азиатской части России) в Свердловской области.

Үлэртеш, Өстамак, Пушнаш. Преподаватели приглашались из Казани, Мекки, Медины. В д. Саусканы жили роды Муратовых, Бекшеневых, Урамаевых, Карычевых, Янишевых, Исхаковых, Суючевых и др. Они занимались выделкой кож, торговлей. Подсобными занятиями считались земледелие, охота, рыболовство, собирательство. Сотни подвод, груженых рыбой, мехами, выделанными шкурами животных, отправлялись на Ирбитскую, Макарьевскую ярмарки, возвращались следующей зимой. С ярмарки привозили обувь, посуду, одежду, другие товары. Во время гражданской войны 1917 г. богатые люди оставили деревню, уехали в Семипалатинск, Омск, Караганду, Узбекистан, Турцию. После Великой Отечественной войны остальные жители переехали в Тобольск, Омск, Петропавловск, Тюмень.

Юрты Меримовские по-татарски называются **Коллар**. В 1952 г. ю. Меримовские входили в состав Блинниковского сельсовета, в 1969 г. д. Меримовская зафиксирована в Карачинском сельсовете Тобольского района.

Куларовские юрты на р. Иртыш попали в поле зрения С. К. Патканова в 1897 г. В материалах I Всероссийской переписи населения указывается: здесь было 75(2) хозяйств, 188 мужчин, 203 женщины, в т. ч. 1 русский, 19 бухарцев, 80 крестьян. В настоящее время входит в состав Куларовской администрации Вагайского района Тюменской области [Алишина 1999а: 145—146]. Деревня расположена на берегу оз. **Коллар бурэн**. Согласно преданиям, здесь поселились исламские миссионеры. Время от времени шейхи собирались у старшего шейха Кульера Гафьера по прозвищу «Әйтнәк» («оратор») обсудить дела. Это поселение находилось на торговом пути, пролегавшем по долине р. Вагай на север. Людям, идущим из Тюмени, Тобольска, дорогу к Кульеру указывал батрак. Место, где жил батрак, называлось **Патрак** (сейчас д. Шевелево < *шыгавыл* — *ишек сакчысы* «привратник»). Торговую дорогу, идущую по правому берегу Иртыша, держал шейх по имени Шәмси, прибывший в Сибирь с 366 шейхами. Место его проживания раньше называли **Шәмси**, а сейчас — **Шаңшы**. В тобольских краях к шейхам относились по-разному: одни миролюбиво, другие не любили, убивали. Однажды шейхи по какому-то поводу собрались в Коллар. Внезапно на них напали, многих убили. На кладбище деревни Кульер, сейчас называют **Шаңшы-Коллар**, есть **Астана** — братская могила шейхов. Раньше не разрешалось близко подходить к **Яхшылар сарае**. В 1941 г. **Яхшылар сарае** (*әүле* — ср. др.-тюрк. *eb* «дом, становище», чув. *йрлә* «шалаш, навес, будка, мякинница» [Дыбо 2008: 245]) унесло половодьем. Благодаря Маргановым, Айтняковым, Капшановым *әүле* была построена заново. В 1981 г. рядом с оградкой соорудили семиугольный мавзолей высотой в пять рядов из мелких бревен. Кульер и Гафьер — родные братья. Младший жил в **Уба-Коллар**: по дороге в Тюмень у Карачино есть д. Уба на берегу Тобола. После кончины шейхов *ниязчеләр* (Ниязовы) поминали их, читали молитвы. В **Коллар** есть место **Сарай** (тат. «дворец»). В бою с казаками погибли два сына Кучум-хана. Говорят, отступая на восток, похоронили только мышцы, кости взяли с собой. Такова легенда.

Еще одно неофициальное название селения Коллар может быть связано со следующим местом в тексте эпоса: «Хан Туктамыш носил кольчугу, которую называли «Нургоба атлы көбә» — кольчуга «Нургоба» [Татар эпосы: 460]. В Сибири есть несколько легенд: считают, что хан Туктамыш похоронен в с. Тухтамыш Томской области, также называют оз. Карасук в Новосибирской области (МХ, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 198). Из двух селений Коллар, расположенных недалеко от Тобольска по обоим берегам Иртыша, одно носит татарское название **Нурбага Коллар**.

Слово **кол** у тюркских народов отмечено в качестве родового названия: *кул(лар)* — башкиры, казахи (подразделение *кул* рода кердери объединения жетиру Младшего Жуза), узбеки (подразделение *куль* рода Куштамгалы племени кунград и сарой). У кыпчаков Ферганской долины — род *куллар*, у узбеков-карлуков — род *куллар* (*дўлма*) [Бушаков 1991: 45]. У туркмен — *гул*, *гуллар* (*арсары*, *акдери*) «подчиненные» [Атаниязов 1988: 53].

Таким образом, дастаны как памятники устного народного творчества можно назвать первыми историческими книгами сибирских татар. Они являются прекрасным и богатым источником для изучения лексики языка сибирских татар. Татарские географические названия, находящие параллели в дастанах, весьма разнообразны как по времени появления, так и по связям с разными лингвокультурными сообществами и заслуживают дальнейшего внимательного изучения. В языке дастанов отражаются элементы материальной и духовной культуры, историческое прошлое сибирских татар, сложившихся как этническая общность в средние века.

Сокращения

др.-тюрк. — древнетюркский
 мн. ч. — множественное число
 сиб.-тат. — сибирско-татарский

тат. — татарский
 чув. — чувашский

Литература

- Алишина 1999а — *Алишина Х. Ч.* Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография. Ч. 1. Тюмень, 1999. {*Alishina H. Ch.* Onomastikon sibirskih tatar (na materiale T'umenskoj oblasti): Monografija. Part 1. T'umen', 1999.}
- Алишина 1999б — *Алишина Х. Ч.* Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография. Ч. 2. Тюмень, 1999. {*Alishina H. Ch.* Onomastikon sibirskih tatar (na materiale T'umenskoj oblasti): Monografija. Part 2. T'umen', 1999.}
- Атаниязов 1988 — *Атаниязов С.* Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад, 1988. {*Atanijazov S.* Slovar' turkmenskih etnonimov. Ashhabad, 1988.}
- Бушаков 1991 — *Бушаков В. А.* Тюркская этнооиконимия Крыма. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. {*Bushakov V. A.* T'urkskaja etnooikonimija Kryma. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 1991.}
- Дыбо 2008 — *Дыбо А. В.* Материальный быт ранних тюрков // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / Отв. ред. *Дыбо А. В.* М., 2008. С. 219—272. {*Dybo A. V.* Material'nyj byt rannih t'urok // Prirodnoe okruzenie i material'naja kul'tura prat'urkskih narodov / Ed. *Dybo A. V.* M., 2008. P. 219—272.}
- Махмутов, Хамзин, Сайфуллин 1992 — *Махмутов М. И., Хамзин К. З., Сайфуллин Г. Ш.* Словарь арабско-татарско-русских заимствований. Т. I—II. Казань, 1992. {*Mahmutov M. I., Hamzin K. Z., Sajfullin G. Sh.* Slovar' arabsko-tatarsko-russkikh zaimstvovanij. Vol. I—II. Kazan', 1992.}
- Мейер 2007 — *Мейер М. С.* Романовы и Османы: Империя как судьба // Родина: Российский исторический журнал. 2007, 4. С. 24—30. {*Mejer M. S.* Romanovy i Osmany: Imperija kak sud'ba // Rodina: Rossijskij istoricheskij zhurnal. 2007, 4. P. 24—30.}
- МХ — Архив древних рукописей Института языка, литературы, искусств имени Галимжана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (тат. *Мирасханә*).
- Сибирь — Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Отв. ред. *Покровский Н. Н.* Подгот.: *Элерт А. Х.* Новосибирск, 1996. {*Sibir' XVIII veka v putevyh opisanijah G. F. Millera* / Ed. *Pokrovskij N. N.* Prepared: *Elert A. H.* Novosibirsk, 1996.}
- Тат. — Татарско-русский словарь: 25 000 слов / Под ред. *Ганиева Ф. А.* Казань, 2002. {*Tatarsko-russkij slovar': 25 000 slov* / Ed. *Ganieva F. A.* Kazan', 2002.}
- Татар эпосы — Татар эпосы. Дастаннар / Сост., автор предисловия, примечаний и словника *Ахметова-Урманче Ф. В.* Казань, 2004. {*Tatar eposy. Dastannar* / Sost., avtor predislovija, primechanij i slovnik *Ahmetova-Urmanche F. V.* Kazan', 2004.}
- Тумашева 1977 — *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977. {*Tumasheva D. G.* Dialekty sibirskih tatar: Opyt sravnitel'nogo issledovanija. Kazan', 1977.}
- Тумашева 1992 — *Тумашева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. {*Tumasheva D. G.* Slovar' dialektov sibirskih tatar. Kazan', 1992.}
- Төр. — Төрөкчә-татарча сүзлек. М., 1998. {*Törekchä-tatarcha süzlek.* M., 1998.}
- Уразалеев 2014 — *Уразалеев Р.* Кипа Кулары — город сибирскотатарской славы // Истина. 2014, 8 (134). С. 6. {*Urazaleev R.* Kipa Kulary — gorod sibirskotatarskoj slavy // Istina. 2014, 8 (134). P. 6.}

РЕЗЮМЕ

Дастан «Идегей», отражающий события 1388—1419 гг., записан в 1919 г. от сказителя из аула Еланлы Тарского уезда Тобольской губернии Ситдика Зайнутдинова. В статье анализируются некоторые термины тюркского происхождения, извлеченные из дастана «Идегей», опубликованного в 2004 г. Флорой Ахметовой-Урманче в книге «Татарский эпос. Дастаны».

SUMMARY

The Dastan "Idegei" tells about the events of 1388—1419 years. It was recorded from Sitdikov Zaynutdinov, the narrator of the Elanly village Tarski county of Tobolsk province at 1919. This article analyses some terms of Turkic origin, extracted from the dastan "Idegei" which was published by Flora Akhmetova-Urmanche in the book «Tatar epic. Dastans» at 2004.

Ключевые слова: дастан, язык сибирских татар, тоболо-иртышский диалект, барабинский диалект, томский диалект, военная лексика, ономастическая лексика

Keywords: dastan, language of Siberian tatars, Tobol-Irtysh dialect, Baraba dialect, Tomsk dialect, military vocabulary, vocabulary of names

О распространении этнонима *šöšqum* / *šöšqur* в среднеобском диалектно-локальном ареале

Как известно, у селькупов, проживающих в Приобье, исследователями были отмечены различные локальные этнонимы: Н. Г. Спафарий, например, упомянул этноним *чугулы* [Спафарий 1997: 242], М. А. Кастрен — *Tschumel-gop*, *Schosch-kom*, *Sysse-gom* [Кастрен 1999: 87], Г. И. Пелих — *süsügula*, *igula*, *šiešgula*, *t'egula*, *maškula*, *čumulgula*, *sel'gula*, *sorgula*, *pajgula*, *karal'gula* [Пелих 1981: 10—11]. Список этнонимов, бытовавших в селькупском Приобье, см. в [Тучкова и др. 2005].

Таким образом, начиная с первых публикаций материалов М. А. Кастрена [Castrén 1856; Кастрен 1860], этноним *Schosch-kom* (именно в такой фонетической огласовке) был известен и введен в научный оборот. Впоследствии этот этноним в несколько измененном фонетическом облике — *šöšqum* / *šöšqur* — появился в материалах XX в., в частности, в записях А. П. Дульзона, А. И. Кузьминой и Г. И. Пелих.

Цель данной статьи — выявить ареал распространения этнонима *šöšqur* и проверить, насколько он совпадает (или нет) с границами распространения среднеобского диалекта. Вопрос определения территории бытования этого этнонима является чрезвычайно важным, т. к., только решив его, можно будет продвинуться в решении еще более сложной задачи — реконструкции истории формирования данной диалектно-локальной группы. Данный вопрос в научной литературе освещен недостаточно: на сегодняшний день нет ни одной публикации, специально посвященной теме территориального распространения селькупских этнонимов, тем более, отсутствуют публикации о распространении этнонима *šöšqur*. В связи с этим фактом важным является как сбор и обобщение всего имеющегося полевого лингвистического и этнографического материала, связанного с данным этнонимом, так и выявление реальных границ ареала его распространения и фамильного состава лиц, принимавших его в качестве самоназвания.

В результате поиска фиксаций этнонима *šöšqur* в полевых материалах различных исследователей-селькуповедов и в опубликованных работах лингвистов и этнографов было выявлено следующее. М. А. Кастрен определил территорию распространения группы *Schosch-kom* достаточно широко — «по Оби выше Нарыма» [Кастрен 1999: 87].

В 1952 г. лингвист А. П. Дульзон, собирая этнографический и лингвистический материал у жителей населенного пункта Иванкино, записал генеалогию некоторых селькупских фамилий (Кайдаловых, Чаршиных-Кияровых, Тобольжиных, Ижучкиных), а также сравнил языковые данные из двух населенных пунктов — Иванкино и Тайзаково на Оби (Томская область). Именно эти данные стали впоследствии основой для выявления специфики иванкинского говора относительно других диалектных подразделений селькупского языка. В полевых материалах А. П. Дульзона были зафиксированы самоназвания от двух информантов: от Надежды Гавриловны Чаршиной (Иванкино) самоназвание было записано как *шöшкун*, а от другой информантки — Клавдии Александровны Телесовой (Тайзаково) — как *шöшкун* [Дульзон 1952: 234—235; Каталог 1998: 109] (Приложение 1).

Сравнив данные из Иванкино и Тайзаково, А. П. Дульзон отнес эти населенные пункты, несмотря на их отдаленность друг от друга, к единому диалектному ареалу. Характеристику языковой специфики этого диалекта он опубликовал в статье “Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen” (1971 г.), где выделил его в рамках населенных пунктов Басмасово, Иванкино, Мумышево и Тайзаково на Оби, дав этнонимическое название всему этому ареалу — «шёшкупский» [Dulson 1971: 35]. Однако следует подчеркнуть, что в материалах А. П. Дульзона не отмечено документальных свидетельств об использовании этнонима *шёшкун* / *шёшкун* в каких-либо иных населенных пунктах, кроме Иванкино и Тайзаково. Достоверных свидетельств использования данного этнонима в Басмасово и Мумышево исследователи не имеют.

О двойном употреблении лексического компонента *-qur* / *-qum* со значением ‘человек’ в среднеобском диалекте писали многие исследователи (см., например, [Быконя 2005а: 23—24]). Именно эта лексема наиболее часто используется лингвистами, чтобы продемонстрировать смешение грамматических показателей *-p* / *-m* (в ауслауте), обычно отграничивающих центральные и северные диалекты от южных, как специфическую особенность среднеобского диалекта [Хелимский 2000: 70].

Следующая по хронологии фиксация этнонима *šöšqur* выявлена в тетрадях экспедиции Г. И. Пелих, датированных 1961 г. Там имеется запись, сделанная в Иванкино от Иткуповой Александры Степановны: этноним на селькупском языке был записан как *шошкун няптэ* (Приложение 1). Сама информантка

перевела это словосочетание как «грязнолицый шошкуп» [Пелих 1961: 27], однако буквально оно значит 'шёшкупская грязь', ср. сельк. об. ш., вас. *няптя* 'грязь, тина' [Быконя и др. 1994: 56; Быконя 2005б: 162].

В 1965 г. в Иванкино проводил исследования томский антрополог В. А. Дрёмов. Его полевые записи полны не только данными антропологических измерений, но и сведениями исторического и этнографического характера. Например, им был неоднократно зафиксирован этноним на селькупском языке: от информантки Е. В. Сычиной он был записан как *шоёшкуп*; от Е. С. Сагандуковой (Сычиной) — *шоешкула* в значении 'наши'; по р. Пурьянге (юрты Езенгины) от М. Д. Колпашникова и М. Ф. Тобольжина — *шоёшкуп / шоёш* [Дрёмов 1965: 67—97] (*Приложение 1*).

В 1967—1968 гг. в Иванкино побывала лингвист-селькуповед А. И. Кузьмина, которая работала с селькупами-информантами: Игермаевой Евгенией Ивановной, Былиной Маремьяной Степановной, Сычиной Устиньей Фирсовной и Сычиной Елизаветой Варламовной¹. От них А. И. Кузьмина записала этнонимы на селькупском языке с переводом на русский:

1) Е. В. Сычина (Иванкино) — *шёшкула малау ежат* 'селькупов мало'; *мат шёшкуп* 'я селькуп'; *мананы паят най шёшкуп* 'моя жена — тоже селькуп'; *шёшкупуй налкуп* 'селькупская женщина'; *мат шёшкунд* 'ты селькуп'; *мат шёшкуллак* 'я селькуп'; *таг шёшкуп* 'он селькуп'; *ми вес шёшкулаут* 'мы все селькупы';

2) Е. И. Игермаева — *шёшкулд'аре* 'по-селькупски';

3) М. С. Былина — *шёшкун* 'селькуп'; *шёшкула ми* 'мы селькупы';

4) У. Ф. Сычина — *шёшкуп* 'остяк'; *шёшкупуй куп* 'остяк'; *мат шёшкунук* 'я остяк'.

В «Грамматике селькупского языка» (1974 г.) А. И. Кузьмина приводит зафиксированные ею варианты этнонима: *шё:шкуп*, *шё:шкупуй кум*, *шёшкуп*, *шёшкун*, *шёшкун?*² (т. е. с долгим первым гласным и нет) [Кузьмина 1974: 96]. Интересно отметить, что В. А. Дрёмов, не будучи лингвистом, слышал некую дифтонгизацию в произнесении этнонима информантами: он стабильно записывал *шоё / шое*, т. е. «раскладывал» первый гласный на два звука, записывая это с помощью кириллической графики, тогда как лингвист А. И. Кузьмина дифтонгизацию в произношении этнонима жителями Иванкино не отмечала, зато фиксировала долготу первого гласного (все упоминания этнонима в материалах А. И. Кузьминой вынесены в таблицу в *Приложении 1*).

В полевых материалах А. П. Дульзона, В. А. Дрёмова и А. И. Кузьминой есть также сведения о месте рождения некоторых вышеупомянутых информантов, от которых есть задокументированные факты произнесения ими этнонима *шёшкуп* или *шёшкун*. Так, например, некоторые информанты, проживающие в Иванкино во время бесед с исследователями, на самом деле являлись уроженцами соседних деревень: Телесова Клавдия Александровна была родом из Тайзаково, Сычина Елизавета Варламовна (1923 г. р.) — из Киярово, Былина Маремьяна Степановна (1898 г. р.) — из Тяголово (25 км от Иванкино), Сагандукова (Сычина) Екатерина Степановна — из Езенгино, Тобольжина Мария Федоровна (1915 г. р.) — из Иготкино. Если принять во внимание тот факт, что этничность закладывается в раннем детстве и ее важным маркером является этноним, то можно с большой долей вероятности предположить, что в этих населенных пунктах — Тайзаково, Киярово, Тяголово, Езенгино, Иготкино — также использовался этноним *шёшкуп* или *шёшкун* в качестве самоназвания.

Таким образом, обобщая собранный фактический материал об этнониме *šöšqur*, приведенный в таблице в *Приложении 1*, можно сделать следующие выводы.

1) Достоверных и задокументированных записей-фиксаций немного — всего 14 единиц. Даже если учесть, что, возможно, не все источники выявлены, тем не менее бросается в глаза, что этот этноним записывался исследователями нечасто: лишь единожды в XIX в. и ограниченное количество раз во второй половине XX в.

2) Данный этноним в качестве самоназвания приводили лишь жители следующих населенных пунктов: Иванкино и (единичная запись) Тайзаково; косвенные данные свидетельствуют о вероятном его использовании жителями Киярово, Езенгино, Иготкино и Тяголово.

3) Информанты, озвучившие его, принадлежат к следующим фамилиям: Сычины, Чаршины, Иткуповы, Тобольжины, Сагандуковы (Сычины), Игермаевы, Былины, Телесовы и Колпашниковы. Наибольшее количество фиксаций этнонима *шёшкуп* в качестве самоназвания отмечено у информантов из Иванкино с фамилией Сычины. Единичные примеры отнесения себя к шёшкупам мы имеем среди Тобольжиных, Былиных, Иткуповых и Чаршиных.

¹ Подробнее о том, с кем из иванкинских информантов и по каким темам работала А. И. Кузьмина, см. [Тучкова, Хелимский 2010: 49—53].

² В источнике записано с вопросительным знаком в середине слова.

Рассмотрение этимологии самоназвания *šöšqur / šöšqum* не является прямой задачей данной публикации. Однако можно отметить, что обычно исследователи рассматривают ее в совокупности с этимологией этнонима *шөшкүм*, считая, что *шөшкүм* является его диалектным вариантом. Кроме того, традиционно многие (вслед за М. А. Кастреном и др.) рассматривают данный этноним как соединение двух основ, где *šöš-* означает 'лесной', а *-qur / -qum* — 'человек'. Данная интерпретация термина как 'лесной человек' или 'страны, земли человек' считается устоявшейся, именно ее озвучивают в публикациях общего характера — от учебников до энциклопедий [Быконя и др. 1994: 3].

Альтернативная версия (и критика данного этимологического подхода — «через две основы») изложена в публикации Е. А. Хелимского [Хелимский 2005], который критикует точку зрения Г. Н. Прокофьева, трактовавшего самоназвания северных селькупов *šöl' qur, šöl' qum* как словосложение с буквальным значением 'таежный человек'. Е. А. Хелимский пишет также о том, что авторы множества селькуповедческих, самоэтимологических и уралистических монографий и статей повторяют трактовку данного самоназвания вслед за Г. Н. Прокофьевым [Прокофьев 1935: 3, 10—11], что на сегодняшний день это воспринимается как прописная этимологическая истина.

По мнению Е. А. Хелимского, непосредственное сопоставление *šöl' qur* с представленным, в том числе у южных селькупов, самоназванием *šöšqur* (Иванкино и др.) является неправомерным, т. к. встречается фонетические трудности: «Если трактовка *šöl'* как адъективной формы к основе *šöt-* еще допустима (хотя и в этом случае скорее следовало бы ожидать *šötäl'* или локативную адъективную форму *šötqäl'*), то в южных диалектах словообразовательная модель, которая позволила бы видеть в *šöšqur, süssä qum* дериват от основы *šöt-*, *süt-* или, вслед за М. А. Кастреном и одной из ранних работ П. Хайду, — от основы *süä* 'глина' — неизвестна и непонятна» [Хелимский 2005: 41—42]. По его мнению, не случайно, что многие исследователи южноселькупского материала, цитируя данные самоназвания, либо не предлагают для них никакого перевода и никакой интерпретации (как, по-видимому, и сами южные селькупы), либо упоминают объяснения М. А. Кастрена и Г. Н. Прокофьева вне прямой связи с собственными полевыми данными. Сам Е. А. Хелимский призывает рассматривать весь набор этнонимов: *šöšqur, süssä qum* и *šöl' qur*, — учитывая и ту форму, которую зафиксировал в 1740-х гг. Г. Миллер у северных селькупов, — *Schöselgub*. Вполне очевидно, считал Е. А. Хелимский, что «приведенная Миллером форма очень близка южноселькупским *šöšqur, süssä qum*, отличаясь от них лишь деталями (присутствием адъективного суффикса и, возможно, качеством второго сибиланта)» [Хелимский 2005: 42]. Таким образом, не приводя конкретную этимологию, Е. А. Хелимский дает направление для поиска последующим исследователям.

Территориальные границы распространения среднеобского диалекта, который в той или иной степени сопрягается с этногруппой *шөшкүм*, на основании данных лингвистических исследований определялись разными авторами по-разному. Так, финский ученый К. Доннер, проведя обследование селькупской территории в начале XX в. (1911—1914 гг.), выделил около 20 селькупских говоров; в своей классификации он использовал географический принцип маркировки диалектов. На Оби «выше Нарыма» он выделил среднеобской говор: это район юрт Баранакowych, Иванкиных и д. Колпашево. Следует отметить, что помимо среднеобского говора К. Доннер выделил еще один говор — верхнеобской: по его классификации, это говор населенных пунктов Байдон (Байданово), Сондорово и Тайзаково [Беккер и др. 1995: 18]. Фактически К. Доннер первым выделил и подчеркнул разницу между говорами Сондорово и Иванкино, именно после его исследований был поставлен вопрос о границе между среднеобским (иванкинским) и верхнеобским (сондоровским) диалектами.

В 1950—1960-е гг. вопросом диалектного членения селькупского языка занимался А. П. Дульзон. Для номинации диалектов он использовал не географическую (верхнеобской / среднеобской), а этнонимическую маркировку: шөшкүпским диалектом он назвал язык жителей населенных пунктов Басмасово, Иванкино, Мумышево и Тайзаково [Dulson 1971: 35]. Важно отметить, что говор Тайзаково исследователи помещали как в ареал среднеобского, так и в ареал верхнеобского диалекта, из чего следует, что этот населенный пункт являлся зоной контакта этих диалектных групп.

Вслед за А. П. Дульзоном его ученица А. И. Кузьмина в своей работе «Грамматика селькупского языка» (1974 г.), написанной на основе собственных материалов, которые были собраны в период с 1961—1974 гг., определяла границы распространения шөшкүпского диалекта на правом берегу Оби (и отчасти на левом) в районе ниже г. Колпашево (Тогур, Иванкино, Инкино и др.) [Кузьмина 1974: 189], т. е. территорию выше г. Колпашево она считает зоной распространения иного — верхнеобского / сондоровского — диалекта.

В данной монографии А. И. Кузьмина дает описание звуковой системы и фонемного состава языка шөшкүмов. В середине XX в. шөшкүмы, по мнению А. И. Кузьминой, «оказались разбросаны по многим селам и теперь живут среди представителей других родо-племенных групп. В ряде мест сохранили они

свой диалект в чистом виде — по реке Оби в селькупских селах в окрестностях Колпашево. Но в большинстве случаев их язык является результатом смешения с диалектами чумылькупов и сюсюкумов, а также ныне утраченным диалектом тьюкумов» [Кузьмина 1974: 189].

В прошлом представители группы шёшкупов (и носители шёшкупского диалекта) населяли, по мнению А. И. Кузьминой, следующие «инородческие» волости: Тогурско-Порубежную (юрты Езенгины, Конеровы, Островные, Испаевы), Нижне-Тогурскую (юрты Тяголовой и Иготкины), Пиковскую (юрты Иванкины и Кияровы). Таким образом, в работе 1974 г. А. И. Кузьмина очертила район бытования шёшкупского диалекта, включив в него указанные юрты (Приложение 2).

Томские лингвисты С. В. Глушков, А. В. Байдак и Н. П. Максимова, представляя в монографии «Селькупы» (2011 г.) диалекты селькупского языка, включили в границы среднеобского диалекта говоры следующих населенных пунктов³: Инкино, Киярово, Езенгино, Иванкино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Испаево, Конерово, Островные, Колпашево, Баранаково, Тискино, Костенькино и Ново-Сондорово [Глушков и др. 2011: 52] (Приложение 2).

Из приведенных выше сведений о границах расселения данной локальной группы следует, что никто из исследователей в своих работах не определяет конкретных границ шёшкупского ареала, а только упоминает населенные пункты, где был отмечен шёшкупский диалект (говор). Фактически из приведенных выше списков населенных пунктов, где был отмечен среднеобской (или шёшкупский) диалект, совпадающими являются следующие населенные пункты: Иванкино, Киярово, Езенгино, Конерово, Островные, Испаевы, Иготкино, Тяголово, Колпашево и Баранаково; не совпадают: Басмасово, Мумышево, Тайзаково, Тискино, Костенькино, Ново-Сондорово, Тогур и Инкино (Приложение 2). Возможно, однако, что в этих юртах (поселках) исследователи также находили информантов, в чьей речи были черты, характерные для говора иванкинцев. Отсюда следует, что гораздо корректнее были бы данные о распространении как этнонима, так и диалектной специфики, если бы исследователи очерчивали ареал не по населенным пунктам, а по фамилиям носителей этнонима и носителей языковых особенностей.

В результате анализа имеющегося лингвистического и этнографического полевого материала, связанного с этнонимом *šöšqur*, можно сделать следующие выводы.

1) Ареал распространения этнонима *šöšqur*, записанного от информантов-селькупов, и ареал распространения среднеобского диалекта, выделенный исследователями-лингвистами, не совпадают. Этноним *šöšqur* был записан на очень малой части этой территории — в населенных пунктах (юртах) Иванкиных, Кияровых, Езенгиных и Тайзаковых (Приложение 2). Все они, кроме юрт Тайзаковых, расположены по Оби ниже Колпашева, тогда как Тайзаково — по Оби не просто выше Колпашева, но и выше юрт Сондоровых.

2) В Приобье между населенными пунктами Колпашево и Тайзаково существовал целый ряд селькупских поселений — юрты Конеровы, Островные, Баранаковы, Тискины и Ново-Сондоровы (Приложение 2). В этих населенных пунктах исследователи никогда не записывали никаких этнонимов, и у нас совсем нет данных относительно этнонимии данной территории. Этноним *šöšqur* экстраполируется на этот ареал гипотетически, и исследователи относят этот участок Оби к шёшкупскому (среднеобскому) или сюсюкумскому (верхнеобскому) ареалу, фактически не имея никаких достоверных данных. Очевидно, этот участок является зоной контакта, но пока остается невыясненным, какой из компонентов там преобладал.

Приложение 1.

Этнонимы шёшкупов р. Оби

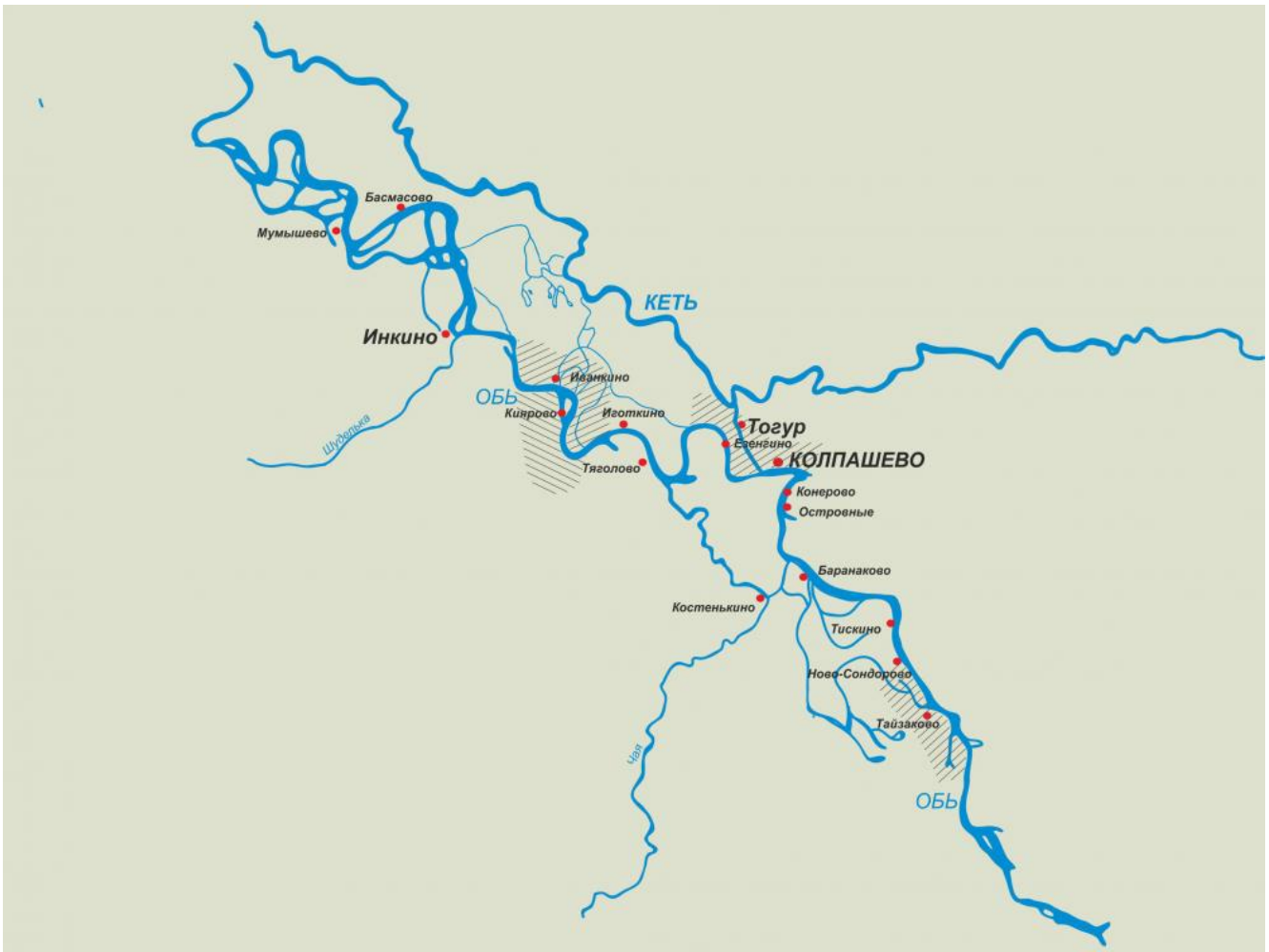
информанты	этноним на селькупском языке	перевод	автор и источник
неизвестен	<i>schosch-kom</i> (выше Нарыма)	‘человек страны’	[Кастрен 1999: 87] М. А. Кастрен, «Путешествие в Сибирь (1845—1849)», том 2 (Тюмень, 1999)
неизвестен	<i>sezь-гула</i>	‘народ’	[Плотников 1901: 152] А. Ф. Плотников, «Нарымский край: Историко-статистический очерк» (СПб., 1901)

³ С. В. Глушков классифицировал диалекты селькупского языка с опорой на классификацию Т. Янурика [Janurik 1978: 77—104].

Чаршина Надежда Гавриловна (Иванкино)	<i>шöшкуп</i>	самоназвание	[Дульзон 1952: 234—235] А. П. Дульзон, «Материалы по языку и этнографии нарымских остяков», том 1 (Томск, 1952)
Телесова Клавдия Александровна (Тайзаково)	<i>шöшкум</i>	самоназвание	[Дульзон 1952: 234—235] А. П. Дульзон, «Материалы по языку и этнографии нарымских остяков», том 1 (Томск, 1952)
Иткупова Александра Степановна (Иванкино)	<i>шошкуй няптэ</i>	‘грязнолицый шошкуп, остяк широколицый’	[Пелих 1961, 2: 27] Г. И. Пелих, «Полевые материалы Г. И. Пелих: Материалы по этнографии экспедиции 1961 г. по р. Оби, Колпашевского района», тетрадь № 2
Сычина Елизавета Варламовна (Иванкино)	<i>шоёшкуп</i>	<i>куп</i> ‘человек’, ‘остяцкий человек’ (по р. Оби от Иванкино)	[Дрёмов 1965: 79] В. А. Дрёмов, «Антропологическая экспеди- ция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники» (Томск, 1965)
Сагандукова (Сычина) Екатерина Степановна	<i>шоешкула</i>	‘наши’ (по р. Пурьянге, юрты Езенгины)	[Дрёмов 1965: 82—85] В. А. Дрёмов, «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники» (Томск, 1965)
Колпашникова Мария Даниловна	<i>шоёшкуп</i>		[Дрёмов 1965: 85—87] В. А. Дрёмов, «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники» (Томск, 1965)
Тобольжина Мария Фёдоровна (Иготкино)	<i>шоёшкуп</i>		[Дрёмов 1965: 94—95] В. А. Дрёмов, «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники» (Томск, 1965)
Сычина Елизавета Варламовна (Иванкино)	1) <i>шöшзула малау ејат</i> 2) <i>мат шöшзуп</i> 3) <i>мананы пажат</i> <i>най шöшзуп</i> 4) <i>шöшзуй налзуп</i> 5) <i>тат шöшзунд</i> 6) <i>мат шöшзулак</i> 7) <i>таг шöшзуп</i> 8) <i>ми вес шöшзулаут</i>	1) ‘селькупов мало’ 2) ‘я селькуп’ 3) ‘моя жена — тоже селькуп’ 4) ‘селькупская женщина’ 5) ‘ты селькуп’ 6) ‘я селькуп’ 7) ‘он селькуп’ 8) ‘мы все селькупы’	[Кузьмина 1967 (11), 1: 6] Полевые материалы А. И. Кузьминой, том 11, тетрадь № 1, стр. 6
Игермаева Евгения Ивановна	1) <i>шöшкулд’аре</i>	1) ‘по-селькупски’	[Кузьмина 1967 (11), 10: 189] Полевые материалы А. И. Кузьминой, том 11, тетрадь № 10, стр. 189
Былина Маремьяна Степановна (Иванкино)	2) <i>шöшзум</i> 3) <i>шöшзула ми</i>	2) ‘селькуп’ 3) ‘мы селькупы’	[Кузьмина 1967 (11), 11: 220—221] Полевые материалы А. И. Кузьминой, том 11, тетрадь № 11, стр. 220—221
Сычина Усти- нья Фирсовна (Иванкино)	1) <i>шöшзуп</i> 2) <i>шöшзуй зуп</i> 3) <i>мат шöшзуук</i>	1) ‘остяк’ 2) ‘остяки’ 3) ‘я остяк’	[Кузьмина 1967 (10), 11: 219—228] Полевые материалы А. И. Кузьминой, том 10, тетрадь № 11, стр. 219—228

Приложение 2

Карта-схема «Населенные пункты, где был записан этноним *šöšqum / šöšqur*» (автор-составитель — Н. В. Сайнакова)



Сокращения

- сельк. — селькупский
 вас. — васюганский диалект
 об. — диалекты обского ареала
 ш. — обские говоры шёшкупов (шёшкумов)

Литература

Беккер и др. 1995 — Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. {Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykon'a V. V., Il'jashenko I. A. Morfologija sel'kupskogo jazyka: Juzhnye dialekty. Part 1. Tomsk, 1995.}

Быконя и др. 1994 — Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск, 1994. {Bykon'a V. V., Kim A. A., Kuper Sh. Ts. Slovar' sel'kupsko-russkij i russko-sel'kupskij. Tomsk, 1994.}

Быконя 2005а — Быконя В. В. К реконструкции системы селькупских этнонимов (по лексикографическим данным) // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2005. С. 23—25. {Bykon'a V. V. K rekonstruktsii sistemy sel'kupskih etnonimov (po leksikograficheskim dannym) // Sravnitel'no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie jazykov i kul'tur. Tomsk, 2005. P. 23—25.}

Быконя 2005б — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. Быконя В. В. Томск, 2005. {Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / Ed. Bykon'a V. V. Tomsk, 2005.}

Глушков и др. 2011 — Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Головнев А. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 49—63. {Glushkov S. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P. Dialekty sel'kupskogo jazyka // Tuchkova N. A., Glushkov S. V., Kosheleva E. Ju., Golovnev A. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P. Sel'kupy: Oчерki traditsionnoj kul'tury i sel'kupskogo jazyka. Tomsk, 2011. P. 49—63.}

Дрёмов 1965 — Дрёмов В. А. Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган: Полевые дневники. Томск, 1965. {Dr'omov V. A. Antropologicheskaja ekspeditsija Tomskogo universiteta 1965 g. Ob', Vas'ugan: Polevye dnevniki. Tomsk, 1965.}

Дульзон 1952 — Дульзон А. П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков. Т. 1. Томск, 1952. {Dul'zon A. P. Materialy po jazyku i etnografii narymskih ost'akov. Vol. 1. Tomsk, 1952.}

Кастрен 1860 — Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844 и 1845—1849). (= Магазин земледения и путешествий. Т. VI. Собрание старых и новых путешествий. Ч. 2.) М., 1860. {Castrén M. A. Puteshestvie Aleksandra Kastrena po Laplandii, severnoj Rossii i Sibiri (1838—1844 i 1845—1849). (= Magazin zemlevedenija i puteshestvij. Vol. VI. Sbranie staryh i novyh puteshestvij. Part 2.) M., 1860.}

Кастрен 1999 — Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845—1849). Т. 2. Тюмень, 1999. {Castrén M. A. Puteshestvie v Sibir' (1845—1849). Vol. 2. T'umen', 1999.}

Каталог 1998 — Каталог полевых записей языков народов Сибири (Фонды Лаборатории языков народов Севера Томского государственного педагогического университета) / Ред. Ким А. А. Томск, 1998. {Katalog polevyh zapisej jazykov narodov Sibiri (Fondy Laboratorii jazykov narodov Severa Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta) / Ed. Kim A. A. Tomsk, 1998.}

Кузьмина 1967 (10) — Кузьмина А. И. Dialekt von Ivankino am Ob // Полевые материалы Кузьминой А. И. (1967 г.). Т. 10. Тетрадь № 11. Архив Института финно-угристики / уралистики Гамбургского университета (Institut für Finnougristik / Uralistik, Universität Hamburg). {Kuz'mina A. I. Dialekt von Ivankino am Ob // Polevye materialy Kuz'minoj A. I. (1967 g.). Vol. 10. Tetrad' № 11. Arhiv Instituta finno-ugristiki / uralistiki Gamburgskogo universiteta (Institut für Finnougristik / Uralistik, Universität Hamburg).}

Кузьмина 1967 (11) — Кузьмина А. И. Dialekt von Ivankino am Ob // Полевые материалы Кузьминой А. И. (1967 г.). Т. 11. Тетради № 1, 10, 11. Архив Института финно-угристики / уралистики Гамбургского университета (Institut für Finnougristik / Uralistik, Universität Hamburg). {Kuz'mina A. I. Dialekt von Ivankino am Ob // Polevye materialy Kuz'minoj A. I. (1967 g.). Vol. 11. Tetradi № 1, 10, 11. Arhiv Instituta finno-ugristiki / uralistiki Gamburgskogo universiteta (Institut für Finnougristik / Uralistik, Universität Hamburg).}

Кузьмина 1974 — Кузьмина А. И. Грамматика селькупского языка: Селькупы и их язык. Ч. 1. Новосибирск, 1974. {Kuz'mina A. I. Grammatika sel'kupskogo jazyka: Sel'kupy i ih jazyk. Part 1. Novosibirsk, 1974.}

Пелих 1961 — Пелих Г. И. Полевые материалы Г. И. Пелих: Материалы по этнографии экспедиции 1961 г. по р. Оби, Колпашевского района // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). № 251. Тетради № 1, 2. {Pelih G. I. Polevye materialy G. I. Pelih: Materialy po etnografii ekspeditsii 1961 g. po r. Obi, Kolpashevskogo rajona // Arhiv Muzeja arheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (MAES TGU). № 251. Tetrad' № 1, 2.}

Пелих 1981 — Пелих Г. И. Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. {Pelih G. I. Sel'kupy XVII veka: Oчерki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii. Novosibirsk, 1981.}

Плотников 1901 — Плотников А. Ф. Нарымский край: Историко-статистический очерк. СПб., 1901. {Plotnikov A. F. Narymskij kraj: Istoriko-statisticheskij oчерk. SPb., 1901.}

Прокофьев 1935 — Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935. {Prokof'ev G. N. Sel'kupskaja (ost'ako-samoedskaja) grammatika. L., 1935.}

Спафарий 1997 — Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Фрагмент: Описание поездки русского посольства по р. Кети // Земля Верхнекетская: Сборник научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района / Отв. ред. Яковлев А. Я. Томск, 1997. С. 239—256. {Spafarij N. G. Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaja russkogo poslannika Nikolaja Spafarija v 1675 godu. Fragment: Opisanie poezdki russkogo posol'stva po r. Keti // Zeml'a Verhneketskaja: Sbornik nauchno-popul'arnyh oчерkov k 60-letiju obrazovanija Verhneketskogo rajona / Ed. Jakovlev A. Ja. Tomsk, 1997. P. 239—256.}

Тучкова и др. 2005 — Тучкова Н. А., Байдак А. В., Максимова Н. П. Южноселькупская этнонимика // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 279—282. {Tuchkova N. A., Bajdak A. V., Maksimova N. P. Juzhnosel'kupskaja etnonimika // Problemy istoriko-kul'turnogo razvitija drevnih i traditsionnyh obshchestv Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh territorij. Tomsk, 2005. P. 279—282.}

Тучкова, Хелимский 2010 — Тучкова Н. А., Хелимский Е. А. О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. Hamburg, 2010. {Tuchkova N. A., Helimskij E. A. O materialah A. I. Kuz'minoj po sel'kupskomu jazyku. Hamburg, 2010.}

Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 68—79. {Helimskij E. A. K istoricheskoi dialektologii sel'kupskogo jazyka // Helimskij E. A. Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i. M., 2000. P. 68—79.}

Хелимский 2005 — Хелимский Е. А. Schöselgub у Г. Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола). Hamburg, 2005. С. 41—46. {Helimskij E. A. Schöselgub u G. F. Millera i samonazvanie sel'kupov // G. F. Miller i izuchenie ural'skih narodov (materialy kruglogo stola). Hamburg, 2005. P. 41—46.}

Castrén 1856 — Castrén M. A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849 / Hrsgb. Schiefner A. SPb., 1856.

Dulson 1971 — Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение, VII / 1. Таллин, 1971. С. 35—43. {Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Sovetskoe finno-ugrovedenie, VII / 1. Tallin, 1971. P. 35—43.}

Janurik 1978 — Janurik T. A szölkup nyelvjárások osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények. 1978, 80. O. 77—104.

РЕЗЮМЕ

Данная статья посвящена исследованию вопроса распространения локального этнонима *šöšqum / šöšqur* в Нарымском Приобье. На основе анализа исследовательской литературы и полевого материала, собранного разными исследователями-селькуповедами, были выявлены документально зафиксированные факты употребления данного этнонима в некоторых населенных пунктах в Приобье, а также собраны сведения о фамилиях информантов, являющихся носителями данного этнонима. В статье впервые вводятся в научный оборот этнонимические материалы томского антрополога В. А. Дрёмова, который работал с жителями населенного пункта Иванкино в 1965 г.

SUMMARY

The article is devoted to the study of the spread of the local ethnonym *šöšqum / šöšqur* in Narym Priobye, the Ob region near Narym. On the basis of the analysis of literature and field data, collected by different researchers of Selkup, the documented evidence that the ethnonym was used in some settlements of the Ob region was found. The data about the informants' surnames (the ethnonym carriers' surnames) are also collected in the article. The author introduces the ethnonymic materials of Tomsk anthropologist V. Dryomov, who worked with Ivankino inhabitants in 1965.

Ключевые слова: этноним, диалектно-локальный ареал, селькупы, обские шёшкупы, селькупский язык, средне-обской (иванкинский) диалект

Keywords: ethnonym, local dialect area, Selkups, Ob Shoshkups, the Selkup language, the Middle Ob (Ivankinsky) dialect

Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, ненецкого и коми-зырянского языков): семантика и типология

Введение

Настоящая работа представляет собой пилотный лексико-типологический проект по изучению группы глаголов способа движения — глаголов колебательного движения. Впервые эта тема была затронута в статье [Рахилина, Прокофьева 2005], где рассматривалось семантическое поле глаголов движения в двух близкородственных языках: русском и польском. В данной работе это поле исследуется тоже на материале родственных языков — финского, коми-зырянского и ненецкого.

Традиционно в выборки языков для типологического исследования родственные языки не включаются из тех соображений, что сходство, выявленное на их материале, объясняется их общим происхождением и потому не может служить для формулирования универсальных принципов. Однако для лексической типологии данные, полученные путем сравнения родственных языков, оказываются очень важными. Например, работа [Рахилина, Прокофьева 2004], посвященная глаголам вращения в русском и польском языках, демонстрирует, что дивергенция лексем в плане семантики может происходить быстрее, чем в плане их фонетического облика: даже если исследуемые семантические поля в таких языках состоят из когнатов, наборы семантических параметров, структурирующих эти поля, могут оказаться различными. Так, русский и польский языки значительно разошлись как в зоне вращения, так и в зоне колебания. В данной работе мы представляем результаты изучения глаголов колебательного движения на примере трех языков уральской семьи.

Интересующее нас семантическое поле составляют глаголы, описывающие определенный способ движения. Эта область лексики привлекла внимание исследователей только в последние годы, когда возникли два масштабных типологических проекта по изучению глаголов движения в воде и вращения.

Семантическая группа глаголов движения в воде исследовалась в работе [Майсак, Рахилина 2007]. В качестве основного различительного параметра для этой группы была выделена активность передвижения (ср. плавание одушевленного существа vs. бревна по течению); на материале около 40 языков мира было проанализировано, каким образом глагольные лексемы маркированы по отношению к этому признаку.

Исследование глаголов вращения было проведено на материале 15 языков в работе [Круглякова 2010]. По итогам работы это семантическое поле было разделено на три зоны: качение, вращение вокруг внутренней оси и вращение вокруг внешней оси. Четкое различие между этими тремя зонами подтверждается также на метафорических переносах, образованных глаголами каждой из зон.

Семантическое поле глаголов колебательного движения впервые рассматривается с типологической точки зрения в работе [Рахилина, Прокофьева 2004], где представлен сопоставительный анализ структуры этой семантической группы в двух близкородственных славянских языках.

В русском языке это семантическое поле представлено глаголами *качаться*, *шататься*, *колыхаться* и *колебаться*, в польском — глаголами *huśtać się*, *kołysać się*, *chwiać się*, *kiwać (się)*, *bijać się* и *chybotać (się)*. Несмотря на близость рассматриваемых языков, системы глаголов колебания в них устроены по-разному: «в русском есть «главный» глагол *качаться*, «ответственный» за колебательные движения самых разных типов (см. подробнее [Рахилина 2001]), остальные же глаголы явно составляют периферию. (...) В польском картина более однородная: каждый из перечисленных глаголов достаточно употребителен в своей узкой семантической области, и сами эти области вполне сопоставимы по объему» [Рахилина, Прокофьева 2005: 305]. Тем не менее, в результате изучения обеих систем выделяются и некоторые общие параметры, на которые авторы статьи предлагают ориентироваться в более обширном типологическом исследовании. Так, для обоих языков оказалось важным различие подвешенных и закрепленных объектов: в польском по этому признаку противопоставляются лексемы *huśtać się* и *chwiać się*, в русском, при допустимости в обеих ситуациях «общего» глагола *качаться*, в зоне закрепленных снизу объектов появляется конкурирующий вариант *шататься*, дополнительно маркирующий ситуацию неустойчивости предметов. Также в обоих языках отмечается противопоставление горизонтальных и вертикальных поверхностей. Кроме того, и в русском, и в польском имеются способы выражения идеи неустойчивости объекта по причине деформации, хотя в разных языках этот признак попадает в разные кластеры, объ-

единяясь с другими признаками. Что же касается параметров, релевантных для каждого языка по отдельности, то русский язык с помощью глаголов *качаться* vs. *колыхаться* противопоставляет жесткие и мягкие объекты, а также выделяет в особый класс колебания с определенной точкой отсчета (глагол *колебаться*). Польские глаголы противопоставляются с точки зрения амплитуды колебаний (*huśtać się* vs. *kołysać się*, *chwiać się*, *kiwać (się)*, *bujać się* и *chybotać (się)*), а также топологического типа ситуации.

Эта работа была продолжена Т. В. Велейшиковой на материале германских языков (см. [Велейшикова 2010]): автор анализирует семантическое поле колебания в английском и немецком языках, стремясь выявить релевантные для этих языков параметры. Кроме того, в работе представлена семантическая карта для английского языка, визуально представляющая совмещение признаков в рассмотренных лексемах.

Т. В. Велейшикова подразделяет исследуемое семантическое поле на четыре зоны, которые затем последовательно рассматривает. В зоне колебания жестких объектов выделены такие параметры, как амплитуда колебания и направление движения (так, немецкое *wippen* дополнительно указывает на движение вверх-вниз, а английское *rock* описывает колебание вперед-назад). Для мягких объектов оказывается релевантно различие горизонтальных и вертикальных поверхностей (*shaukeln* vs. *schwingen* в немецком). В зоне колебания по причине деформации в качестве важнейшего параметра выделяется одушевленность объекта.

Анализ двух этих работ показывает, что каждая лексема в любом из рассмотренных языков объединяет несколько признаков разной природы (одушевленность / неодушевленность, топологический тип ситуации, физические характеристики колебания).

Наша работа призвана продолжить данный проект и подобным образом проанализировать группу глаголов колебательного движения. Сложность этой группы заключается в том, что ситуация колебательного движения не имеет других аргументов, кроме самого движущегося объекта (траектора), и выделение значимых для нее параметров нетривиально: эта цель требует анализа разнообразных физических характеристик ситуации. Опираясь на результаты, полученные ранее на материале славянских и германских языков, мы попытаемся проанализировать, каким образом в исследуемых языках уральской группы представлены признаки, выявленные нашими предшественниками, и каким образом эти языки комбинируют значения, а также, возможно, обнаружить новые параметры, релевантные для данного семантического поля в исследуемой языковой семье. Для сопоставления языков используется метод семантических карт (см. [Haspelmath 2003]).

1. Сбор материала и методы работы

Основным методом, на который мы опираемся в своем исследовании, является исследование сочетаемости лексем. Преимущественно материал собирался в ходе полевой работы с информантами: данные коми-зырянского и ненецкого языков получены автором в ходе лингвистической экспедиции в с. Белоярск (Приуральский район Ямало-Ненецкого автономного округа) под руководством Е. Кашкина в 2012 г., материал финского языка — в результате работы с носителями во время учебной стажировки в г. Тампере. Все наблюдения, сделанные на материале славянских и германских языков, мы применили при составлении типологической, или фреймовой, анкеты.

Анкета, применяемая в данном исследовании, основывается на теории фреймов, согласно которой представление человека о мире хранится в памяти в виде связанных друг с другом схем возможных ситуаций. Впервые понятие фрейма было введено в области искусственного интеллекта американским ученым Л. М. Мински [Minsky 1975], также подобное ему понятие «схема» применяется в области когнитивной психологии (см. [Bartlett 1932]). Анкета представляет собой описания стандартных ситуаций-микрофреймов, которые информантам предлагается перевести на родной язык; при этом информанту не просто дается предложение на перевод, а описывается фрейм на языке-посреднике, чтобы он рассказал то же самое на своем родном языке. Наша цель на этом этапе работы состояла в получении более или менее развернутых языковых примеров на каждый глагол, наглядно демонстрирующих факторы, определяющие выбор лексемы. Впоследствии примеры проверялись с другими информантами. В случае, если информант допускал более одного варианта заполнения некоторого участка анкеты, исследователь просил его прокомментировать свое решение, объяснить, от чего зависит выбор лексемы: именно эти комментарии зачастую помогали обнаружить новое релевантное для данного языка противопоставление, которое ранее не встречалось и потому никак не было отражено в анкете. Очевидно, что в ходе работы анкета подвергается корректированию: с добавлением каждого нового языка обнаруживались новые фреймы качания, для которых не было места в уже изученных системах. Разумеется, не для всех языков все части анкеты получают какое-либо заполнение, но это не противоречит принципу универсального набора: каждый язык выбирает лишь часть единиц, которые и получают в нем лексическое выражение.

На начальном этапе работы необходима также работа со словарем, чтобы установить исходный список анализируемых лексем: в некоторых случаях информант сам подбирает только один глагол для некоторого фрейма, но, если предложить ему несколько глаголов на выбор, обнаруживает среди них другие приемлемые варианты. Кроме того, словарная информация может быть полезна для изучения метафорических переносов, а также для попыток проследить развитие значения лексемы в диахронии.

Вдобавок, для финского языка плодотворным оказалось дополнительное изучение финноязычных интернет-ресурсов: значительная часть наиболее развернутых примеров была извлечена из текстов различных интернет-форумов и блогов, а затем предложена информантам для одобрения или запрета. С одной стороны, такой способ помогает оценить частотность сочетания глагола с обозначениями различных объектов, что полезно, когда информанты сомневаются, возможно ли некоторое словосочетание, или расходятся во мнениях. С другой стороны, все примеры, полученные из текстов, проверялись при помощи информантов, особенно если они отражали неожиданную сочетаемость или вызывали вопросы.

Поясним, что для всех трех языков предпочтение отдавалось данным, полученным от информантов, поскольку лексемы изучаемого семантического поля достаточно специфичны, что не позволяет опираться на корпусный метод: для этой цели применимы корпуса большого объема, содержащие произведения художественной литературы (именно на таком материале построена работа о глаголах колебания в русском и польском языках). Насколько нам известно, существующие корпуса трех языков, о которых идет речь в данной статье, не вполне соответствуют этим требованиям. В случае финского языка тексты привлекались, прежде всего, для получения более развернутых примеров, которые бы иллюстрировали сделанные нами выводы.

Для наглядного представления результатов работы мы использовали метод семантических карт, заимствованный из области грамматической типологии. Этот метод описан в работе [Haspelmath 2003], где обсуждается проблема семантического представления грамматических единиц с неоднородными значениями (например, английского предлога *to* или глагольного времени Past Simple). К этой проблеме существует несколько подходов: *моносемический*, постулирующий, что значение граммема абстрактно и расплывчато, а различные интерпретации возникают только в результате взаимодействия с контекстом; *полисемический* (граммема имеет несколько значений, связанных между собой определенными отношениями) и *омонимический*, согласно которому в каждом случае мы имеем дело с несколькими омонимичными единицами. М. Хаспельмат же предлагает говорить о нескольких функциях единицы, как в случае разных конвенциональных значений, так и в случае контекстно обусловленного варьирования, и показывает, что метод семантических карт позволяет уйти от проблемы выбора между этими подходами. Семантическая карта — это геометрическое представление функций единицы, расположенных в «концептуальном / семантическом пространстве», соединенных линиями связей и организующих сеть. Предполагается, что семантическая карта отражает универсальную конфигурацию. Данный метод обладает целым рядом преимуществ перед некоторыми традиционными методами описания многозначности: в отличие от метода списков, принятых в латинской и греческой традиции, где разные функции показателя просто перечисляются (*genitivus subjectivus*, *genitivus materiae*, *genitivus possessivus*), семантическая карта отражает связи между функциями. Кроме того, метод карт позволяет не стремиться свести все функции к единому инварианту: подобное стремление зачастую приводит к излишне абстрактному описанию, из которого не выводимы конкретные реализации и которое с трудом может применяться для типологических нужд сравнения языков.

Составляя лексико-типологические карты, мы руководствуемся теми же принципами, что и постулируются для изображения значения грамматических единиц.

На карту наносятся только те функции, которые существенны для сравнения языков, т. е. те, для которых существует хотя бы два языка, различающихся в отношении этих функций.

Близость на карте отражает возможность двух функций выражаться одним и тем же средством.

Принцип смежности: любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними.

Сам М. Хаспельмат отмечает, что термин *семантическая карта* не совсем точен, поскольку иногда при ее составлении принимается во внимание синтаксический контекст (так, условная функция английского Past Simple *if she wrote...* синтаксически ограничена); в других работах используется термин *ментальная / когнитивная карта*, поскольку этот метод претендует на отражение организации значений в сознании человека. М. Хаспельмат в более ранней работе называл подобную карту *имплицативной* на основании того, что она позволяет формулировать имплицативные универсалии.

При составлении лексико-семантической карты, изображающей общую систему лексического поля, вместо функций грамматической единицы выступают элементы значения, фреймы, а линией соединяются фреймы, которые могут кодироваться одной и той же лексемой.

Очевидно, что включение в рассмотрение нового языка может заставить исследователя пересмотреть семантическую карту, нанести на нее новые значения или новые связи, изменить конфигурацию. Однако, по свидетельству М. Хаспельмата, довольно надежная картина устройства той или иной грамматической зоны, которая уже «не претерпевает существенных изменений по мере увеличения языковой выборки», вырисовывается уже после изучения десяти-пятнадцати языков («a dozen») ([Haspelmath 2003: 217]; перевод наш. — М. Ш.). Учитывая, что лексические значения потенциально более разнообразны, чем грамматические, можно предположить, что для устойчивой конфигурации потребуется материал большего числа языков. Тем не менее, мы надеемся, что карта, которую мы предлагаем по результатам анализа четырех языков (трех уральских и русского), станет начальным этапом для дальнейшего типологического исследования с привлечением языков других групп и семей, итогом которого станет семантическая карта, обладающая предсказательной силой.

2. Система финского языка

В финском языке представлена достаточно богатая система: мы рассматриваем десять глаголов, один из которых является доминантным, то есть сочетается с большинством колебательных ситуаций, а остальные либо выделяют внутри его сферы употребления небольшие области, подчеркивая те или иные признаки ситуации, либо маркируют периферийные зоны. Ключевые признаки, которыми обусловлено употребление той или иной лексемы, отчетливо проявляются и в метафорических употреблениях.

2.1. *heilua*: отсутствие контроля

Глагол *heilua* обладает самой широкой сочетаемостью, охватывая большинство ситуаций колебания в финском языке. Он используется при описании как компактных объектов, закрепленных сверху (примеры (1)–(2)), снизу (пример (3)) или сбоку (пример (4)), так и мягких поверхностей (примеры (5)–(7)):

- (1) *Herä-si-n keske-llä yö-tä sii-hen että lamppu heilu-i vimmatusti*
 проснуться-PST-1SG среди-ADE ночь-PART то-ILL что люстра качаться-PST.3SG неистово
ja keittiö-n kaape-i-sta putoil-i lase-j-a ja kuppe-j-a
 и кухня-GEN шкаф-PL-ELA падать-PST.3SG чашка-PL-PART и стакан-PL-PART
 ‘Я проснулась среди ночи от того, что люстра неистово **раскачивалась**, и из кухонных шкафчиков сыпались чашки и стаканы’.

- (2) *Hän kävele-e vanha-n puu-hun köyte-ty-n pyörä-n-rengas-kiiku-n*
 он шагать-3SG старый-GEN дерево-ILL привязывать-PTCP.PASS.PST-GEN велосипед-GEN-шина-качели-GEN
ohi, joka heilu-u hitaa-sti tuule-ssa
 мимо который качаться-3SG медленный-ADV ветер-INE
 ‘Он идет мимо привязанных к старому дереву качелей из велосипедной шины, которые медленно **покачиваются** на ветру’.

Из примеров (1) и (2) видно, что глагол может описывать колебания с разной амплитудой. Кроме того, подвес может быть как мягким (веревка в примере (2)), так и жестким, если речь идет о закрепленных сверху железных качелях.

- (3) *Jos tuule-e, puu-t heilu-vat*
 если ветер.дуть-3SG дерево-PL качаться-3PL
 ‘Когда дует ветер, деревья качаются’.
- (4) *Äiti-ni herä-si yö-llä sii-hen, että ikkuna heilu-i tuule-ssa*
 мать-1SG проснуться-PST.3SG ночь-ADE то-ILL что окно качаться-PST.3SG ветер-INE
 ‘Ночью моя мать проснулась от того, что окно хлопало (букв. раскачивалось) от ветра’.
- (5) *Ajatukse-ni keskeytt-i kivi, joka lens-i ikkuna-sta läpi niin,*
 мысли-1SG прервать-PST.3SG камень который лететь-PST.3SG окно-ELA через так
että verho-t heilu-i-vat
 что занавеска-PL качаться-PST-3PL
 ‘Мои мысли прервал камень, который пролетел через окно так, что занавески всколыхнулись’.

Пример (5) демонстрирует, что глагол *heilua* сочетается и с обозначением мягких поверхностей, которые могут быть закреплены верхним концом, как занавески, белье на веревке или волосы, снизу, как

стебель цветка, или сбоку, как флаг. Во всех этих случаях речь идет о вертикальных мягких поверхностях; колебания воды как горизонтальной мягкой поверхности не могут быть описаны глаголом *heilua*, в этой ситуации используются специальные глаголы *aaltoilla* и *lainehtia* (см. раздел 2.5).

Глагол *heilua* употребляется и в ситуациях, когда колеблются прототипически неподвижные объекты вследствие ослабления некоторого крепления (примеры (6)—(8)):

- (6) *On pakko men-nä hammas-lääkäri-in jos pysyvä hammas heilu-u*
 быть.3SG необходимость идти-INF зуб-врач-ILL если постоянный зуб качаться-3SG
tai on siirty-nyt paika-lta-an
 или быть.3SG передвинуться-PTCP.ACT.PST место-ABL-3SG
 ‘Надо идти к врачу, если постоянный зуб шатается или сместился’.
- (7) *Taka-pyörä-n laakeri on niin väljä että pyörä heilu-u*
 задний-колесо-GEN подшипник быть-3SG так широкий что колесо качаться-3SG
 ‘Подшипник на заднем колесе такой широкий, что колесо болтается’.
- (8) *Tämä koe-tiin Volgograd-ssa, jo-ssa uusi 7-kilometri-nen silta*
 это испытывать-IMPERF.PST Волгоград-INE который-INE новый 7-километр-ADJ мост
alko-i torstai-ilta-na heilu-a ylös ja alas jopa 1—1,5 metri-ä
 начать-PST.3SG четверг-вечер-ESS качаться-INF вверх и вниз даже 1—1,5 метр-PART
 ‘Это испытали в Волгограде, где новый семикилометровый мост в четверг вечером начал рас-
качиваться вверх-вниз на целые метр-полтора’.

В примере (8) речь идет о знаменитом «танцующем» мосте в Волгограде, закрытом в мае 2010 г. из-за волновых колебаний большой амплитуды. Причиной колебаний чаще всего называют ветровой резонанс, однако, на наш взгляд, для данной ситуации важен именно недостаток конструкции моста, допускающий резонансный эффект: поскольку мост не навесной, колебание от ветра не является для него нормальным и ожидаемым, что и передается глаголом *heilua*, содержащим в данном примере идею деформации. Очевидно, что этот новостной текст описывает только наблюдаемую очевидцами ситуацию, а подлинная причина колебаний автору текста может быть неизвестна и потому для данного употребления не важна.

К этому же классу употреблений глагола *heilua* относится шатание старого забора, гнилой скамьи или стула. Интересно, что на основе данного значения глагол развивает метафору о неустойчивости положения — например, в политике.

- (9) *Vanhase-n tuoli heilu-u, tule-e-ko ero jo ennen syksy-ä?*
 Ванханен-GEN стул качаться-3SG приходит-3SG-INTRG отставка уже до осень-PART
 ‘Позиция Ванханена неустойчива, выйдет ли он в отставку еще до осени?’

Очевидно, что слово *tuoli* ‘стул’ (то же касается слова *palli* ‘табуретка’), как и русское *кресло*, используется для обозначения места в парламенте (в последующем контексте более подробно описывается *ero puheenjohtajan pallilta*, букв. ‘отставка с табуретки председателя’).

Еще один класс употреблений глагола *heilua* — в сочетании с названиями объектов на опоре.

- (10) *E-n suosittelen juna-a jos olet huono nukku-ma-an: juna*
 NEG-1SG советовать.CN поезд-PART если быть-2SG плохой спать-SUP-ILL поезд
keinui¹ ja heilui
 качаться-PST.3SG и качаться-PST.3SG
 ‘Я не рекомендую поезд, если вы плохо засыпаете: поезд качался и шатался’.
- (11) *Se tuntui kuin ol-isi istu-nut nopea-sti*
 это казаться-PST.3SG как быть-COND.3SG сидеть-PTCP.ACT.PST быстрый-ADV
soude-tta-va-ssa vene-ssä, joka heilu-u ja vaappu-u²
 грести-PTCP.PASS-PRS-INE лодка-INE который качаться-3SG и качаться-3SG
 ‘Казалось, будто сидишь в быстро движущейся лодке, которая раскачивается и шатается’.

В примерах (10) и (11) колеблются движущиеся объекты на неподвижной опоре: вода, по которой плывет лодка, в этом контексте ничем не отличается от рельсов, по которым идет поезд, поскольку ко-

¹ О глаголе *keinua* см. раздел 2.3.

² О глаголе *vaappua* см. раздел 2.4.

лебания обоих объектов происходят, по-видимому, в результате движения вперед, и поверхность никакого влияния на объекты не оказывает. Однако встречаются и примеры, где колебание объекта вызвано именно движением опорной поверхности.

- (12) *Vene heilu-i ja huoju-i³, vesi-massa-t suhis-i-vat, sihis-i-vät ja*
 лодка качаться-PST.3SG и качаться-PST.3SG вода-масса-PL гудеть-PST-3PL шипеть-PST-3PL и
kohis-i-vat rungo-n ulko-puole-lla
 бурлить-PST-3PL корпус-GEN внешний-сторона-ADE
 ‘Лодка **раскачивалась**, водная масса гудела, шипела и бурлила за бортом’.

- (13) *Hei-llä ol-i talo heilu-nut niin paljon, että isä ja poika*
 они-ADE быть-PST.3SG дом качаться-PTCP.ACT.PST так много что отец и сын
ol-i-vat lähte-nee-t juokse-ma-an järistys-t-en väli-ssä pih-alle
 быть-PST.3PL уйти-PTCP.ACT.PST-PL бежать-SUP-ILL землетрясение-PL-GEN между-INE двор-ALL
 ‘Их **дом** так **шатался**, что отец и сын выбежали во двор между толчками’.

Возникает впечатление, что глагол *heilua* описывает колебание любого объекта, закрепленного одной точкой. Однако интересно, что в определенных контекстах такого рода он практически не встречается: для описания качелей, колыбели или кресла-качалки, как правило, используются другие глаголы. Различие между этими двумя группами состоит в том, что функция качелей и колыбели заключается именно в колебании, а земля прототипически неподвижна; в некотором смысле то же можно сказать и о воде, если она воспринимается в качестве опоры для кораблей и лодок: предпочтительно, чтобы она была неподвижна, по крайней мере, настолько, чтобы не оказывать влияния на ход транспортного средства. То есть, глагол *heilua* описывает не контролируемые человеком колебания, вызванные естественными причинами.

Этот компонент значения проявляется также в случаях, когда данный глагол сочетается с названием одушевленного субъекта: если он описывает движение, совершаемое живым человеком, это значит, что сам человек утратил контроль над ситуацией, например, находится в состоянии опьянения. Из обозначения буквального «шатания» пьяного человека, неспособности стоять прямо, развивается переносное значение.

- (14) *Jos lapsi tietä-ä että äiti känni-ssä heilu-u jo-ssa-in baari-ssa,*
 если ребенок знать-3SG что мать опьянение-INE качаться-3SG который-INE-INDEF бар-INE
niin varmaan ahdistu-u, e-i sellais-ta tarvi-tse kerto-a!
 так наверное мучаться-3SG NEG-3SG такой-PART быть.нужным-CN рассказывать-INF
 ‘Если ребенок узнает, что **мать** где-то **шатается** по барам, он наверняка будет страдать, не нужно такого рассказывать!’

Здесь глагол обозначает уже не колебательное движение, а беспорядочное перемещение, которое представляется слабо контролируемым. Примеры похожего употребления часто встречаются в новостных текстах.

- (15) *Mies heilu-i hauliko-n kanssa ja ammu-skel-i koti-piha-lla-an*
 мужчина качаться-PST.3SG дробовик-GEN с и стрелять-FREQ-PST.3SG дом-двор-ADE-3SG
 ‘Мужчина **бродил** по своему двору с дробовиком и постреливал’.

В примерах такого типа вполне возможно, что сам субъект вполне контролирует свои действия, но представляет угрозу для общества (не случайно в большинстве случаев подобного употребления человек «бродит» с тем или иным оружием). Информанты отмечают, что употребление данного глагола сигнализирует о ненормальности ситуации, т. е. что подобная ситуация обществом воспринимается почти как природный фактор, неконтролируемый и потому опасный (этот компонент, к сожалению, никак не отражается в русском переводе).

2.2. *huojua*: закрепленные снизу объекты

Основная область употребления данного глагола — закрепленные нижней частью вытянутые объекты. Как и *heilua*, глагол *huojua* не различает колебания со слабой и сильной амплитудой.

- (16) *Metsä-ssä puu-t huoju-i-vat hilja-a*
 лес-INE дерево-PL качаться-PST-3PL тихий-PART
 ‘Деревья тихо **покачивались** в лесу’.

³ О глаголе *huojua* см. раздел 2.2.

- (17) *Tuuli käv-i selä-ltä päin ja ranna-n koivu-t huoju-i-vat kova-sti*
 ветер ходить-PST.3SG плес-ABL по.направлению и берег-GEN береза-PL качаться-PST-3PL сильный-ADV
 ‘С плеса пришел ветер, и березы на берегу сильно **раскачивались**’.

Несмотря на то, что качающиеся деревья может описывать и глагол *heilua*, информанты отмечают, что *huojua* подходит лучше, потому что обозначает именно нечто высокое, вертикальное, закрепленное снизу, в то время как *heilua* не специализируется в одной области, охватывая большинство колебательных ситуаций.

Причиной колебания вертикального траектора глагола *huojua* может быть и движение опорной поверхности.

- (18) *Järistys ol-i niin voima-kas, että korkea-t rakennukse-t huoju-i-vat*
 землетрясение быть-PST.3SG так сила-ADJ что высокий-PL здание-PL качаться-PST-3PL
vielä puoli tunti-a se-n jälkeen
 еще половина час-PART это-GEN после
 ‘Землетрясение было таким сильным, что высокие дома **шатались** еще полчаса после этого’.

Среди таких объектов оказывается и человек, утративший способность контролировать свои движения, у которого «почва уходит из-под ног».

- (19) *Toise-t kävele-vät huoju-e-n, kuin ol-isi-vat humala-ssa*
 другой-PL идти-3PL качаться-CVB-INS как быть-COND-3PL хмель-INE
 ‘Другие шли, **шатаясь**, как будто пьяные’.

Однако в область употреблений глагола *huojua* включаются не только вытянутые и закрепленные снизу объекты. Так, достаточно хорошо он сочетается с названиями объектов на неподвижной опоре.

- (20) *Juna huoju-u eteen-päin, etelä-än*
 поезд качаться-3SG вперед-по.направлению юг-ILL
 ‘Поезд, **покачиваясь**, едет вперед, на юг’.

Большинство примеров этого типа описывают колебания транспортных средств, едущих по земле или плывущих по воде (хотя сочетание *vene huojuu* (*vene* ‘лодка’) и в текстах встречается реже, и информантами признается менее охотно). С названиями объектов, находящихся на прототипически колеблющейся опоре (на качелях, в колыбели), как и *heilua*, данный глагол не сочетается.

В некоторых других колебательных ситуациях употребление глагола *huojua* также не исключается. Встречаются примеры в сочетании с названиями горизонтальных поверхностей, маятникообразных объектов и даже мягких вертикальных поверхностей.

- (21) *Jos lattia huoju-u, niin perustuks-i-ssa on varmaan*
 если пол качаться-3SG так основа-PL-INE быть.3SG вероятно
jo-ta-in vika-a?
 который-PART-INDEF неисправность-PART
 ‘Если пол **ходит ходуном**, наверное, что-то не так с фундаментом?’

- (22) *Keinu huoju-u tuule-ssa, puro virta-a oja-ssa, mutta minä vain istu-n...*
 качели качаться-3SG ветер-INE ручей течь-3SG канава-INE но я лишь сидеть-1SG
 ‘Качели **качаются** на ветру, ручей течет в канаве, но я лишь сижу...’

- (23) *Hauraa-t verho-t huoju-vat tuule-ssa, kuin aaltoile-va meri*
 хрупкий-PL занавеска-PL качаться-3PL ветер-INE как колыхаться-PTCP.ACT.PRS море
 ‘Хрупкие занавески **качаются** на ветру, как колыхающееся море’.

Правда, подобные примеры крайне редки, причем примеры (23) и (24) взяты из стихотворных текстов, очевидно, стилистически маркированных, что может сказываться на словоупотреблении. Так или иначе, глагол *huojua*, который располагается в ядерной части исследуемого семантического поля, по-прежнему занимает свою основную зону употребления некоторыми «соседними» классами объектов.

Интересно, что при сочетании с обозначением одушевленного субъекта, в отличие от глагола *heilua*, данный глагол не обязательно содержит компонент отсутствия контроля.

- (24) *Isä seiso-o ove-lla huoju-e-n jala-lta toise-lle*
 отец стоять-3SG дверь-ADE качаться-CVB-INS нога-ABL другой-ALL
 ‘Отец стоит в дверях, **переминаясь** (букв. качаясь) с ноги на ногу’.

2.3. *keinua*: колебания прототипически колеблющихся объектов; контролируемость человеком

Наиболее характерный класс употреблений этого глагола — колебание объектов, предназначенных для колебания, например, качелей, кресла-качалки или колыбели:

- (25) *Yhtäkkiä keinu-tuoli alko-i keinu-a itse-kse-en*
 вдруг качаться-стул начать-PST.3SG качаться-INF сам-TRANSL-3SG
 ‘Вдруг кресло-качалка начало **качаться** само по себе’.

Keinua — единственный глагол, допускающий подобные употребления: не случайно именно от него образованы слова *keinuu* ‘качели’ и *keinutuoli* ‘кресло-качалка’. Кроме того, только с помощью этой лексемы можно описать намеренное раскачивание, совершаемое человеком (как на предназначенном для этого устройстве, так и на не предназначенном):

- (26) *Mi-tä ajattele-t aikuise-sta, joka keinu-u leikki-puisto-n keinu-ssa?*
 что-PART думать-2SG взрослый-ELA который качаться-3SG игра-парк-GEN качели-INE
 ‘Что ты думаешь о взрослых, которые **качаются** на качелях на детской площадке?’
- (27) *Tuoli-lla ei saa keinu-a*
 стул-ALL NEG.3SG иметь.право.CN качаться-INF
 ‘Нельзя **качаться** на стуле’.

Однако, наряду с глаголами *huojua* и *heilua*, *keinua* встречается и в описаниях колебания предметов на неподвижной опоре, например, поезда на рельсах:

- (28) *E-n suosittelen juna-a jos ole-t huono nukku-ma-an: juna keinu-i ja heilu-i...*
 NEG-1SG советовать.CN поезд-PART если быть-2SG плохой спать-SUP-ILL поезд
 качаться-PST.3SG и качаться-PST.3SG
 ‘Я не рекомендую поезд, если вы плохо засыпаете: поезд **качался** и шатался...’

Наиболее характерная для глагола *keinua* ситуация создается за счет толчков (ср. намеренное раскачивание на качелях, в гамаке, на стуле). Вероятно, наличие в примере (28) сразу двух глаголов колебательного движения объясняется тем, что они описывают разное колебание: поезд качается одновременно из стороны в сторону и взад-вперед, совершая толчки по направлению движения. Эта версия позволяет объяснить употребление глагола *huojua* в примере (24): человек раскачивается стоя, отталкиваясь поочередно то одной, то другой ногой.

2.4. *vaarria*: равномерность

Этот глагол описывает равномерные колебания из стороны в сторону. Очень часто он употребляется при описании походки человека, переваливающегося при ходьбе из стороны в сторону, или утки.

- (29) *Tasan kello kahde-lta kaupa-n ovi aukea-a ja sisä-än vaarria ankk*
 ровно часы два-ABL магазин-GEN дверь открываться-3SG и внутри-ILL качаться-3SG утка
 ‘Ровно в два часа открывается дверь магазина и внутрь, **переваливаясь**, заходит утка’.

Информанты особенно подчеркивают сбалансированность, равномерность колебательного движения: в отличие от глагола *heilua*, который в сочетании с одушевленным субъектом чаще всего обозначает нетвердую походку пьяного, *vaarria* описывает, например, походку очень полного человека, именно переваливающегося, как утка.

Сочетаясь с неодушевленными объектами, например, с лодкой на воде, глагол *vaarria* тоже обозначает равномерное колебание из стороны в сторону на месте, когда лодка привязана к берегу, или во время движения (см. выше пример (12)).

2.5. *lainehtia* / *aaltoilla*: мягкие горизонтальные поверхности

Эти два глагола, по-видимому, семантически полностью аналогичны друг другу: они образованы от слов *laine* и *aalto* ‘волна’, пришедших в литературный язык из разных источников. Этимологический словарь финского языка для слова *laine* указывает только германский источник **hlainiz*, давший в различных германских диалектах слова со значением ‘холм’, а *aalto* возводится к праскандинавскому кор-

ню со значением ‘iso laine’, т. е. ‘большая волна’ [SSA I: 46; SSA II: 37]. Однако, если когда-то эти слова, вероятно, противопоставлялись по амплитуде (размеру волны), на настоящий момент никакого семантического различия ни между существительными, ни между соответствующими глаголами не отмечается.

Lainehtia и *aaltoilla* — единственные глаголы, описывающие колебания воды.

- (30) *Vesi aaltoil-i raju-sti myrsky-sää-llä*
 вода колыхаться-PST.3SG сильный-ADV гроза-погода-ADE
 ‘Вода очень сильно **волновалась** во время грозы’.

Описывают они и волны, которые образует ветер на поверхности луга, в высокой траве.

- (31) *Mi-ssä vielä 60-luvu-lla lainehti vilja lainehti-i nyt vesi*
 где-INE еще 60-число-ADE колыхаться.PST.3SG луг колыхаться-3SG теперь вода
 ‘Там, где еще в 60-х годах **колыхался луг**, колышется теперь вода’.

В художественных текстах оба глагола также могут употребляться в сочетании с названиями вертикальных мягких поверхностей, хоть и значительно реже, чем другие глаголы⁴ (см. ниже).

2.6. *liehua* и *hulmuta*: мягкие вертикальные поверхности и гибкие стебли

Отличий в сочетаемости этих двух глаголов также не обнаружено. Оба они используются в описаниях колебания мягких вертикальных поверхностей (флагов⁵, занавесок, белья на веревке), а также гибких стеблей (водоросли, камыши, волосы).

- (32) *Suome-n lippu liehu-u tuule-ssa*
 Финляндия-GEN флаг развеваться-3SG ветер-INE
 ‘Флаг Финляндии **развевается** на ветру’.

- (33) *Jeani-n hiukse-t hulmu-si-vat kevye-sti tuule-ssa*
 Жанна-GEN волос-PL развеваться-PST-3PL легкий-ADV ветер-INE
 ‘Волосы Жанны слегка **колыхались** на ветру’.

Этимологический словарь финского языка, ссылаясь на финско-шведский словарь Э. Лённрота 1874 г., в числе синонимов для глагола *hulmuta* приводит глагол *velloa* ‘бурлить, плескаться’, а в статье для глагола *liehua* указывает производное от него слово *liehu* ‘вязкая земля’, встречающееся в некоторых диалектах [SSA I: 182; SSA II: 68—69], однако в настоящий момент, насколько удалось выяснить, ни один из этих глаголов в литературном языке не сочетается с названиями мягких горизонтальных поверхностей.

Интересно, что глаголы, этимологически связанные с *liehua*, в разных диалектах имеют значение *loi-muta* ‘пылать’ [SSA II: 68—69], т. е. их прототипическим субъектом является огонь. В литературном финском и *liehua*, и *hulmuta* тоже сочетаются с этим субъектом.

- (34) *Lieki-t hulmu-si-vat jo kato-n raja-lla, ja seinä-n taka-a*
 пламя-PL развеваться-PST-3PL уже крыша-GEN граница-ADE и стена-GEN за-ELA
kuulu-i tule-n räiske
 быть.слышным-PST.3SG огонь-GEN треск
 ‘Языки пламени **плясали** (букв. развевались) уже на крыше, и из-за стены доносился треск огня’.

- (35) *Katsele-n kuinka lieki-t liehu-vat ympär-i-llä-si*
 смотреть-1SG как пламя-PL развеваться-3PL вокруг-ADE-2SG
 ‘Я смотрю, как огонь **полыхает** вокруг тебя’.

На данный момент этот класс употребления скорее сдвинут на периферию и даже осознается не всеми носителями, однако очевидно, что он сыграл важную роль в развитии значения данных глаголов. Идея огня как прототипической вертикальной мягкой поверхности представляется очень интересной с точки зрения языковой картины мира.

⁴ У большинства информантов такие примеры вызывают недоумение. Некоторые предполагают, что значение глагола в них другое: что-то вроде ‘свисать, образуя волны’.

⁵ Топологически флаг устроен иначе, чем занавеска: он закреплен не сверху, а сбоку; однако на материале рассматриваемых здесь языков это различие не лексикализуется: колебание флага объединяется с колебанием занавески и противопоставляется волнообразному колыханию в горизонтальной плоскости (вода, трава на лугу).

2.7. *hoippua*: нетвердая походка

Этот глагол используется, прежде всего, при описании нетвердой походки человека, пьяного или усталого; так же, как глагол *heilua* в сочетании с одушевленными объектами, он передает идею неустойчивости и отклонения от нормы:

- (36) *Mies hoippu-i lääkäri-in puukko selä-ssä*
 мужчина шататься-PST.3SG врач-ILL нож спина-INE
 ‘Мужчина, **шатаюсь**, пришел к врачу с ножом в спине’.

- (37) *Astrid ja Anni tädi-t ja Paavo-setä on järjestä-neet hei-lle*
 Астрид и Анни тетя-PL и Пааво-дядя COP.3SG организовать-PTCP.PST.PL они-ALL
täysi-hoido-n sama-lla kun kohta kymmen-i-ä tuhans-i-a suomalais-i-a
 полный-уход-GEN тот.же-ADE когда даже десять-PL-PART тысяча-PL-PART финн-PL-PART
hoippu-u nälässään jonotta-ma-ssa ruoka-a
 шататься-PRS.3SG будучи.голодным стоять.в.очереди-SUP-INE еда-PART
 ‘Тети Астрид и Анни с дядей Пааво устроили себе пансион, в то время как целые десятки тысяч финнов шатаются от голода, стоя в очередях за едой’.

Также этот глагол описывает неуверенную походку ребенка, который учится ходить:

- (38) *Pakko vaan tul-la, ja naura-a hekotta-a sitten, kun hoippu-u*
 нужно только прийти-INF и смеяться-3SG хихикать-3SG потом когда шататься-3SG
takaisin sänky-yn nähd-e-ssä-än tulo-ni
 назад кровать-ILL видеть-CVB-INE-3 приход-1SG
 ‘Стоит только прийти, и он хихикает и **ковыляет** обратно в кровать, видя, что я пришла (о двух-летнем ребенке)’.

Интересно употребление глагола *hoippua* в примере (39), где он описывает походку пингвина: чаще, говоря о пингвинах, используют глагол *vaarppua* (см. раздел 2.4), поскольку они равномерно переваливаются с боку на бок, а не пошатываются, и подобная походка для них является единственно возможной; очевидно, в данном случае «неровная» ходьба пингвина уподобляется передвижениям нетвердо стоящего на ногах человека.

- (39) *Ja nyt ede-ssä-ni hoippu-u unelm-i-e-ni sanansaattaja, pingviini!*
 и теперь впереди-INE-1SG шататься-3SG мечта-PL-GEN-1SG вестник пингвин
 ‘И вот передо мной **ковыляет** вестник моей мечты, пингвин!’

Хотя основная область употребления глагола *hoippua* — именно одушевленные объекты, изредка встречаются примеры, где он описывает колебания неустойчивых предметов или природных объектов.

- (40) *Purje kallistu-u, vene hoippu-u, hörppä-ä vet-tä ja vaipu-u vede-n alle*
 парус наклониться-3SG лодка шататься-3SG хлебнуть-3SG вода-PART и опуститься-3SG вода-GEN под
 ‘Парус наклоняется, лодка пошатывается, зачерпывает воды и опускается под воду’.

- (41) *Maa hoippu-u niin-kuin juoru-nut, huoju-u niin-kuin lehvä-maja*
 земля шататься-3 SG так-как напиться-PTCP.ACT.PST шататься-3SG так-как ветка-шалаш
 ‘Земля шатается, как пьяная, раскачивается, как шалаш’.

Поскольку примеров, где глагол *hoippua* сочетался бы с обозначениями неустойчивой мебели, старых мостов и т. п., не обнаружено, вероятнее всего, что в примерах вроде (40) и (41) имеет место художественное уподобление артефактов и природных объектов человеку: в примере (40) на олицетворение лодки дополнительно указывает употребление глагола *hörpätä* ‘хлебнуть’, а в примере (41) земля эксплицитно сравнивается с пьяным человеком. В стилистически немаркированных текстах глагол *hoippua* сочетается исключительно с одушевленным субъектом, указывая на потерю контроля.

В метафорическом употреблении этот глагол также описывает неустойчивое положение:

- (42) *Saab nous-i mutta hoippu-u yhä*
 Сааб подняться-PST.3SG но шататься-3SG все
 ‘«Сааб» поднялся, но все еще **пошатывается**’.

Как и в примерах (40) и (41), здесь происходит уподобление именно с человеком, который нетвердо держится на ногах, готов упасть.

2.8. *horjua*: неустойчивость

Этот глагол, тоже описывающий колебания по причине деформации, в настоящий момент в языке используется почти исключительно метафорически. Однако встречаются и примеры его прямого употребления, где глагол *horjua*, как и *hoippua*, описывает слабо контролируемые человеком передвижения.

- (43) *Poliisi tule-e käymä-än, katso-o lapse-t jotka nukku-vat, juttele-vat*
 полиция приходить-3SG ходить-ILL смотреть-3SG ребенок-PL который.PL спать-3PL болтать-3PL
äidi-n kanssa joka selvä-sti sammalta-a ja horju-u, siis
 мать-GEN с который ясный-ADV бормотать-3SG и шататься-3SG следовательно
selvä-sti känni-ssä
 ясный-ADV пьяный-INE

‘Приходит полиция, смотрит на детей, которые спят, болтают с матерью, которая бормочет и шатается, очевидно, пьяная’.

- (44) *Pui-nen ol-i raskas, se-n lisäksi niin iso että siinä*
 дерево-ADJ быть-PST.3SG тяжелый это-GEN кроме так большой что это.INE
varsinkin istu-mis-ta harjottele-va vauva horju-u, toisekseen
 особенно сидеть-NMN-PART тренироваться-PTCP.ACT ребенок шататься-3SG с другой.стороны
meidä-n poika oppi siitä tosi vaarallise-sti nouse-ma-an
 мы-GEN мальчик учиться.PST.3SG это.ELA правда безопасный-ADV встать-SUP-ILL
ylös ja sit seiso-i tuoli-ssa
 вверх и потом стоять-PST.3SG стул-INE

‘Деревянный [стул] был тяжелым и к тому же таким большим, что ребенок, который в нем учился сидеть, шатался; с другой стороны, в нем наш мальчик по-настоящему безопасно учился вставать, и потом стоял на стуле’.

Интересно, что в примере (44) глагол описывает колебания, совершаемые не при ходьбе и даже не стоя, как в примере (43), а сидя. Данная ситуация ближе всего к фрейму неустойчивости неодушевленных объектов, например, разболтанного колеса или плохо закрученной гайки: ребенок «недостаточно прочно закреплен» в кресле.

Глагол *horjua* образует сразу два класса метафорических употреблений. Первый из них — ‘шаткое положение’ — аналогичен метафоре глагола *hoippua*, но для *horjua* этот переход гораздо более частотен и нейтрален:

- (45) *Japani-ssa asu-va-n suomalaise-n usko viranomais-i-in horju-u*
 Япония-INE проживать-PTCP.ACT-GEN финн-GEN вера власть-PL-ILL шататься-3SG
 ‘Доверие к властям финна, живущего в Японии, пошатнулось’.

- (46) *Demokratia-n perusta horju-u Makedonia-ssa*
 демократия-GEN основа шататься-3SG Македония-INE
 ‘В Македонии пошатнулись основы демократии’.

Как и глагол *heilua* (см. раздел 2.1), в сочетании со словами «стул» и «табуретка» *horjua* обозначает неустойчивое положение в политике, на служебной лестнице или в спортивной карьере.

- (47) *Brasilia-n palli horju-u olympialais-ten lento-pallo-ssa*
 Бразилия-GEN табуретка шататься-3SG олимпийский-PL.GEN полет-мяч-INE
 ‘Положение сборной Бразилии по волейболу в Олимпиаде пошатнулось’.

Вторая группа метафор — перенос из сферы физических колебаний в ментальную сферу, на обозначение сомнений при выборе:

- (48) *Yksityis-elämä-ssä-än hän horju-i protestanttisuude-n ja katolisuude-n välillä*
 частный-жизнь-INE -3 он шататься-PST.3SG протестантизм-GEN и католицизм-GEN между
 ‘В частной жизни он колебался между протестантизмом и католицизмом’.

2.9. Выводы

При изучении лексической системы финского языка исследователь сталкивается с большой вариативностью: литературный язык богат словарными единицами, пришедшими из разных диалектов, долгое время существовавших практически изолированно друг от друга и потому значительно различающихся

по лексическому составу. Эту особенность хорошо отражает структура исследованного семантического поля: большинство рассмотренных нами глаголов имеют некоторый центральный компонент значения и класс употреблений, ощущаемый носителями как основной для данной словарной единицы, но при этом чем ближе тот или иной глагол находится к ядру поля, тем больше других колебательных ситуаций он «захватывает» в свою зону. В результате подобной экспансии языковая норма колеблется, так что редко можно говорить об абсолютных запретах, однако это не мешает выделить основные компоненты значенный глаголов и значимые для системы параметры.

Для финского языка релевантны параметры горизонтального / вертикального расположения объекта в пространстве (см. «горизонтальные» глаголы *aaltoilla*, *lainehtia* vs. «вертикальные» *liehua*, *hulmuta*, в значительной степени *heilua* и *huojua*), направления колебания (см. *vaappua*, *keinua*), равномерности (*vaappua*); существуют специальные глаголы для описания колебания мягких поверхностей (*aaltoilla*, *lainehtia*, *liehua*, *hulmuta*). Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает параметр контролируемости колебательной ситуации человеком (*heilua* vs. *keinua*). Кроме того, некоторые глаголы сочетаются исключительно с одушевленным траектором (*hoippua*, *horjua*). Интересно, что именно такие глаголы образуют большинство метафор в анализируемом семантическом поле: это еще одно свидетельство антропоцентричности системы в целом.

3. Коми-зырянский язык

Система глаголов колебательного движения в языке коми беднее, чем в финском: большинство ситуаций колебания описываются общим глаголом движения. С другой стороны, имеются четыре узкоспециализированных глагола, каждый из которых выделяет особую область семантического поля. Для обозначения прототипических колебательных ситуаций, связанных с функцией объекта (люлька, качели, кресло-качалка), в том числе контролируемых человеком, исконный глагол тоже отсутствует, но лакуна системы заполняется заимствованием из русского языка *качайтыны*, которое и используется в случае необходимости описания подобной ситуации.

3.1. *варны*: большинство неодушевленных объектов, небольшая амплитуда

На русский этот глагол переводится как ‘шевелиться’: он означает любое незначительное движение, слабо отличающееся от состояния покоя. Применительно к колебательным ситуациям он также описывает движение с небольшой амплитудой, часто под действием ветра:

- (1) *Зэй тала и турун-ыс зэй вар-э*
очень ветер и трава-POSS3SG очень шевелиться-NPST.3SG
‘Сильный ветер, и трава **колышется**’.
- (2) *Пыж-ыс дом-ема берег дор-э вар-э*
лодка-POSS3SG привязать-PST2 берег край-ILL шевелиться-NPST.3SG
‘Привязанная у берега **лодка покачивается**’.
- (3) *Морт пыр-ис и завес-яс-ыс вар-эныс*
человек зайти-PST.3SG и занавеска-PL-POSS3SG шевелиться-NPST.3PL
‘Человек зашел, и **занавески колышутся**’.
- (4) *Люстра-сэ вэрз-ед-ин кин-ад и сыа зэй вар-э*
люстра-ACC.POSS3SG шевелиться-CAUS-PST.1SG рука-INSTR и она очень шевелиться-NPST.3SG
‘Я задел **люстру** рукой, и она **раскачивается**’.

Из примеров видно, что объекты, подверженные колебанию, могут быть самыми разными: мягкими (трава, волосы, одежда), подвешенными (люстра), закрепленными снизу (дерево). Однако во всех случаях речь идет по умолчанию о колебании с небольшой амплитудой: чтобы описать более заметное движение, носители добавляют наречие *зэй* ‘очень’. Также глагол *варны* распространяется на ситуации колебания по причине неустойчивости, которые тоже подразумевают небольшую амплитуду:

- (5) *Дёля-ыс-лэн пин-ис вар-э*
маленький-POSS3SG-GEN зуб-POSS3SG шевелиться-NPST.3SG
‘У маленького **зуб шатается**’.

- (6) *Поск-ыс* *вэр-э* *кок ул-ын*
 пол.OBL-POSS3SG шевелиться-NPST.3SG нога низ-ESS
 ‘Под ходуном ходит под ногами’.
- (7) *Сы стул* *выл-ас* *ин пукси, сыа вэр-э,* *жугал-ас*
 этот стул верх-ESS.POSS3SG NEG.2 сидеть он шевелиться-NPST.3SG сломаться-FUT.3SG
 ‘Не сиди на этом стуле, он шатается, сломается’.
- (8) *Бэрдэм-сис* *керка стен-ыс* *вэр-э*
 плач-ELA.POSS3SG дом стена-POSS3SG шевелиться-NPST.3SG
 ‘От плача стена качается’.

Во многих из приведенных ситуаций, описываемых глаголом *вэрны*, некоторыми носителями также допускается заимствование из русского *качайтыны*. Очевидно, что расширение зоны употребления заимствованного глагола обусловлено сильным влиянием русского языка на коми; несмотря на это, наиболее характерным для данных ситуаций является все же исконный глагол.

3.2. *лайкъяоны*: неустойчивая опорная поверхность

В исследованном говоре языка коми этот глагол обособляет исключительно колебания неустойчивых или деформированных горизонтальных поверхностей, служащих человеку в качестве опоры. В этих ситуациях допустим и общий глагол *вэрны*, ср. пример (7).

- (9) *Пэл-ыс* *лайкъял-э* *кок ул-ын, мун-ны оз* *позь*
 доска-POSS3SG качаться-NPST.3SG нога низ-ESS идти-INF NEG.PRS.3SG быть.возможным
 ‘Доска под ногами шатается, идти нельзя’.
- (10) *Се-я му-ыс* *лайкъял-э* *кок улан-ум*
 глина-ADJ земля-POSS3SG качаться-NPST.3SG нога низ-ESS.POSS1PL
 ‘Глинистая земля пружинит у нас под ногами’.
- (11) *Челядь-яс* *войл-эныс,* *поск-ыс* *лайкъял-э*
 ребенок-PL бегать-NPST.3PL пол.OBL-POSS3SG качаться-NPST.3SG
 ‘Дети бегают, пол ходуном ходит’.

На фоне подобных однородных случаев особняком стоит один из полученных примеров, признаваемый лишь небольшим количеством носителей: в нем речь идет о качании на поверхности воды.

- (12) *Вотчы-ны* *ветл-ім,* *бэр локт-іг-эн,* *пыж-сэ* *зэй лайкъя-ед-іс*
 собирать.ягоды-INF ходить-PST.1PL зад вернуться-CVB-INS лодка-ACC.POSS3SG очень качаться-CAUS-PST.3SG
 ‘За ягодами поехали, на обратном пути лодку сильно качало’.

Возможно, в этом примере глагол употреблен метонимически: поскольку волны выступают как неустойчивая опора для лодки, сфера действия глагола переносится с поверхности на объект, расположенный на ней, которому передаются ее колебания (что подчеркивается также каузативной формой глагола).

Кроме того, один из носителей использовал глагол *лайкъяоны* в значении ‘подпрыгивать при ходьбе (о человеке)’; остальные носители этот пример не подтвердили, однако его объединяет со всеми каноническими примерами то, что колебание происходит в вертикальной плоскости, вверх-вниз. Это наблюдение позволяет нам выделить для данного глагола направление колебания в качестве значимого семантического компонента.

Интересно отметить, что в мужевском говоре коми-зырянского языка, согласно словарю [СМГ 2010], этот глагол обладает более широкой сочетаемостью, ср. следующие примеры:

- (13) *Тэл-ыс* *из* *зэй* *вына* *вэд,* *кыдь-яс-ыс* *лайкъял-існыс*
 ветер-POSS3SG NEG.PST.3 очень большой быть береза-PL-POSS3SG качаться-PST.3PL
 ‘Ветер не очень сильный был, березы покачивались’.
- (14) *Пыж-ыс* *кэртал-эма* *гэз* *выл-э,* *катер-ыс* *мун-і,* *пыж-ыс* *лайкъял-э*
 лодка-POSS3SG привязать-PST2 веревка верх-ILL катер-POSS3SG идти-PST.3SG лодка-POSS3SG качаться-NPST.3SG
 ‘Лодка привязана на веревке, катер прошел [рядом], лодка покачивается’.

Тем не менее, в данной работе мы ориентируемся на систему белоярского говора.

3.3. *валъёны*: горизонтальные мягкие поверхности

Прототипическим объектом этого глагола, производного от слова *вал* ‘волна’, является поверхность воды. Однако для него частотным является перенос, в результате которого глагол начинает употребляться по отношению к траве на лугу. Аналогичная ситуация имеет место в финском языке, ср. глаголы *aaltoilla* и *lainehtia*.

(15) *Турун-ыс валъял-э тон*
 трава-POSS3SG колыхаться-NPST.3SG сегодня
 ‘Трава сегодня **колышется**’ (букв. ‘**волнуется, волнами идет**’).

(16) *Ю-ыс валъял-э тон*
 река-POSS3SG колыхаться-NPST.3SG сегодня
 ‘Сегодня **волны** на реке’ (букв. ‘сегодня река **волнуется, волнами идет**’).

Отдельные носители коми-зырянского языка также допускают употребление глагола *валъёны* применительно к мягким поверхностям, расположенным вертикально (занавески, белье на веревке); отдельные соответствующие примеры были обнаружены и для финского языка. Однако основная масса собранного материала в обоих случаях заставляет рассматривать данные глаголы как «горизонтальные».

3.4. *легъёны*: плохо натянутая веревка

Этот глагол имеет очень специфическую область употребления: прототипическим для него объектом является горизонтально расположенная веревка, которая совершает колебательное движение за счет того, что некрепко натянута и провисает:

(17) *Паськем гезй-ис легъял-э*
 белье веревка-POSS3SG болтаться-NPST.3SG
 ‘Бельевая веревка **болтается**’.

Кроме того, сближаясь с русским *болтаться*, этот глагол может описывать и предметы, свисающие вертикально, в первую очередь, развязавшиеся шнурки на одежде, оторванный край одежды; по-видимому, здесь важно, что объект не функционирует правильно, поскольку данный глагол не применим, например, к ниспадающей юбке, а к занавескам — только в случае, когда речь на самом деле идет о провисании веревки, на которой они закреплены:

(18) *Завес-яс-ыс легъял-эныс, гезй-ис лёк*
 занавеска-PL-POSS3SG болтаться-NPST.3PL веревка-POSS3SG плохой
 ‘Занавески **болтаются**, веревка плохая (т. е. занавески на провисающей веревке)’.

С другой стороны, глагол *легъёны*, в отличие от русского *болтаться*, не распространяется на другие ситуации нарушенной функциональности, например, черенок топора или колесо телеги, они покрываются нейтральным глаголом *варны*: видимо, как и в случае с глаголом *лайкъёны*, здесь накладывается ограничение на топологический тип объекта. Однако оба эти глагола, а также глаголы, отвечающие за область деформации в других языках, объединяет то, что основной целью говорящего при их использовании является сигнал о нарушении, неисправности: в движение приходит нечто, что прототипически должно пребывать в покое.

Это значение «неправильного» движения образует перенос: глагол начинает употребляться в эмоциональных высказываниях по отношению к живому существу, часто собаке или ребенку, которые мешают, создают говорящему неудобство своими передвижениями.

(19) *Мый нэ сэтэн легъял-ан!*
 что PT тут болтаться-NPST.2SG
 ‘Что ты тут **болтаешься** (путаешься под ногами)!’

Впрочем, очень вероятно, что подобное употребление является калькой соответствующего русского употребления.

3.5. *доёны*: одушевленный субъект

Так же, как финский и ненецкий (см. далее), коми-зырянский язык маркирует одушевленность траектора. Глагол *доёны* описывает, прежде всего, нетвердую походку человека, пьяного или больного:

(20) *Морт-ыс* *гажса* *мун-иг-ас* *доял-э*
 человек-POSS3SG пьяный идти-CVB-ESS.ILL.POSS3SG шататься-NPST.3SG
 ‘Пьяный человек на ходу шатается’.

(21) *Менэ тай мый-ке до-едл-э тон*
 я. ACC PT что-INDEF шататься-CAUS-NPST.3SG сегодня
 ‘Меня что-то сегодня шатает (при высоком давлении)’.

Кроме того, глагол *доёоны* может описывать походку утки или очень полного человека, которая сопровождается равномерным покачиванием из стороны в сторону и которая, в отличие от ситуаций в примерах (21) и (22), является нормой. Однако одновременное движение траектора вперед не является необходимым условием для употребления этого глагола:

(22) *Дедег-ыс лым выл-э пукс-ис и бак-ысь бак-э доял-э*
 гусь-POSS3SG снег верх-ILL сидеть-PST.3SG и бок-ELA бок-ILL шататься-NPST.3SG
 ‘Гусь сел на снег и раскачивается из стороны в сторону’.

Подобно русскому *шататься*, глагол *доёоны* приобретает переносное значение ‘бесцельно бродить’:

(23) *Мый нэ доял-ан, нинэм он кар?*
 что PT шататься-NPST.2SG ничего NEG.1 делать
 ‘Что ты шатаешься, ничего не делаешь?’

Возникновение этого переноса тоже можно было бы объяснить влиянием русского, однако в коми-зырянском он распространен шире: во-первых, он существует и применительно к животным, что для русского нехарактерно (пример (25)), а во-вторых, он может описывать движение без определенной цели, совершаемое любым способом, не обязательно ходьбу (пример (26)):

(24) *Кытэн доял-э менам мэс?*
 где шататься-NPST.3SG я.GEN корова
 ‘Где мою корову носит?’

(25) *Ты кузя доял-э утка*
 озеро вдоль шататься-NPST.3SG утка
 ‘По озеру плавает утка туда-сюда’.

3.6. качатчыны: намеренное или предусмотренное назначением объекта раскачивание⁶

Употребление данного глагола представляет для нас особый интерес. Если игнорировать ситуации, которые он «захватил» в результате экспансии значения и которые могут описываться исходно зырянскими глаголами, очевидно, что заимствование из русского понадобилось для тех случаев, для которых исходная система не предлагает никакого варианта. Глагол *качатчыны* — единственная возможность описать контролируемые человеком движения на качелях, на кресле-качалке, на стуле:

(26) *Мый нэ качатч-ан стул выл-ын, жуг-ед-ан*
 что PT качаться-NPST.2SG стул верх-ESS сломаться-CAUS-NPST.2SG
 ‘Что ты на стуле качаешься, сломаешь!’

Кроме того, качание таких предметов, как люлька, подвешенная или стоящая на полу, или чаши весов, также описываются в случае надобности исключительно глаголом *качатчыны*; движение качелей изредка может обозначаться глаголом *варны*, однако в этом случае речь идет о колебании качелей уже без ребенка, т. е. не в момент исполнения основной их функции.

3.7. Выводы

Очевидно, что система коми-зырянского языка ориентирована на функцию описываемого объекта: с одной стороны, глаголы *лайкёоны* и *легёоны* сигнализируют о движении объектов, которые прототипически находятся в движении не должны и которые своим движением могут создавать неудобство для человека; с другой стороны, для предметов, созданных, чтобы раскачиваться, никакого обозначения не предусмотрено, поскольку нет необходимости дополнительно указывать на их колебания. Также отметим важность признака одушевленности, уже отмеченную на материале финского языка.

⁶ Ср. финский глагол *keittää* (раздел 2.3).

4. Глаголы колебательного движения в ненецком языке

В системе ненецкого языка также существует несколько глаголов с очень узкой специализацией и один условно «доминантный», обладающий наиболее общей семантикой, вроде коми-зырянского *вэрны*; однако по сравнению с соответствующими глаголами в финском и коми-зырянском языках его сочетаемость гораздо уже: например, он практически не сочетается с обозначениями вертикальных мягких поверхностей.

4.1. *тэпс°ра-*, *тэпсabt'o-* и *тэпсадэр-*: неодушевленный траектор

Эти три глагола образованы от основы *тэпсэ-* ‘шевелиться’, не зафиксированной отдельно в изучаемом говоре, но отмечаемой в словарях. Они употребляются различными информантами как дефолтные при описании колебаний различной природы; при этом одни носители предпочитают глагол *тэпс°ра-*, а другие — *тэпсадэр-*.

- (1) *ηэпo тэпс°ра°*
лодка шевелиться.SUB.3SG
‘Лодка **качается** [на волнах]’.
- (2) *p'iq mal°-q тэпс°ра°-q*
дерево.GEN.PL конец-PL болтаться-3PL
‘Верхушки деревьев **колышутся**’.
- (3) *хасава ηэс°еки° хокос'а-м тэрэр-ηа-да, т'иб'еј° хокос'а тэпс°ра°*
мужчина ребенок береза.DIM-ACC пнуть-GFS-OBJ-3SG гнилой береза.DIM шевелиться.3SG
‘Мальчик пнул березку, гнилая **березка болтается**’.

Как и коми-зырянский глагол *вэрны*, этот глагол по умолчанию описывает движение с небольшой амплитудой. Отличие между примерами (2) и (3) состоит в следующем: употребляясь применительно ко всему дереву, глагол *тэпс°ра-* может обозначать только движение очень неустойчивого дерева, гнилого и «вылезавшего с корнями», согласно комментариям информантов; а при небольшом ветре, как правило, колебанию подвергаются только верхушки деревьев.

- (4) *n'ew°xi° ηамт'орс°h тэпса-дэ-р-ηа*
старый стул шевелиться-IPFV-FREQ-GFS.SUB
‘Старый **стул шатается**’.
- (5) *tibka-xэna p'a тэпса-дэ-р-ηа, sulor-c° tara°*
топор-LOC дерево шевелиться-IPFV-FREQ-GFS.SUB.3SG починить-CVB быть.нужным.SUB.3SG
‘**Рукоятка** топора **болтается**, нужно починить’.
- (6) *t'ib'a-da тэпса-дэ-р-ηа*
зуб-POSS3SG шевелиться-IPFV-FREQ-GFS.SUB.3SG
‘**Зуб шатается**’.
- (7) *харэд° ηар°хэ-нта тэпс°ра°*
дом весь-GEN.POSS3SG шевелиться.3SG
‘**Дом** весь **шатается** (например, когда в нем танцуют)’.
- (8) *харр° l'exabt'o° тэпса-дэ-р-ηа*
северное.сияние разостлать.DECAUS.CVB шевелиться-IPFV-FREQ-GFS.SUB.3SG
‘Раскинутое **северное сияние колеблется**’.
- (9) *jil'en'a ја тэпс°ра°*
живой земля шевелиться.SUB.3SG
‘Зыбкая **почва проваливается** (букв. шевелится)’.

Происходя от основы со значением ‘шевелиться’, глагол *тэпс°ра-* может обозначать движение любого, не только колебательного типа:

- (10) *t'ir° тэпс°ра°*
облако шевелиться.SUB.3SG
‘**Облако плывет** [по небу]’.

Глагол *məncabt'o-* обозначает в первую очередь колебания, вызванные каким-либо внешним каузатором: чаще всего — стихийным (трава, дерево от ветра, земля при землетрясении), но в некоторых случаях — одушевленным. По отношению к колыбели можно употребить и *mənc^ora-*, и *məncabt'o-* (ср. пример (13)): в первом случае она раскачивается как будто сама по себе (с точки зрения говорящего), во втором каузативная форма указывает на то, что ее задели или специально качнули. Такое поведение формы *məncabt'o-* объясняется его морфологической и семантической структурой: он является стативным дериватом от каузатива *məncabta-* ‘пошевелить’.

- (11) *ɲum m'erc'a-xəd^o məncə-bti*
 трава ветер-ABL шевелиться-CAUS.DECAUS.SUB.3SG
 ‘Трава **колышется** на ветру’.
- (12) *xo-koc'a m'erc'a-xəd^o məncə-bti*
 береза-DIM ветер-ABL шевелиться-CAUS.DECAUS.SUB.3SG
 ‘Березка от ветра **дрожит**’.
- (13) *xo^oba məncə-bti-r-ɲa / mənc^ora^o*
 люлька шевелиться-CAUS.DECAUS-FREQ-GFS.SUB.3SG / шевелиться.SUB.3SG
 ‘Люлька **качается** (после того, как ее задели / сама по себе)’.
- (14) *p'i-nə-na jed^o-waq məncə-bti-q*
 свариться-IPFV-PTCP.IPFV котел-POSS1PL шевелиться-CAUS.DECAUS-REFL.3SG
 ‘Варящийся **котел покачивается**’.

В общем случае глаголы, образованные от основы *məncə-*, плохо сочетаются с обозначениями вертикальных мягких поверхностей (например, занавески или белья на веревке). Впрочем, отдельные информанты допускают их использование, например, в ситуации, когда нюки (оленьи шкуры, образующие собой стены чума) шевелятся из-за того, что на чум залезла кошка, т. е. когда движение состоит из отдельных квантов и не периодически; по сути, в таком случае речь уже не идет о колебательном движении. Для описания наиболее характерных колебаний вертикальных мягких поверхностей используются другие глаголы (см. далее).

Кроме того, интересно, что, хотя по отношению к человеку данный глагол в прямом значении не употребляется, он образует перенос, проиллюстрированный в примере (15):

- (15) *t'uku^o n'enec^oh ɲul'iq n'i məncə-bt'u-q*
 этот человек совсем NEG.3SG шевелиться-CAUS.DECAUS-CN
 ‘Этот человек совсем **работать не хочет** (букв. не шевелится)’.

С учетом морфологической структуры глагола *məncabt'o-*, этот пример следует проиллюстрировать следующим образом: человека, о котором идет речь, ничто не способно подтолкнуть к деятельности, «расшевелить».

4.2. *ɲuqla-*: колебания, вызванные ветром

Корень *ɲuq-* значит ‘подуть (о ветре)’, однако анализ сочетаемости данного глагола показывает, что он описывает не любое движение, вызванное ветром, а в первую очередь колебания воды (волны) и мягких вертикальных поверхностей:

- (16) *xamra m'erc'a-xəd^o ɲuq-la-ri*
 волна ветер-ABL подуть-PASS-PASS.DECAUS.SUB.3SG
 ‘Волны **колышутся** из-за ветра’.
- (17) *ɲebt^o m'erc'a-xəd^o ɲuq-la-ra-ɲkə^o*
 волосы ветер-ABL подуть-PASS-PASS-ITER.SUB.3SG
 ‘Волосы **колышутся** на ветру’.
- (18) *ɲimɲitəta ɲan^o ɲuq-la-ɲkə^o*⁷
 одежда.GEN.POSS3SG подол подуть-PASS-ITER.SUB.3SG
 ‘Подол одежды **колышется**’.

⁷ Колыхание длинной одежды, описываемое этим глаголом, может возникать не только за счет ветра, но и из-за быстрой ходьбы.

Однако, будучи достаточно частотным, данный глагол расширяет свою сферу употребления в идиолектах отдельных носителей; так, многие употребляют его, говоря о тонком дереве. Отметим также, что этот глагол, как и предыдущий, не во всех случаях описывает именно колебательное движение: в примере (19) он обозначает движение лодки, которую ветер несет по течению.

- (19) *ɲəno-waq* *piq-la-ri*
 лодка-POSS1PL подуть-PASS-PASS.DECAUS.SUB.3SG
 ‘Нашу лодку **несет** по течению’.

4.3. *lɔbna-*: вертикальные мягкие поверхности, большая частота

Глагол *lɔbna-* характеризуется очень специфической областью употребления: он описывает интенсивные и частые колебания мягких поверхностей, расположенных в вертикальной плоскости; как и в случае глагола *piqla-*, причиной такого колебания чаще всего является ветер:

- (20) *tira-nə-na* *toxoc'a* *lɔbna*^o
 высохнуть-IPFV-PTCP.IPFV тряпка трепаться.SUB.3SG
 ‘Сохнушее белье **треплет** [ветром]’.
- (21) *t'ús'or* / *m'uj'ko-h* *pan*^o *lɔbna*^o
 тюсер подножье нижний.край трепаться.SUB.3SG
 ‘Тюсер⁸ / нижний край нижнего нюка **треплет** ветром’.

Как видно из раздела 4.2, в подобных ситуациях также употребляется глагол *piqla-*. Однако информанты указывают на отличие в значении: движение, описываемое глаголом *piqla-*, «мягче», т. е. с бóльшим периодом колебаний, а также может быть более разнородным, не строго в вертикальной плоскости. Кроме того, сочетаемость глагола *lɔbna-* значительно уже: так, например, он не может употребляться при описании листьев дерева, даже если колебание интенсивно, поскольку лист не является вертикальной, свисающей поверхностью. Очевидно, что семантическая структура глагола *lɔbna-* образована несколькими связанными между собой признаками: большая частота колебаний, причина колебания (ветер), мягкость и вертикальное расположение объекта, топологический тип объекта (поверхность). Особенно интересна типологическая релевантность этих признаков: последние три образуют кластер также в финском языке (ср. глаголы *hulmuta* и *liehua*), а параметр мягкости объекта значим для системы русского языка (так, он противопоставляет глаголы *качаться* vs. *колыхаться*).

4.4. *piŋker-*: функциональная обусловленность колебания⁹

Данный глагол специально выделяет колебания, предусмотренные назначением соответствующих объектов. Прагматически такими объектами чаще всего оказываются предметы на подвесе: люлька, качели (обозначение качелей в ненецком языке *piŋke* образовано от этого же глагола). Этот же глагол используется по отношению к ребенку в люльке и на качелях.

- (22) *ɲəs'eki*^o *jebc*^o-*xəna* *piŋker-ŋa*
 ребенок колыбель-LOC качаться.FREQ-GFS.SUB.3SG
 ‘Ребенок **качается** в люльке’.
- (23) *xo*^o*ba* *piŋker-ŋa*
 люлька качаться.FREQ-GFS.SUB.3SG
 ‘Люлька **качается**’.

Как уже упоминалось в разделе 4.1, применительно к люльке употребляются также глаголы, образованные от основы *təpsə-*, однако многим информантам такой вариант кажется менее приемлемым.

Неудивительно, что именно этот глагол образует каузативный дериват со значением ‘раскачивать (намеренно, с определенной целью)’:

- (24) *n'a-r*^o *piŋkeləbta-d*^o
 брат-POSS2SG качаться.FREQ.CAUS-OBJ.SG.IMP
 ‘Брата **покачай**’.

⁸ Тюсер — кусок ткани или шкуры, которым прикрывают дымовое отверстие чума от ветра.

⁹ Ср. финский глагол *keittää* (раздел 2.3).

В следующем примере употребление глагола объясняется теми же причинами: функция колокольчика, повешенного над дверью, заключается в том, чтобы раскачиваться и звенеть, когда входит человек:

- (25) *s'anako s'enka n'enec'oh t'u-s'oh piykeli^o-q*
 игрушка колокол человек.GEN войти-CVB качаться.FREQ.INCH.SFS-REFL.3SG
 'Человек вошел, колокольчик [над дверью] закачался'.

Характерно, что глагол *piyker-* сочетается не с любым подвешенным траектором: так, описать качание всячего котла, который случайно задела, с его помощью невозможно, поскольку котел в норме раскачиваться не должен, более того, задеть котел — плохая примета в ненецкой культуре. Поэтому большинство информантов предпочитают не озвучивать подобные примеры, хотя другие допускают описание такой ситуации с использованием глагола *tancabt'o-* (ср. раздел 4.1).

Итак, определяющим компонентом значения глагола *piyker-* оказывается именно функциональная значимость колебания, что следует и из некоторых других его употреблений, уже не связанных с подвешенными объектами: например, он допускается применительно к креслу-качалке. Кроме того, именно этот глагол используется для обозначения особого типа весов, с двумя чашами, функционирование которых тоже основано на принципе колебания:

- (26) *piyker-ta nitabc'oh*
 качаться-PTCP.IPFV весы
 'Качающиеся весы'.

4.5. *sadana-*: колебание части деформированного объекта

Признак неустойчивости / плохой закрепленности колеблющегося объекта, отклонения от нормы в ненецком языке представлен необычным образом. Выше мы показали, что большинство таких ситуаций может быть описано глаголом *tanc'ora-* или *tancadər-*. Однако в примерах, подобных следующему, возможен только глагол *sadana-*:

- (27) *ηuda-nta p'el'a ηamca-xad^o-nta l'ankabt'o^o sadana^o*
 рука-GEN.POSS3SG половина мясо-ABL-POSS3SG висеть.CVB болтаться.3SG
 'На руке половина мяса свисает, болтаясь'.

Этот глагол можно сравнить с коми-зырянским *легъёоны*: он тоже сигнализирует о нарушении функциональности объекта, однако для него не характерны такие строгие ограничения на топологический тип объекта, как для *легъёоны*; глагол *sadana-* допустим и при описании шатающегося зуба, и вывихнутого сустава, и болтающейся, плохо натянутой упряжи, и топора, некрепко сидящего на топорище. С другой стороны, с глаголом *легъёоны* его объединяет запрет на употребление в большинстве прототипических ситуаций неустойчивости: гнилого или колченого стула, пола или мостков под ногами. Повидимому, он специально маркирует ситуации, когда в движение приходит часть предмета независимо от своего целого: так, зуб может восприниматься, как часть единой структуры «зубы», а сломанный сустав как часть тела, вышедшая из-под контроля человека. Не случайно для описания ситуаций подобного типа существует еще один глагол, находящийся за пределами рассматриваемого семантического поля — *laxa^o* 'быть отдельным'. Наше наблюдение подтверждается и переносным употреблением глагола *sadana-* применительно к человеку, который отделяется от остальных (или птице, отставшей от стаи):

- (28) *pün'ana sadana^o*
 позади.LOC болтаться.SUB.3SG
 'Он отстает от всех'.

4.6. *xalmana^o*:- движение в форме волны¹⁰

Этот глагол, прямое значение которого, согласно словарю Н. М. Терещенко [Терещенко 1965], — 'изгибаться, извиваться, быть извилистым (о дороге или реке)', приобретает значение колебательного движения в переносном употреблении, правда, в очень ограниченном наборе контекстов: при описании лодки, покачивающейся на волнах, или нетвердой походки человека:

¹⁰ Глагол *xalmana^o* не нанесен на семантическую карту для финского языка (ср. Приложение), поскольку она отражает только распределение глаголов, относящихся к полю колебания в своих прямых значениях.

- (29) *jab'e-n'a* *n'enec'°h* *xən'ah-tən'ah* *xəlmana°* *jada°*
 быть.пьяным-PTCP.IPFV человек туда-сюда виться.CVB идти.3SG
 'Пьяный человек идет, шатаясь туда-сюда'.

Мы обращаем внимание на этот периферийный случай, потому что его интересно сопоставить с финскими глаголами *aaltoilla* и *lainehtia*¹¹, производными от слова *волна*, которые претерпевают развитие значения в обратном направлении: изначально обозначая колебания воды, они приобретают значение 'быть волнистым (о волосах)' или 'быть холмистым (о местности)'. В одном случае уходит идея движения и остается лишь извилистый рисунок, в другом, напротив, изначально статичный глагол в отдельных контекстах приобретает динамический компонент.

4.7. *saqje*:- одушевленный субъект

Глагол *saqje*- употребляется исключительно в сочетании с одушевленным траектором. Исходно описывая нетвердую походку пьяного, усталого или больного человека, чаще всего он употребляется в значении 'бесцельно бродить' или более широко — 'ничем не заниматься, быть не при деле, вести бродячий образ жизни'; крайне характерно для него использование в контексте второго лица, в эмоционально наполненных контекстах вроде (31) при обращении к кому-то, кто мешает или вызывает раздражение.

- (30) *jab'e-n'a* *n'enec'°h* *saqje°*
 быть.пьяным-PTCP.IPFV человек шататься.SUB.3SG
 'Пьяный шатается'.
- (31) *n'enec'°h* *saqje°*, *mənc°ja-da* *juŋku*
 человек бродить.SUB.3SG работа-POSS3SG отсутствовать.SUB.3SG
 'Человек шатается без дела, работы нет'.
- (32) *ɲətke* *t'ukona* *saqjeə-n°!*
 что здесь шататься-2SG
 'Что ты здесь слоняешься!'

Также этот глагол используется для обозначения бродячей собаки и блудной женщины.

Подобный тип переноса отмечается и в других исследованных языках. Важно отметить, что этот глагол всегда маркирует некоторое отклонение от нормы: так, он не может описывать ходьбу утки, которая переваливается с боку на бок в нормальном состоянии. Такой набор компонентов значения (одушевленность траектора + отклонение ситуации от нормы) релевантен и для некоторых глаголов финского языка (ср. *hoirrua*, *horjua*).

4.8. Выводы

На примере системы, представленной в ненецком языке, подтверждаются сделанные ранее наблюдения о типологической значимости параметров мягкости объекта, его расположения в пространстве и одушевленности. Особый интерес представляет параметр функциональной обусловленности колебания: для него в ненецком языке существует отдельная лексема, в то время как в коми-зырянском языке для этой области отсутствует исконное обозначение, и при необходимости лакуна заполняется заимствованным глаголом.

Заключение

В этом разделе мы обобщаем данные конкретных языков и представляем систему глаголов колебания в виде семантической карты. Узлы предлагаемой карты соответствуют фреймам, которые оказались релевантными хотя бы для одного из исследованных нами языков. Конфигурация узлов призвана отображать расположение фреймов в «концептуальном пространстве» (по терминологии, использованной в [Haspelmath 2003]): два узла соединены линией, если соответствующие им фреймы кодируются одним средством хотя бы в одном из языков. Отметим, что имя каждого фрейма обозначает не конкретную ситуацию, а некоторый топологический и/или функциональный класс ситуаций: «фонарь» — подвешенный предмет; «занавеска» — закрепленная сверху вертикальная поверхность (в том числе белье на веревке, длинная юбка); «стебель» — стебель цветка, водоросли или длинные волосы; «брелок» — подвешенный предмет, колебание которого создает неудобство для человека; «качели» — подвешенный

¹¹ См. раздел 2.5.

предмет, предназначенный для колебания (в том числе маятник). Системы конкретных языков мы представляем, обозначая на карте сферы употребления всех лексем¹². Предлагаемая здесь конфигурация была получена на основании разобранных выше языков с учетом данных по русскому и польскому языкам.

Наш анализ показывает, что параметры, значимые для семантического поля колебания, могут быть двух видов: с одной стороны, это разнообразные физические и топологические характеристики траектора, с другой — степень соответствия ситуации в целом ожиданиям человека. Эта двойственность несколько осложняет поиски адекватного способа представления данных: так, метод семантических карт ограничивает возможность представления функционального признака. Тем не менее, нам удалось найти некоторые возможности для отражения функционального противопоставления на семантической карте. Например, разделение фреймов «качели» и «фонарь» основано именно на этом противопоставлении. Кроме того, шесть фреймов, расположенных в крайней правой части карты, подразумевают оценочный компонент, характеризующий ситуации как чем-либо неудобные для человека. Другими словами, характер связи между фреймами на карте тоже не всегда однороден: например, фреймы «качели» и «кресло-качалка» связаны на основании функционального признака, а фреймы «поезд» и «кресло-качалка» — на основании топологического сходства (в обоих случаях колеблется объект на опоре). Этим объясняется такое большое количество линий связи на предлагаемой нами карте. Относительная сложность предлагаемой конфигурации обусловлена многоуровневой организацией системы колебания: с одной стороны, лексическое значение каждого из рассмотренных глаголов представляет собой кластер признаков. Например, финский глагол *keinua* сочетает в себе признаки контролируемости колебания человеком и функциональной обусловленности колебания, а также направления колебания вперед-назад; ненецкая лексема *labna*^o объединяет мягкость и вертикальное расположение объекта и большую частоту колебания. С другой стороны, каждая колебательная ситуация тоже представима как набор отдельных признаков, а выбор глагола демонстрирует, какие из них наиболее важны для говорящего в момент речи. Даже несмотря на то, что значение наиболее частотных лексем имеет тенденцию расширяться, а четкие границы их сфер употребления сдвигаются, системность организации очевидна.

Системы всех трех уральских языков обнаруживают значительное сходство. Во-первых, все они могут быть названы доминантными: и в финском, и в коми-зырянском, и в ненецком языке выделяется глагол с наиболее общим (или наименее маркированным) значением, применимый в большинстве колебательных ситуаций. Во-вторых, их объединяет высокая значимость признаков одушевленности траектора и контролируемости ситуации человеком. Соответственно, выделяются три фрейма, которые не могут описываться одной и той же лексемой ни в одном из рассмотренных языков: контролируемые колебания одушевленного субъекта ('качаться на качелях, на стуле (намеренно)' — фин. *keinua*, ненец. *pijker-*, к.-з. *качатчыны*, заимствованное из русского для восполнения лакуны), неконтролируемые колебания одушевленного субъекта ('шататься (о пьяном)' — фин. *hoippua*, к.-з. *доёоны*, ненец. *saqje-*), и колебания природных объектов, артефактов, подвешенных или закрепленных снизу, — любых объектов, колеблющихся по естественным причинам. Если для первого фрейма во всех трех языках существует специализированная лексема, указывающая на контроль человека над ситуацией или на правильное функционирование приспособления, то последний описывается именно доминантным глаголом, область употребления которого хотя бы частично охватывает также колебание деформированных или плохо закрепленных объектов. При этом в коми-зырянском и ненецком языках имеются средства обособления некоторых типов колебания по причине нарушенной функциональности (ср. к.-з. *легъёоны*, *лайкъёоны* и ненец. *sadana-*, имеющие ограничения на тип объекта). Что касается предметов, назначение которых состоит в колебании (качели, колыбель), то они занимают промежуточное положение на шкале контролируемости: чаще всего они описываются особым «функциональным» глаголом, но также сочетаются с доминантным глаголом (в ситуации, когда функция этих объектов не акцентируется).

Устройство зоны колебаний, которые создают помехи или затруднения для человека (правая часть на семантической карте), представляет особый интерес. Важным нам кажется наблюдение, что даже генетически далекие языки выделяют внутри этой зоны близкие подклассы: русское *болтаться* почти полностью совпадает с ненецким *sadana*, выделяя специфический топологический тип траектора — часть объекта, которая, будучи плохо закреплена, движется относительно целого. Кроме того, коми-зырянский обособляет внутри зоны «деформации» колебание горизонтальных опорных поверхностей (в русском этот фрейм объединяется с фреймом «стул» по признаку вертикальности). Более подробное изучение этой зоны в типологическом ключе интересно еще и потому, что оно могло бы приблизить нас к пониманию закономерностей возникновения переносных значений: по всей видимости, именно компонент негативной оценки делает ее крайне продуктивным источником для метафор.

¹² Семантические карты для финского, коми-зырянского и ненецкого языков находятся в *Приложении*. Для сравнения мы приводим также распределение глаголов в русском языке.

Еще одним крайне важным параметром является мягкость субъекта колебания. В русском глагол *качаться* объединяет горизонтальные и вертикальные поверхности, не попадающие в сферу употребления доминантного *качаться*. С другой стороны, глагол *развеваться* дополнительно выделяет колебания мягких вертикальных поверхностей с большой амплитудой. Похожим образом эта зона устроена в немецком языке: глагол *prügeln* охватывает все мягкие поверхности и объекты, а глагол *lärmen* соответствует группе вертикальных поверхностей, причем указывает на очень большую амплитуду колебания, а, по свидетельствам некоторых информантов, еще и на характерный звук, производимый тканью при сильном ветре. В финском за вертикальные мягкие поверхности отвечают глаголы *liehua* и *hulmuta*, хотя доминантный глагол *heilua* распространяется и на эти фреймы.

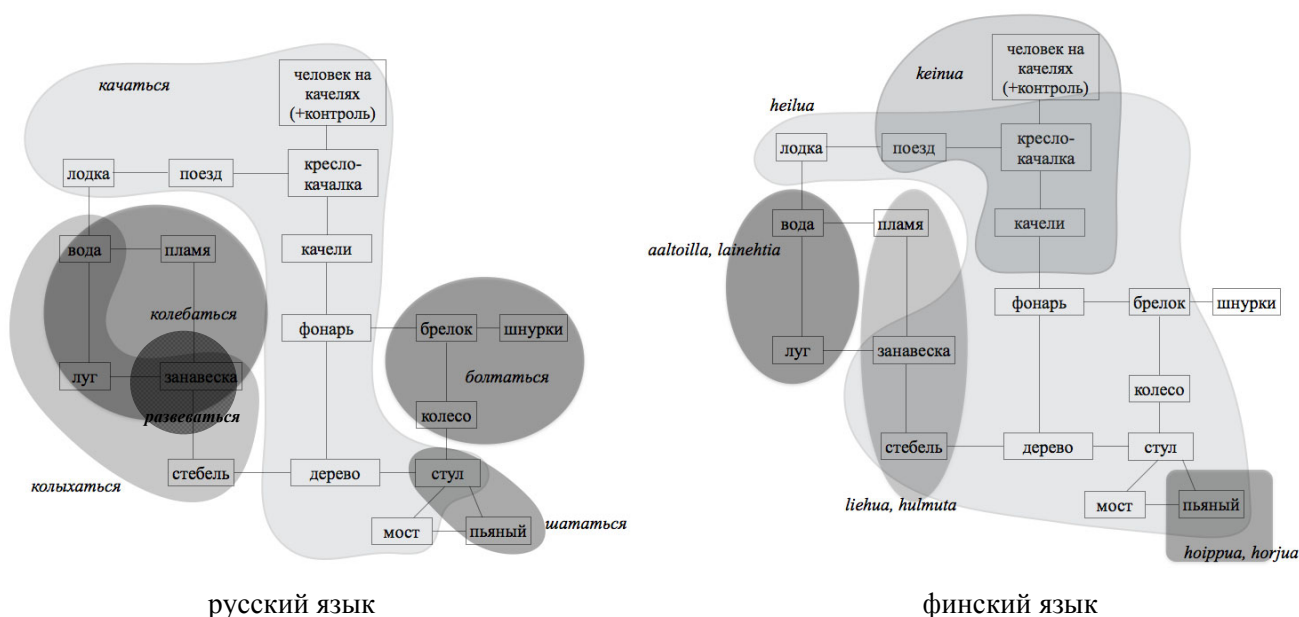
В коми-зырянском и финском также обособляются горизонтальные мягкие поверхности. Видимо, это связано еще и с тем, что доминантный глагол в этих языках тяготеет к траектору, расположенному в вертикальной плоскости; правда, финский *heilua* встречается в сочетании с колебаниями моста, однако нам представляется, что подобные контексты он вбирает в свою область по признаку несоответствия норме, который широко представлен в других его употреблениях.

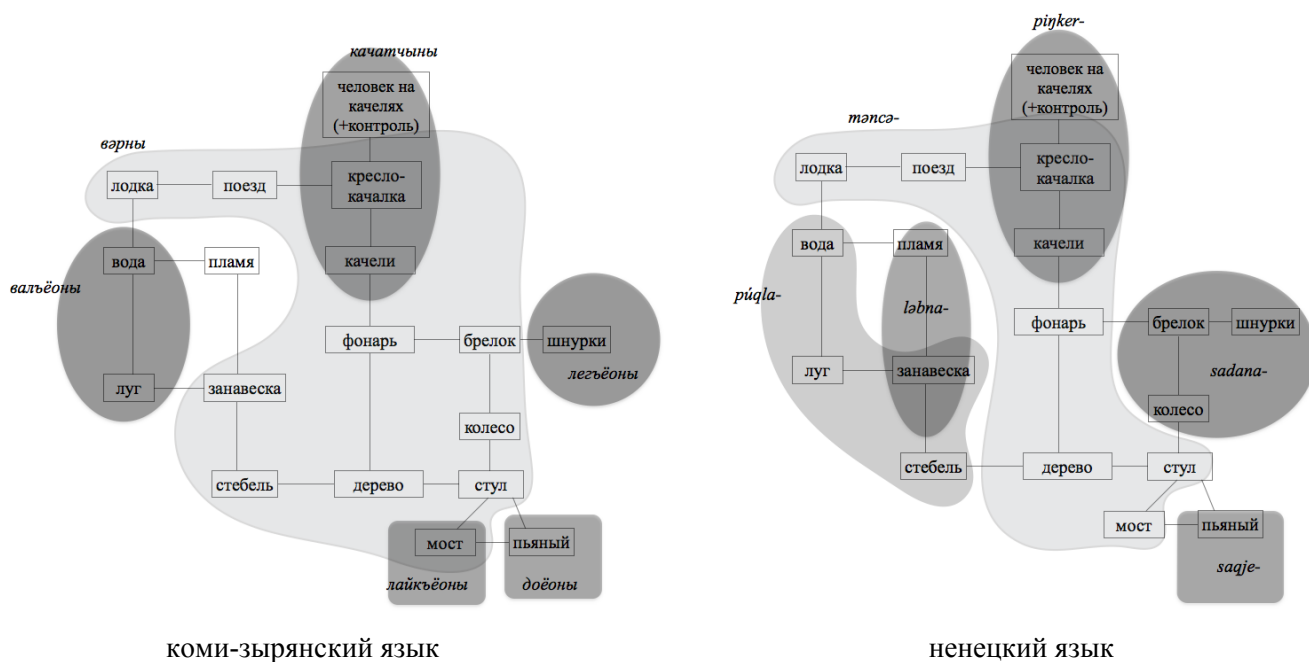
Результаты данной работы позволили выделить ряд релевантных для семантического поля колебания параметров, которые могут претендовать на место в универсальном лексическом наборе. При этом конкретные языки обнаруживают собственные параметры и противопоставления, обогащающие общую картину. Семантическая карта, предлагаемая по итогам исследования, позволяет отразить совмещение значений во всех исследованных языках, и, как мы надеемся, будет иметь предсказательную силу для языков других семей и групп. Карта составлена на базе специально разработанной анкеты, которая может быть применена к языкам разных типов.

Наше исследование показало, что данное семантическое поле существенно отличается от других прицельно исследованных групп глаголов движения, причем не только поступательного (как, например, перемещение в воде), но и непоступательного движения (вращение). Главной особенностью группы является двойственная природа релевантных для нее признаков: так, кроме физических характеристик колебательного движения и траектора, важным параметром оказывается оценка всей ситуации как желательной или нежелательной для человека. Пропорция, в которой представлены эти два типа признаков, и комбинация их друг с другом, как представляется, и обеспечивает основные различия между системами конкретных языков.

Предварительный анализ метафорических переносов, образуемых глаголами колебательного движения, тоже позволил выявить некоторые закономерности и повторяющиеся типы семантических переходов. Примечательно, что источниками для метафор могут являться как физические, так и оценочные характеристики колебательной ситуации. Построение типологии переходных значений — одна из тех задач, которые мы ставим перед собой в дальнейшем исследовании данного семантического поля.

Приложение. Лексико-семантические карты





коми-зырянский язык

ненецкий язык

Сокращения

Языки и диалекты

к.-з. — коми-зырянский

ненец. — ненецкий

фин. — финский

Глоссы

ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 ADE — адессив
 ADJ — адъективизатор
 ADV — адвербиализатор
 ALL — аллатив
 CAUS — каузатив
 CN — коннегатив
 COND — кондиционалис
 COP — глагол-связка
 CVB — конверб
 DECAUS — декаузатив
 DIM — диминутив
 ELA — элатив
 ESS — эссив
 FREQ — фреквентатив

FUT — будущее время
 GEN — генитив
 GFS — общая финитная основа
 ILL — иллатив
 IMPERS — имперсонал
 INDEF — неопределенность
 INE — инессив
 INF — инфинитив
 INS — инструктив
 INSTR — инструменталис
 INTRG — вопросительная частица
 IPFV — имперфектив
 LOC — локатив
 NEG — отрицательный глагол
 NMN — номинализация
 NPST — непрошедшее время

OBJ — объектное спряжение
 OBL — косвенная основа
 PART — партитив
 PL — множественное число
 PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 PST2 — второе прошедшее время
 PT — частица
 PTCP.ACT — действительное причастие
 PTCP.PASS — страдательное причастие
 REFL — рефлексив
 SFS — специальная финитная основа
 SG — единственное число
 SUB — субъектное спряжение
 SUP — супин
 TRANSL — транслатив

Общие

букв. — буквально

Литература

Велейшикова 2010 — Велейшикова Т. В. Глаголы колебания: семантика и типология (на материале германских и славянских языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010, 7 (97). С. 55—60. {Velejšnikova T. V. Glagoly kolebanija: semantika i tipologija (na materiale germanskih i slav'anskih jazykov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2010, 7 (97). P. 55—60.}

Круглякова 2010 — *Круглякова В. А.* Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. {*Krugl'akova V. A. Semantika glagolov vrashchenija v tipologicheskoj perspektive. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2010.*}

Майсак, Рахилина 2007 — Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* М., 2007. {*Glagoly dvizhenija v vode: leksicheskaja tipologija / Ed. Majsak T. A., Rahilina E. V. M., 2007.*}

Рахилина 2001 — *Рахилина Е. В.* О природе бесконечного движения: качаться // *Prace filologiczne. 2001, XLVI. С. 493—502.* {*Rahilina E. V. O prirode beskonechnogo dvizhenija: kachat's'a // Prace filologiczne. 2001, XLVI. P. 493—502.*}

Рахилина, Прокофьева 2004 — *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // *Вопросы языкознания. 2004, 1. С. 60—78.* {*Rahilina E. V., Prokof'eva I. A. Rodstvennye jazyki kak ob'ekt leksicheskoi tipologii: russkie i pol'skie glagoly vrashchenija // Voprosy jazykoznanija. 2004, 1. P. 60—78.*}

Рахилина, Прокофьева 2005 — *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // *Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ред. Топоров В. Н.* М., 2005. С. 304—314. {*Rahilina E. V., Prokof'eva I. A. Russkie i pol'skie glagoly kolebatel'nogo dvizhenija: semantika i tipologija // Jazyk. Lichnost'. Tekst: Sb. st. k 70-letiju T. M. Nikolaevoj / Ed. Toporov V. N. M., 2005. P. 304—314.*}

СМГ 2010 — *Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / Сост. Кузнецова А. И., Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Усачёва М. Н.* Екатеринбург, 2010. {*Slovar' muzhevskogo govora izhemskego dialekta komi-zyr'anskogo jazyka / Sost. Kuznetsova A. I., Bir'uk O. L., Kashkin E. V., Usachova M. N. Ekaterinburg, 2010.*}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M. Nenetsko-russkij slovar'. M., 1965.*}

Bartlett 1932 — *Bartlett F. C.* Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. London, 1932.

Haspelmath 2003 — *Haspelmath M.* The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // *The new psychology of language. Vol. 2. / Ed. Tomasello M.* Mahwah, NJ, 2003. P. 211—242.

Minsky 1975 — *Minsky M. A.* Framework for Representing Knowledge // *The Psychology of Computer Vision / Ed. Winston P. H.* N. Y., 1975. P. 211—277.

SSA I — Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja: A—K / Päätoimittaja *Itkonen E.* Helsinki, 1992.

SSA II — Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja: L—P / Päätoimittaja *Kulonen U.-M.* Helsinki, 1995.

РЕЗЮМЕ

В данной работе анализируется структура семантического поля колебания в трех уральских языках. Ключевым параметром для всех трех систем оказывается соответствие / несоответствие описываемой ситуации ожиданиям и потребностям человека: лексически обособляется контролируемое человеком колебание, а также отдельные ситуации, напротив, создающие затруднения. Кроме того, релевантны различные физические характеристики траектора.

SUMMARY

This paper analyses the structure of the semantic field of oscillation in three Uralic languages. The crucial parameter for all three systems is whether the situation meets human needs and expectations: an oscillation controlled by human is lexicalized, as well as several situations that, on the contrary, cause inconvenience. In addition, various physical properties of the Trajector are relevant.

Ключевые слова: лексическая типология, глаголы колебания, семантическое поле, фрейм, семантические карты, финский язык, коми-зырянский язык, ненецкий язык

Keywords: lexical typology, oscillation verbs, semantic field, frame, semantic maps, Finnish, Komi-Zyrian, Nenets

О соотношении пратюркского *qut* и иранского *žan* в современных тюркских языках

Кот килгән өйзән йот китә
Дом, куда пришла жизненная сила, не знает бедствий.

Бер йән үлмәй, бер йән тыумай
Пока одна душа не умрет, другая не родится.

(Башкирские пословицы)

Понятия ‘дух’, ‘жизненная сила’, ‘энергия жизни’, ‘рождающее начало’ были свойственны многим древним культурам и цивилизациям. По мнению ученых, в древние времена люди не отделяли свою духовную жизнь от повседневного существования. Они верили, что присутствие бога можно ощутить, используя свою собственную жизненную силу. Одни экспериментировали с разными техниками, которые помогали им связывать физическое тело с духовной сущностью, с душой, откуда и ведут свое начало такие дошедшие до нас древнейшие учения, как йога, цигун, тайцзи-цюань, а также различные виды медитаций. Другие прибегали к разнообразным ритуальным действиям, камланиям и религиозным обрядам, чтобы сохранить или вернуть утраченную жизненную силу. В китайском философском учении представлена концепция энергии жизненной силы, которая в этой традиции получила название *Ци*. В индийской традиции есть понятие *Прана*, которое соединяет в себе энергию и дух, они неотделимо переплетены. Древние греки также знали о существовании некоей энергии, объединяющей душу и тело: древнегреческий термин *Пневма* — это и дыхание, и дух.

Обратившись к различным этнографическим, историческим и культурологическим исследованиям народов, населяющих обширную территорию Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Приуралья, и сопоставив эти данные с лингвистическими фактами, нам удалось установить, что народы, условно носители пратюркского или праалтайского языков, широко использовали такое понятие, как *qut* в значениях ‘дух’, ‘жизненная сила’, ‘энергия жизни’, ‘рождающее начало’ как одно из важнейших составляющих своего мировосприятия.

Содержательная и функциональная особенность этого понятия наиболее полно исследованы в сибирской этнографии, у саяно-алтайской ветви тюрков. Н. А. Алексеев пишет, что «тюркоязычные народы понимали *кут* как жизненную силу». Первоначально, вероятно, *кут* осознавался как неделимая часть человека. Впоследствии в ходе формирования анимистических представлений в результате возникновения веры в существование нескольких видов злых духов, обитающих во всех трех мирах, возникла идея о «похищении ими *кут* человека» [Алексеев 1980: 126—137]. Исследователи, обобщив сведения о слове *qut* по народам Южной Сибири (алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, якуты), сформулировали основное его значение как «⟨...⟩ некое оплодотворяющее начало, потенция жизни, ее зародыш» [ТМТЮС: 226—234].

Сохранение архаичного пласта в семантике слова *qut* отмечено в ряде языков кочевых в прошлом народов Центральной Азии — казахском, каракалпакском, киргизском. Выражение *qutyum qač/šty* в этих языках означает ‘мне не везет’; *quty ketti* — ‘счастье ушло’. Ниже будет подробно рассказано о древнем языческом обряде, связанным с *qut*, в результате которого отливаются амулет из олова или свинца. Если свинцовая или оловянная отливка *qut* напоминало контуры человеческого тела, киргизы считали, что у его обладателя будет много детей; если же оно было похоже на животное — узбеки, турки и гагаузы полагали, что будет много скота. В других тюркских языках древнее значение слова *qut* проявляется не столь отчетливо и передается преимущественно понятиями ‘счастье’, ‘благодать’, ‘судьба’.

Пратюркское **Kut* имеет сопоставления в языках других близкородственных групп: монг. *qutug* ‘счастье, святость’, тунг. *kutu* ‘счастье’, кор. *kut* ‘колдовство, магия’¹, маньчж. *xutu* ‘душа умершего, дух’, др.-иран. **kauta* — поэтому его этимология вполне может быть связана с общеалтайским происхождением [Баскаков 1973: 109]. Позднее от гипотезы об иранском происхождении данного слова отказались (см. [ЭСТЯ 2000: 176]). Подобные сопоставления обнаруживаем и в [EDAL]: Палт **küt`á* ‘судьба, сча-

¹ Ошибочное сопоставление: кор. *kwut* ‘экзорцизм, камлание’ морфонологически *kwus* и восходит к ср.-кор. *kwus* (см. [KED: 221]).

стье', ПТю **Kut* 'счастье, хорошая судьба', ПМонг **kutug* 'счастье, святость, величие', ПТМ **kutu-ri* 'счастье, удача', ПЯп **kàntuá* 'способность, талант' [EDAL: 974].

Существует несколько версий относительно этимологии этого слова. Г. Рамстедт и Г. Дёрфер допускают тюркское происхождение монгольского *qutug* 'счастье, святость'. Р. Ахметьянов, опираясь на такие данные, как алтайское *qo:t* 'утешение, отрада', древнетюркское *qavut* 'счастье, благодать, величие, достоинство', а также татарское диалектное *kürt* и *kürtla-* 'поздравлять, приносить в дар', восстанавливает форму **kagurt*. Э. В. Севортыян считает, что эта реконструкция не правомерна, т. к. в алтайском языке сосуществуют формы *qut* и *qo:t*²; в туркменском и якутском языках *qut* не имеет долгого гласного; в татарском форма *kürt* не обязательно архаична: *r* может быть результатом влияния омофона или «вставочным» звуком [ЭСТЯ 2000: 176]. На наш взгляд, *qut* является исконно тюркским словом: оно широко распространено в памятниках древнетюркской письменности (см. ниже), его рефлексy обнаруживаем практически во всех современных языках, и, кроме того, эта основа достаточно продуктивна, что служит дополнительным доводом в пользу ее собственно тюркского происхождения.

В своем древнем, изначальном значении слово *qut*, а также производные от него многократно встречаются в памятниках древнетюркской письменности:

1) 'душа; жизненная сила, дух': *mən seŋä bašumnı qutumnı berä mən* 'я отдаю тебе свою голову, свою душу' [ДТС 1969: 471];

2) календ. 'элемент': *graŋı saničar ol qutı suv* 'его планета Сатурн; его элемент — вода' [ДТС 1969: 471].

Производные:

а) Adj *qutluŋ* 'обладающий жизненной силой, дающий жизненную силу': *ügrinjä qutluŋ adyır mən* 'я, дающий жизненную силу (~ сильный) жеребец-производитель для своего табуна' [ДТС 1969: 473];

б) Adj *qutluŋ* календ. 'имеющий какой-л. элемент, соотносимый с элементом': *ekinti baytaŋı ti topraŋ qutluŋ tojuz küin ol* 'это день свиньи, принадлежащий элементу «земля» и *ti* во второй связке' [ДТС 1969: 473];

в) композит *qut vaŋšik* парн. рел. 'дух, мифическое существо': *qamaŋ qutlar vaŋšiklar turŋaru ijä basa küjü küzätü tururlar* 'все духи будут повсюду следовать [за ними] и постоянно оберегать [их]' [ДТС 1969: 471].

Достаточно широко распространены в древних памятниках и другие, более поздние значения понятия *qut*:

1) 'счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел': *qorqma temiš qut bergäj mən temiš* 'он сказал: «Не бойся! Я ниспошлю (букв. дам) [тебе] благодать»'; *tebrätük saju qut kelir* 'во всем, что он делает, ему сопутствует (букв. приходит) успех' [ДТС 1969: 471];

2) 'достоинство, величие': *qayan qutı tap[lama]dı erinč* 'его достоинство кагана [они] не почтили'; *tegin inča tep ötünti qanım qutı meni sevär-mü siz* 'принц так сказал: «Мой отец, [ваше] величество, любите ли вы меня?»' [ДТС 1969: 471];

3) рел. 'состояние истинного бытия, блаженства': *ol nomuy ešitiŋ alqu nizvanilarıŋ tarqarıp arŋant qutiŋa teŋdi* 'услышав то учение, он, подавив все свои страсти, достиг блаженства (~ состояния) святого' [ДТС 1969: 471].

Производные:

а) Adj *qutluŋ* 'счастливый, испытывающий счастье, приносящий счастье, успех, удачу, благодатный': *qışqa eŋin kelsä qalı qutluŋ jaj* 'готовься к зиме, коль приходит счастливая [пора] лета'; *jeŋä jegädmiš qutluŋ jılqa* 'и в победоносный благодатный год' [ДТС 1969: 473];

б) N *qutluŋ* 'счастливый, счастливец': *qutluŋqa qoša jaŋar* 'счастливому выпадает двойная [доля]' [ДТС 1969: 473];

в) V *qutad-* 'становиться счастливым, выпадать на долю, улыбаться (о счастье)': *etmiš jaratmiš jaŋı ev barq ijäsiniŋ qutadur* 'хозяину построенного нового дома улыбается счастье' [ДТС 1969: 472];

г) Adj *qutluŋ* 'благословенный, благородный, святой': *ol qutluŋ orunlarıŋ kezsär teŋz[insär] ögsär jükünsär* 'если [он] обойдет те святые места, воздаст хвалу и поклонится [им]'; *qutluŋ čiyajın er[mäk] čaŋšaputıŋ bütürti* 'они исполняли заповедь быть благословенными и бедными'; *dian saŋinčqa qatıylantačı qutluŋlarqa ada qiltimiz ersär* 'если мы причиняли вред благородным, преуспевающим в созерцании' [ДТС 1969: 473];

д) V *qutadmaq* рел. 'достижение блаженства, истинного бытия': *kim qaju tinliŋ bu quanši im pucar erdämin bögülänmäkin qutadmaqın ešidsär* 'если какое-либо живое существо услышит о доблести ботисатвы Куанши-им, его прозрении и достижении [им] блаженства' [ДТС 1969: 472];

² Алт. диалектное слово восходит к другой основе: оно является отглагольным производным от ОТю **kib-a-n-* 'быть счастливым, радоваться, предаваться удовольствиям' [ЭСТЯ 2000: 99—100] (ойрот. *kubat* 'радость', *kubattu* 'веселый, радостный, красивый, изящный' (в частности, 'красивый (о местности)'); алт. *koot* 'наслаждение, отрада' (в [Вербицкий 1884: 145] с пометой телеут., н.-б.); телеут. *qubat* 'радость, веселье, изящество, красота' [Вербицкий 1884: 149]; кбалк. *quwat* 'обаяние, привлекательность, уют' (см. [Дыбо 2007: 159]).

е) композит *qut ülüg* парн. ‘счастье, счастливый удел, удача’: *tegin qutı ülügi üçün adasız tudasız qaç kün içintä erd[änilig] otruqqa teğdilär* ‘так как принцу [сопутствовала] удача, они за несколько дней благополучно достигли острова драгоценностей’ [ДТС 1969: 472];

ж) композит *qut bujan* парн. ‘счастье, благополучие, благодать’: *üsküñdä täñridäm qut bujan utmaq jегädmäk kентiün ornantı* ‘божественная благодать [и] победа разместились сами собой перед тобой’ [ДТС 1969: 471].

В тех или иных значениях слово *qut* распространено практически во всех группах современных тюркских языков: алт. *qut* ‘зародыш, эмбрион’; башк. *qot*, алт., кирг., ккалп., тел., тув., ног., якут. *qut*, тат. *qut/qüt*, хак. *xut*, чув. *xät/kät* ‘дух, душа’; башк. *qot* ‘символ счастья и благополучия (на свадьбе — тусок со сметаной или маслом, куски красной материи и ленты, прикрепляемые к дуге и т. п.)’, ‘уют’; башк. *qot*, каз., кар. (крым.), ккалп., ног., осм., тел., тур., др.-уйг., чаг., узб., кирг. *qut*, кар. (грак., гал.) *kut*, тат. *qut/qüt*, чув. *xät/kät* ‘счастье’; кирг. *qut* ‘удача, успех’, ‘страх’; миф. ‘оберег’; алт., кирг., ккалп., кар. (крым.), ног., тув., якут. *qut*, хак. *xut* ‘жизненная сила’; ккалп. *qut* ‘амулет’, ‘украшение’; тат. *qut/qüt* ‘благодать, благополучие’, ‘страх’; тур. *qut* ‘доброе предзнаменование’; узб. *qut*, тат. *qut/qüt* ‘обилие, изобилие’, ‘уют, удобство’; чув. *xät/kät* ‘аккуратность, чистота, красота’, ‘польза, выгода’.

Далее приведем более подробный анализ употреблений этого слова в современных тюркских языках. Так, в казахском языке основными значениями слова *qut* являются ‘счастье’, ‘богатство, изобилие’, ‘обилие’, ‘благоденствие’, ‘доля’. Слово используется во многих пословицах и поговорках: *құт төрден кірсе, жұт есіктен шағады* ‘где богатство, там нет места нищете’ (досл. ‘если благо появляется с почетного места, то джут уходит через дверь’) [КазРСл.: 554].

Основной семантический пласт понятия *qut* у казахов, как и у тюрков Южной Сибири, связан с понятиями ‘жизненная сила’, ‘душа’, ‘дух’, ‘зародыш’. Причем так же, как и в южносибирской традиции, выделяются две линии: первая связана с человеком, вторая — с животным миром. Ч. Ч. Валиханов писал: «(...) если животное имеет какую-нибудь особенность, то его называют *дулие* и почитают выражением счастья; лошади с гнездами на гривах и хвостах, которые делают, по понятиям казахов, злые духи — шайтаны, почитаются также за предмет счастья (*qut*), таких животных никому не отдают: ‘счастье уйдет’ — *qut kemedi*, если отдают — только берут так называемый слекей — слюну. Например, у лошадей вырывают клочок гривы, ослюнивают в слюне животного и кладут в калту, т. е. в карман» [Валиханов 1961: 114]. Н. Ж. Шаханова считает, что в основе этого обряда у казахов лежало представление о *qut* как о некоей жизненной силе, обеспечивающей размножение, плодовитость, плодородие, носителем которой считалось определенное животное в стаде. «Поэтому его сбтарались не отдавать на сторону, не включали в число калымного скота и т. д.; считалось, что с его уходом благополучие, плодородие, изобилие могут покинуть стадо. Не случайно поэтому водой, в которую окунали *qut* — амулет у киргизов, окропляли скот — видимо, ей приписывалась оплодотворяющая, рождающая сила, обеспечивающая жизненность животных» [Шаханова 2003: 25]. У башкир при продаже скота животное выводили из сарая задом, с тем, чтобы *кот* не ушел вместе с ним. А перед тем, как животное покинет свое место, хозяин отрезал у него кусок гривы или шерсти (*кот*), зашивал в мешочек и подвешивал в сарае, при этом трижды приговаривая: «*Котоң калһың, үзең кит*» ‘Кут пусть останется, а сам уходи’ [БХИ: 256]. Реми-нисценции этого представления сохранились и в некоторых современных языках. Так, у казахов существует выражение *құтпан айғыр* (*айғыр* ‘жеребец-производитель’), означающее *құтты байлық, басы*, т. е. ‘жеребец — носитель *құт*, обеспечивающий богатство’ [ТСКЯ: 532—533].

В одном ряду со значениями ‘рождающее, побудительное, плодоносящее начало’, ‘душа’ выделяется и такое значение понятие *qut*, как ‘жизненная сила’. Предположение о связи понятия *құт* у казахов со значением ‘жизненная сила’, ‘плодородная сила’, ‘потенция жизни’ находит подтверждение в материалах по традиционной погребально-поминальной обрядности казахов. При выносе покойника из юрты, по свидетельству Ч. Ч. Валиханова, произносили: «‘От бога целым телом далек’ и обводили вокруг его туловища домашнюю утварь, съестное» [Валиханов 1961: 113]. Р. Карутц, посетивший западных казахов в начале XX века, писал: «(...) родственники кладут в сумку хлеб и мясо, обводят его над головой покойника и затем съедают содержимое» [Карутц 1919: 118].

Представление о необходимости обнесения вокруг покойника каких-либо пищевых продуктов и последующего съедания их было распространено у ряда тюркоязычных народов Сибири (например, хакасов, тувинцев). «Как известно, в сибирском и центральноазиатском шаманстве часто применялось круговое движение при лечении больного. Смысл его заключался в стремлении перенести на какой-либо предмет болезнь, вселившуюся в человека. В данном случае круговые, обводящие движения каким-либо видом пищи вокруг головы или туловища умершего совершались, очевидно, с целью перенести с покойника на пищу какие-то положительные свойства. В пользу этого предположения говорит то, что пища не выбрасывалась, а съедалась членами семьи умершего, в том числе и детьми» [Шаханова 2003: 26].

Этот обычай аналогичен обряду совершения круговых движений каким-либо видом пищи вокруг головы невесты перед ее отъездом в аул жениха и, видимо, имеет те же самые исходные посылки о перенесении с уходящего из семьи, аула и т. д. человека на пищу какого-то положительного начала, «удержания» его. В одном из дореволюционных источников описывается данный обряд у семипалатинских казахов: «В день отъезда невесты в аул жениха <...> кто-нибудь из членов семьи берет кусок мяса или другую пищу, завернутую в лоскут, и обводит два-три раза над головой невесты, чтобы домашнее счастье не ушло вместе с нею» [ОКС: 43]. Скорее всего, понятие «домашнее счастье» более позднего происхождения, а его основу составляли более архаичные значения ‘жизненная сила’ и ‘потенция жизни’.

В пользу этой версии говорят и данные башкирского языка. У башкир в старину был распространен обычай под названием *кот сабыу* или *кот алып касыу*, буквально означающий ‘гнаться за счастьем’ или ‘догонять счастье’. Во время проводов невесты родственники жениха увозят горшок сметаны или меда, а родственники невесты их догоняют на запряженных лошадях. Если родственников жениха не догонят, они разбивают горшок о свою телегу, при этом считается, что их дом будет процветать. Если же родственники невесты отнимут горшок, то счастье якобы остается в доме невесты. В этом случае также можно предположить, что значение ‘счастье’ вторично, а в основе его лежит более древнее значение ‘жизненная сила’, которое в современном языке практически утрачено, хотя оно обнаруживается, например, в паремиях (примеры приводятся ниже).

Как и предыдущие, данный обряд «перенесения домашнего счастья» с невесты на какой-либо вид пищи также имеет аналогии у ряда тюрко- и монголоязычных народов. Так, у халха-монголов, когда девушку увозят к жениху, «<...> родители невесты, чтобы она не унесла из дома ‘счастье’, выходят вслед с ведром молока и делают по направлению к себе ‘манящие жесты’ — это называется ‘даллага’, обряд призывания счастья» [Вяткина 1960: 211].

В башкирском языке *кот* наряду с современными значениями ‘уют, благоустроенность’, ‘счастье, удача’, имеет еще устаревшее ‘талисман’ и диалектное ‘оберег (в виде кусочка расплавленного свинца или цитаты из Корана, зашитых в тряпку)’. Выражение *кот тагыу* означает, соответственно, ‘носить оберег’. У башкир на свадьбе тусок со сметаной или маслом, куски красной материи и ленты, прикрепляемые к лошадиной дуге, тоже назывались *кот* и считались символом счастья и благополучия.

Если же обратиться к линии *qut* применительно к человеку, к уже известным значениям ‘богатство’, ‘благополучие’, ‘изобилие’ добавляется новый ряд значений. Так, в казахском существует выражение *бауыры кұтсыз* (досл. ‘человек’ с печенью, не имеющей *кұт*), означающее ‘бесплодный/ая, нерожавшая, не увидевший/ая собственного потомства’ [ТСКЯ: 532—533]. В данном случае очевидна связь понятия *кұт* с рождающим началом. Связь *кұт* с рождающим, плодоносящим, плодородным началом отражена в казахской поговорке *Кұтты қонақ келсе, қой егіз табады; құтсыз қонақ келсе, қойға қасқыр шабады* ‘Если в гости приходит человек, имеющий *кұт*, овца ягнится двойней; если же гость — человек без *кұт*, на овцу нападает волк’ [ТСКЯ: 532—533]. В точно таком же значении находим употребление этого слова и у башкир: считается, что если пригласить в дом человека, имеющего *кот* — *котло аяклы кеше*, то в доме всегда будут изобилие и благополучие: *Котло кунак төнәһә — куйың игез табыр, котһоз кунак төнәһә — куйыңды буре алып* ‘Если дом посетят гости, имеющие кут, то овцы наедятся пшеницей, а если гости, не обладающие кут, то овца утащит волк’.

У башкир в старину был распространен обычай под названием *өй котлау* или *өйгә кот керетеу*: после завершения строительства в новый дом приходили друзья, соседи и родственники хозяев, каждый из которых, переступая порог, произносил: «*Өйөң котло булһын!*» — после чего под фундаментом дома закапывали сосуд с кислым молоком. При этом говорили: «*Өйөгөз котло булһын, бәхетегез ак булһын!*» ‘Пусть в доме будет благополучие, пусть счастье будет светлым!’ [БХИ: 264]. Считалось, что у каждого дома должен быть свой кут, который мог в определенных случаях даже покинуть дом, что приводило к несчастьям. «*Катын ауырыһа, өйзән кото китә*» ‘Если заболела женщина (хозяйка дома), то кут покидает дом’, — говорили башкиры в старину. Кут не поселялся в доме, где не было детей: *Балһыз гөлгә корт кунмаҫ, балаһыз өйгә кот кунмаҫ* ‘На бесплодный цветок не сядет пчела, а в бездетном доме не поселится кут’.

Другие значения термина *qut* в этом семантическом ряду — ‘дух’ и ‘душа’. Они сохранились, например, в казахском языке в таких выражениях, как *кұтым ұшты* (досл. ‘мой кут улетел’), *кұтым қашты* (досл. ‘мой кут убежал’), означающих ‘я сильно испугался’. Подобные выражения приводил Л. З. Будагов для алтайского языка: «*кут* <...> в алт. ‘душа, присутствие духа’: *куты шыкты*, т. е. ‘растерялся от страха’, *кут учмак, чымак*, т. е. ‘оробеть, остолбенеть’, *кутыны алмак* ‘испугать’» [Будагов 1869: 69]. В башкирском языке с этим значением связаны широко распространенные в современном языке, особенно в разговорной речи, выражения *кот алыңу* (или *калмау*) ‘сильно испугаться’, *кото бот буйына китте* ‘он сильно испугался’, ‘душа в пятки ушла’ (ср. алт. (ойрот.) *кижи қорқуп құды чықты*

‘человек так испугался, что у него «душа в пятки ушла»’). Существует также выражение *kom osoy* ‘сильно испугаться’, ‘заболеть от сильного испуга’. В словарях зафиксировано также устаревшее выражение *kom kuııyu* (букв. ‘возвращать душу на место’), означающее определенный знахарский способ лечения от испуга. По древнему обычаю, над головой больного держат сосуд с водой и льют в воду расплавленный свинец. Затем по отлившейся фигурке отгадывают существо, которое, якобы, испугало больного (в дальнейшем фигурка-оберег носится на груди или на шее). Существует также выражение *kom təşəu*, что означает изображение на куске свинца того существа, испугавшись которого, человек заболел. Согласно поверью, если изобразить это существо, то болезнь отступит [Башкорт, I: 685]. Подробный материал этнографического характера, связанный с понятием *kom* у башкир, находим в «Мифологическом словаре башкирского языка» [Хисамитдинова 2010: 192—194].

Очень похожий обряд излечения от испуга или сглаза под названием *kurşun dökmə* ‘литье свинца’ нам удалось наблюдать в нескольких турецких деревнях и в настоящее время. Больного усаживают на стул, накрывают большим полотенцем или куском ткани, над его головой держат сосуд с водой, в который *kurşuncu* ‘знахарь’ выливает расплавленный свинец. При этом фигурку-оберег, получившуюся из застывшего кусочка свинца, следует в течение трех ночей класть под подушку, после чего выбросить в проточную воду. Считается, что вода уносит с собой болезнь или плохую энергию. По цвету посуды, в который она окрашивается после расплавления в ней свинца, определяют, от чего заболел человек: если стенки сосуда желтеют — то от испуга, а если чернеют — от сглаза. Примечательным является и тот факт, что при приготовлении расплавленного свинца *kurşuncu* приговаривает молитвы из Корана: так причудливым образом в народе переплелись языческие обряды и мусульманская религия.

Последующее влияние ислама, а через него и арабского и персидского языков, находим и в других словоупотреблениях. Так, наряду со словом *qut* во многих тюркских языках используется слово иранского происхождения *žan*³ (*jan*, *жан*, *йән*) в значениях ‘душа, дух; жизнь’. Употребление этой лексемы в памятниках древне- и среднетюркской письменности (начиная с караханидского периода) позволяет утверждать, что она относится к числу довольно ранних заимствований. Так, например, в поэме Ахмеда Югнекского «Подарок истин» (памятник XI—XII вв.) находим: *oquyli kişiniñ sevünsün žanı* ‘пусть возрадуется душа человека, читающего [эту поэму]’. В нананганском списке «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагунского (памятник того же периода) можем прочесть: *quruq qaldı kalbüd uçup bardı žan / bajat bildi qanča barır ərşä žan* ‘когда душа улетает, тело остается пустым / [один] бог ведает, куда уходит душа’ [ДТС 1969: 640]. В этом значении данное слово обнаруживается в языках северо-западной, юго-восточной и юго-западной групп современных тюркских языков, традиционно считающихся подвергшимися арабско-персидскому влиянию.

Анализу концепта *жан* в татарской языковой картине мира достаточно много внимания уделено в работе Р. Р. Замалетдинова. Автор совершенно справедливо утверждает, что «концепт *жан* (душа) в татарском языке обозначает нематериальное начало, основу телесной жизненности. Согласно наивной языковой картине мира, душа вечна и неуничтожима. Именно наличие души отличает живое тело от мертвого» [Замалетдинов 2004: 26]. В работе отстаивается точка зрения, согласно которой человек в татарской лингвокультуре в меньшей степени, чем в европейской, дуалистичен, расщеплен на отдельные составляющие, что характерно для восточной культуры в целом: «устойчивого противопоставления души и тела, души и плоти не обнаруживается, напротив, существует сочетание *жаным-тәнем билән ярату* (букв. ‘любить душой и телом’) [Замалетдинов 2004: 26]. Душа и тело человека должны дополнять друг друга, стремиться быть в гармонии, чему автор приводит многочисленные примеры из художественной литературы.

Однако анализ многочисленных словосочетаний с компонентом *žan* (*jan*, *йән*, *жан*, *жән*), как именных, так и глагольных, в языках вышеназванных групп позволяет нам утверждать, что в современных тюркских языках отразилось представление человека о душе как об отдельном, живом, самостоятельном существующем субстрате, противопоставленном физическому телу: башк. *йән әйәһе* ‘живое существо’ (букв. ‘хозяин души’); башк. *йәне бар*, кирг., каз., ккалп. *жаны бар*, уйг. *жәни бар* ‘живой’ (букв. ‘имеющий душу’); кирг. *жан — ооруган жерде* ‘душа [находится] там, где боль (по старым поверьям, болит не тело, а душа)’; кирг. *аман болсун жандарың* фольк. ‘желаю вам здоровья и благополучия’ (букв. ‘да будут благополучны ваши души’); туркм. *жаным сув үстүнде* ‘у меня душа не на месте’ (букв. ‘у меня душа над водой’); каз. *жаны киналды* ‘он измучился’ (букв. ‘душа его измучилась’); ккалп. *жан алгыш*, тур. *can alıcı* ‘ангел смерти’ (букв. ‘забирающий душу’); тур. *canına basmak* ‘насту-

³ Дальше мы обозначаем это слово как *žan*, т. е. архетипической формой, фонетически наиболее близкой к источнику заимствования (выписывать праобщетюркскую реконструкцию для него не вполне корректно, ввиду принципиальной возможности неоднократного заимствования в уже разделенные языки).

пить на больное место' (букв. 'наступить на его душу'); тур. *can kulağı ile dinlemek* 'превратиться в слух' (букв. 'слушать ушами своей души'); тур. *canı oynamak* 'содрогаться от страха, ужаса' (букв. 'душа танцует'); тур. *canı yanmak* 'испытывать острую боль' (букв. 'душа его горит'); тур. *canı yerine gelmek* 'прийти в себя, опомниться от испуга или страха' (букв. 'душа его вернулась на место').

Большинство вышеуказанных языков образуют глагольные сочетания: *žan ber-* (тур. *can ber-*, башк. *йән бир-*) а) 'оживить' (букв. 'дать душу'), б) 'умереть' (букв. 'отдать [богу] душу'); *žan sat-* 'потерять совесть' (букв. 'продать душу'); *žan in-* (тур. *can gir-*) а) 'шевелиться (о плоде в утробе)' (букв. 'душа проникла'); б) 'ожить, воспрянуть духом'; *žanı al-* (тур. *canı al-*, башк. *йәни ал-*) а) 'убивать, уничтожать' (букв. 'забирать душу'), б) 'надоедать' (букв. 'вынимать душу'); *žanı ber-* (тур. *canı ber-*, башк. *йәни бир-*) а) 'умереть, погибнуть ради кого/чего-то' (букв. 'отдать душу'), б) 'вложить душу в кого/что-либо'; *žan tart-* (тур. *can tart-*, башк. *йән тарт-*) 'испытывать влечение, расположение к кому/чему-либо' (букв. 'душа тянется') и др., буквальный перевод которых подтверждает ранее выдвинутый тезис о том, что душа воспринимается как нечто живое, самостоятельно существующее от физического тела.

Практически во всех современных языках сохранилось глагольное сочетание *žan çiq-* 'испускать дух' (тур. *can çik-*, башк. *йән сык-*), которое употреблялось еще в памятниках древнетюркской письменности: *kimiñ eđgü atı bilä çiqsa žan / keşilmäs anıñ atı eđgü du'an* 'кто умирает, обладая добрым именем, / слава того сохранится (букв. не прервется) в добрых молитвах' (Наманганский список «Кутадгу билиг») [ДТС 1969: 640]. Кроме того в них, помимо основного, развились разнообразные переносные значения: башк. *йән сығыу* 'доходить до изнеможения, изнуряться'; ккалп. *жаны шықты* 'он торопится'; узб., кирг. *жаны чыкты* 'он вышел из себя'; уйг. *аччигидин жени чиқип кетти* 'он сильно разгневался'; туркм. *жан чекмек* 'стараться изо всех сил, прилагать усилия'; узб. *жоным чиқиб кетди* 'я сильно испугался, я страшно разозлился, рассвирепел'; тур. *canı çikmak* 'сильно измучиться, выбиться из сил, измотаться'. В узбекском языке есть поговорка *Оларда — кирар жоним, берарда — чиқар жоним* 'Беру с охотой, а как отдавать — душа из меня вон', а у туркмен есть выражение, близкое по значению русскому «В чем только душа держится»: *Буруны сыкса жаның чыкжак* (букв. 'защечи нос — испустит дух').

Очень интересным образом проявляется в тюркских языках фразеологизм, соответствующий русскому «душа в пятки ушла»: ккалп. *жаным козиме коринди* (букв. 'моя душа показала перед глазами') и *жаным тобеме шықты* (букв. 'у меня душа на макушку вылезла'); узб. *жоним чиқиб кетди* (букв. 'душа моя вышла [из меня]'); кирг. *жаны тобосуно чыкты* (букв. 'душа его на макушку вылезла') и *жаны кулагынын учуна чыкты* (букв. 'душа его вылезла на кончики ушей'); тур. *canı ağızına geldi* (букв. 'душа в рот [его] пришла') и тур. устар. *canı başına sıçradı* (букв. 'душа прыгнула в голову'). В башкирско-русском словаре в качестве соответствия этому русскому фразеологизму приводится *йәнде уска* (или *ус төбөнә*) *алыу* (букв. 'взять душу в ладонь' или 'держат душу на ладони') [БРС: 251]. Однако, на наш взгляд, это выражение больше соответствует русскому «душа на волоске держится». В подтверждении этому можно привести поговорку *Кәмәгә мендең йәне ус төбөнә* 'У плывущего на лодке душа на волоске держится' (букв. 'душа находится на ладони'). По всей видимости, в старину такой способ передвижения считался очень опасным, что и нашло свое отражение в языке. Подобная идиома есть и в киргизском: *Жаны колунун учунда* 'Он еле жив' (букв. 'его душа на конце руки его') [КРС: 227]; а в турецком это же понятие выражается фразой *canı cebinde* (букв. 'его душа у него в кармане'). Интересно, что в самом современном персидском языке есть идиомы, в буквальном переводе означающие 'держат душу в ладони руки' и 'держат душу в рукаве', но фактически они употребляются в значении 'быть готовым отдать свою жизнь, положить свою душу за кого или что-то' [ПРС: 205].

Наибольшим разнообразием в области фразеологии относительно рассматриваемой нами лексемы обладает турецкий язык. Помимо упомянутого выше сочетания *canı ağızına gelmek* 'сильно испугаться' (букв. 'душа в рот [его] пришла'), употребляются также *canı boğaza gelmek* 'измучиться, вымотаться, сильно устать, дойти до крайней точки [от мучений, страданий]' (букв. 'душа в горло пришла'); *canını burnuna (burnundan) getirmek* 'доводить, изводить, мучить, терзать, выматывать душу' (букв. 'вытащить его душу через нос'); *canını dişine almak (takmak)* 'рисковать, идти на риск' (букв. 'взять душу в зубы'); *canı dudağına gelmek* а) 'сильно испугаться', б) 'потерять терпение, выдержку' (букв. 'душа в губы пришла'); *canı boğazdan gecer (gelir)* 'душа жива горлом' (букв. 'душа приходит через горло'). А башкирский словарь пословиц и поговорок приводит 135 единиц, включающих компонент *йән* 'душа' [Ахтямов 1993: 256—257].

В древнетюркских памятниках имели место парное сочетание *žan rävan* 'душа, дух; жизнь' (*bajät berdi erdi añar žan rävan* 'творец дал ему душу тленную' (Гератский список «Кутадгу Билиг»)) и композит *žan sür-* 'вести жизнь, жить' (*jil altmış eki erdi tört jüz bilä / bu söz sözlädim men tutup žan sürä* 'был год четыреста шестьдесят второй, / [когда] я сказал это слово, пребывая в жизни' (Каирский список «Кутадгу Билиг»)), рефлексy которых в современных языках нам обнаружить не удалось.

Напротив, повсеместно распространены рефлексy древнетюркского *žanliŷ* ‘живой, одушевленный; живое существо’: *seziksiz ölüm bir kün aŷır kēlir / tirilmiš bu žanliŷ žanin alyalir* ‘несомненно, когда-нибудь придет смерть, / заберет души [всех] живущих живых существ’ (Наманганский список «Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 640]. В большинстве современных тюркских языков они проявляются в прямых значениях ‘живой, одушевленный’ и ‘любящий, сострадающий’, а также в переносном ‘живой, яркий, выразительный’; в отдельных языках имеются дополнительные значения, не отмеченные в других — в башкирском *йәнлек*, то же в татарском *жәнлек* ‘зверь, звериный’, а в узбекском проявляется сакральное значение этого слова: *жонлик* ‘домашнее животное или птица, предназначенная в жертву духам’ [УзРС: 155].

Следует также отметить, что во всех вышперечисленных тюркских языках компонент *žan* входит в состав многочисленных личных имен, как женских, так и мужских: кирг. *Бекжан* ‘крепкая душа’, *Жанузак* ‘долгая душа’ (букв. ‘душа, которой предопределено долго жить’); башк. *Йәнтимер* ‘железная душа’, *Йәнбике* ‘душечка’; кум. *Жанболат* ‘стальная, крепкая душа’; тат. *Батыржан* ‘богатырская душа’ и многих других. Компонент *йән* является также составной частью собственных имен первопредков башкир. Согласно народным эпосам-кубаирам «Урал-батыр» и «Акбузат», это были старик *Янбирде* (букв. ‘дающий душу’) и старуха *Янбике* (букв. ‘душа-женщина’). Кроме того, в фольклоре тюркских народов часто встречаются парные сочетания с компонентом *žan*: кирг. *кара жан* ‘черная душа’, *алтын жан* ‘золотая душа’, *кайран жан* ‘милая душа’, *таттуу жан* ‘сладкая душа’, *кулдой жан* ‘душа, подобная цветку’ и т. д. Очень широкое распространение как в разговорном языке, так и в поэзии, песнях, языке фольклора получило ласковое обращение *žanit* ‘душа моя’ (тур. *canim*, башк. *йәнем* и т. д.), причем оно распространилось не только в тюркских, но и в языках других групп — таджикском, армянском и пр.

Здесь мы вплотную приближаемся к вопросу о том, почему при наличии исконного пратюркского *qut* ‘дух, душа, жизненная сила’ заимствование из классического персидского *žan* получило столь широкое распространение в тюркских языках. На наш взгляд, слово *qut* наряду со значениями ‘дух, душа’, в приоритетной степени употреблялось в сакральных значениях ‘жизненная сила’, ‘плодородная сила’, ‘потенция жизни’ и однозначно восходит к очень древнему, языческому периоду развития пратюркского этноса (см. [Тадинова, Экба 2008: 237—243]), в то время как заимствование *žan*, скорее всего, связано с гораздо более поздним по времени распространением ислама и арабо-персидского влияния на тюркские языки. Подтверждением этой гипотезы является и тот немаловажный факт, что тюркские языки не заимствовали из персидского языка такие значения слова *žan*, как ‘отец демонов’, ‘название существ, обитавших в мире до человека’ [ППАРС: 425], ‘духи, сказочные существа, населявшие землю до сотворения Адама’ [ПРС: 205]. Очевидно, это произошло по той причине, что древние тюрки имели собственную, хорошо развитую систему религиозных представлений и соответствующую лексику в своем языке (см. [СИГТЯ: 562—628]).

Сокращения

Языки и диалекты

алт. — алтайский	кирг. — киргизский	ПЯп — праяпонский
н.-б. — нижнебийский	ккалп. — каракалпакский	ср.-кор. — среднекорейский
ойрот. — ойротский диалект	кор. — корейский	тат. — татарский
телеут. — телеутский	кум. — кумыкский	тув. — тувинский
башк. — башкирский	маньж. — маньчжурский	тунг. — тунгусские
др.-иран. — древнеиранский	монг. — монгольский	тур. — турецкий
др.-уйг. — древнеуйгурский	ног. — ногайский	туркм. — туркменский
каз. — казахский	осм. — османский	узб. — узбекский
кар. — караимский	ОТю — общетюркский	уйг. — уйгурский
гал. — галицкий говор	ПАлт — праалтайский	хак. — хакасский
грак. — гракайский говор	ПМонг — прамонгольский	чаг. — чагатайский
крым. — крымский говор	ПТМ — пратунгусо-маньчжурский	чув. — чувашский
кбалк. — карачаево-балкарский	ПТю — пратюркский	якут. — якутский

Общие

букв. — буквально	парн. — парное	Adj — имя прилагательное
досл. — дословный перевод	рел. — религиозное	N — имя существительное
календ. — календарный термин	устар. — устаревшее	V — глагол
миф. — мифологическое	фольк. — фольклорное	

Литература

- Алексеев 1980 — Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. {*Alekseev N. A. Rannie formy religii t'urkojazychnyh narodov Sibiri. Novosibirsk, 1980.*}
- Ахтямов 1993 — Ахтямов М. Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. Өфө, 2008. {*Aht'atov M. X. Bashqort xalyq mäqäldäre häm äjtemdäre hüdlege. Öfö, 2008.*}
- Баскаков 1973 — Баскаков Н. А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология) // Советская этнография. 1973, 5. С. 108—113. {*Baskakov N. A. Dusha v drevnih verovaniyah t'urkov Altaja (terminy, ih znachenie i etimologija) // Sovetskaja etnografija. 1973, 5. P. 108—113.*}
- Башкорт — Башкорт теленең һүзлеге. I—II. Мәскәү, 1993. {*Bashqort telenej hüdlege. I—II. Mäskäü, 1993.*}
- БРС — Башкирско-русский словарь / Под ред. Ураксина З. Г. М., 1996. {*Bashkirsko-russkij slovar' / Ed. Uraksin Z. G. M., 1996.*}
- Будагов 1869 — Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869. {*Budagov L. Z. Sravnitel'nyj slovar' turetsko-tatarskih narechij. Vol. I. SPb., 1869.*}
- БХИ — Башкорт халык ижады: Йола фольклоры. Т. I. Уфа, 1995. {*Bashqort xalyq izhady: Jola fol'klory. Vol. I. Ufa, 1995.*}
- Валиханов 1961 — Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. I. Алма-ата, 1961. С. 469—493. {*Valihanov Ch. Ch. Sledy shamanstva u kirgizov // Sobranie sochinenij v 5-ti tomah. Vol. I. Alma-ata, 1961. P. 469—493.*}
- Вербицкий 1884 — Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. {*Verbitskij V. I. Slovar' altajskogo i aladagskogo narechij t'urkskogo jazyka. Kazan', 1884.*}
- Вяткина 1960 — Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. Т. LX. М.; Л., 1960. С. 159—271. {*V'atkina K. V. Mongoly Mongol'skoj Narodnoj Respubliki // Vostochno-aziatskij etnograficheskij sbornik. Vol. LX. M.; L., 1960. P. 159—271.*}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969. {*Drevnet'urkskij slovar'. L., 1969.*}
- Дыбо 2007 — Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V. Lingvisticheskie kontakty rannih t'urkov: Leksicheskij fond. Prat'urkskij period. M., 2007.*}
- Замалетдинов 2004 — Замалетдинов Р. Р. Национально-языковая картина татарского мира. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2004. {*Zamaletdinov R. R. Natsional'no-jazykovaja kartina tatarskogo mira. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Kazan', 2004.*}
- КазРСл. — Казахско-русский словарь / Под ред. Сыздыковой Р. Г., Хусаина К. Ш. Алматы, 2002. {*Kazahsko-russkij slovar' / Ed. Syzdykova R. G., Husain K. Sh. Almaty, 2002.*}
- Карутц 1919 — Карутц Р. Среди казахов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1919. {*Karutts R. Sredi kazahov i turkmen na Mangyshlake. SPb., 1919.*}
- КРС — Киргизско-русский словарь / Сост. Юдахин К. К. Т. I. Фрунзе, 1985. {*Kirgizsko-russkij slovar' / Sost. Judahin K. K. Vol. I. Frunze, 1985.*}
- ОКС — Обычаи киргизов Семипалатинской области // Русский вестник. Т. 137. М., 1878. С. 22—66. {*Obychai kirgizov Semipalatin'skoj oblasti // Russkij vestnik. Vol. 137. M., 1878. P. 22—66.*}
- ППАРС — Полный персидско-арабско-русский словарь / Сост. Ягелло И. Д. Ташкент, 1910. {*Polnyj persidsko-arabsko-russkij slovar' / Sost. Jagello I. D. Tashkent, 1910.*}
- ПРС — Персидско-русский словарь / Сост. Гаффаров М. А. Т. I. М., 1976. {*Persidsko-russkij slovar' / Sost. Gaf-farov M. A. Vol. I. M., 1976.*}
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {*Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika t'urkskih jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Ed. Tenishev E. R., Dybo A. V. M., 2006.*}
- Тадинова, Экба 2008 — Тадинова Р. А., Экба З. Н. Понятие *kut в пратюркской языковой картине мира // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной юбилею Т. М. Гарипова. Т. II. Уфа, 2008. С. 237—243. {*Tadinova R. A., Ekba Z. N. Pon'atie *kut v prat'urkskoj jazykovoj kartine mira // Aktual'nye problemy obshchego i regional'nogo jazykoznanija: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii, posv'ashchonnoj jubileju T. M. Garipova. Vol. II. Ufa, 2008. P. 237—243.*}
- ТМТЮС — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989. {*Traditsionnoe mirovozzrenie t'urkov Juzhnoj Sibiri: Chelovek. Obshchestvo. Novosibirsk, 1989.*}
- ТСКЯ — Толковый словарь казахского языка. Т. VI. Алма-ата, 1982. {*Tolkivij slovar' kazahskogo jazyka. Vol. VI. Alma-ata, 1982.*}
- УзРС — Узбекско-русский словарь / Под ред. Акобировой С. Ф. и др. Ташкент, 1988. {*Uzbeksko-russkij slovar' / Ed. Akobirova S. F. Tashkent, 1988.*}

Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. {*Hisamitdinova F. G. Mifologičeskij slovar' bashkirskogo jazyka. M., 2010.*}

Шаханова 2003 — *Шаханова Н. Ж.* Языки культуры и проблема переводимости: древнетюркский *qut*, древнеиранский *farn* // Аль-Фараби: Философско-политологический и духовно-познавательный журнал. 2003, 1. {*Shahanova N. Zh. Jazyki kul'tury i problema perevodimosti: drevnet'urkskij qut, drevneiranskij farn // Al'-Farabi: Filosofsko-politologičeskij i duhovno-poznavatel'nyj zhurnal. 2003, 1.*}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков. Т. VI. М., 2000. {*Etimologičeskij slovar' t'urkskih jazykov. Vol. VI. M., 2000.*}

KED — *Martin S. E., Yang Ha Lee, Sung-Un Chang.* A Korean-English Dictionary. New Haven; London, 1967.

РЕЗЮМЕ

В статье подробно рассматриваются употребление пратюркского *qut* и иранского *žan* в современных тюркских языках и возможные версии происхождения этих слов, проводится сопоставление с языками других родственных групп, а также рассматривается функционирование этих терминов в языках древнетюркских памятников. Лингвистические данные сопоставляются с этнографическим материалом, обрядовым фольклором и другими экстралингвистическими факторами. Проведенный анализ приводит к выводу о том, что пратюркское понятие *qut* в своем первоначальном значении 'дух, душа, жизненная сила' и более позднем 'благополучие, успех, удача' является для тюркских языков более древним, чем иранское заимствование *žan* 'душа, дух; жизнь'.

SUMMARY

There is detailed analysis of using of *qut* and *žan* words at the modern Turkic Languages, possible versions of their origin, comparison with languages of other groups, their functions and meanings in the Proto-Turkic texts. Linguistic facts are compared with the ethnographic information, ritual folklore and other extra-linguistic facts. The analysis brings us to the point that Proto-Turkic *qut* in its old meaning 'soul, spirit, power of life' and in new meaning 'well-being, prosperity, good luck' is older than Iranian *žan* 'soul; life' in the Turkic languages.

Ключевые слова: тюркские языки, этимология, дух, душа, жизненная сила, благополучие, удача, мировоззрение

Keywords: the Turkic languages, etymology, soul, power of life, well-being, good luck, world outlook

Новые прасамодийские этимологии¹

В настоящее время в России и за рубежом опубликован ряд новых словарей и словарных материалов по современному самодийскому языку. В первую очередь, это полевые записи Е. А. Хелимского, который собрал словари по энецкому, нганасанскому и северноселькупскому языкам, насчитывающие более 7 000 словоформ каждый; эти словарные материалы общедоступны на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/helinski.html>. Помимо этого, важнейшим источником по южноселькупским диалектам является словарь [Быконя 2005], появился и ряд менее крупных, но очень аккуратных словарей по самодийским языкам ([Katzschmann 1990; Helinski 1997; Костёркина, Момде, Жданова 2001; Helinski, Kahrs 2001; Alatalo 2004] и др.).

Таким образом, в настоящее время мы имеем значительно большее количество лексического материала, чем в 1977 г. было доступно автору первого самодийского словаря Ю. Янхунену. Интересно проанализировать, насколько этимологический анализ лексики, собранной в словарях, опубликованных в последние десятилетия, позволит расширить корпус прасамодийских сближений, что было бы принципиально важно для развития уральского сравнительно-исторического языкознания в целом.

В настоящей статье представлены результаты коллективной этимологической работы, проводимой на «самодийских семинарах» (начиная с 2004 г.), над следующими группами лексики: названиями частей тела, родственников, частей жилища, оружия, одежды, метеорологических явлений, деревьев и животных. Здесь мы приводим только полностью новые, насколько нам известно, прасамодийские² этимологии и по возможности их внешние параллели: финно-угорские когнаты или предположительный источник заимствования из неуральских языков. Также в процессе работы на семинарах был собран значительный корпус, во-первых, дополнений к уже существующим прасамодийским этимологиям Ю. Янхунена [Janhunen 1977], во-вторых, новых прасеверносамодийских этимологий, в-третьих, гипотез о финно-угорских параллелях для этимологий [Janhunen 1977], в-четвертых, гипотез о заимствовании общесамодийских слов и отдельных лексем в современных самодийских языках из неуральских языков. Эти данные мы планируем опубликовать в дальнейшем.

При реконструкции новых этимологий для северносамодийских языков (ненецкого, энецкого, нганасанского) нами была взята за основу система соответствий, разработанная Е. А. Хелимским, но не изданная при его жизни и найденная в его архиве в Хельсинки (в настоящее время готовится издание этих материалов). При сравнении северносамодийских языков с другими самодийскими мы приняли систему, положенную в основу словаря [Janhunen 1977]. Но, поскольку она не была эксплицитно приведена Ю. Янхуненом, мы выработали ее сами, пользуясь материалом его этимологий.

1. Названия частей тела

1) ПС **pāIV-* ‘висок, темя, макушка’: энец. *palade* ‘висок’ [Helinski 2007a]; нган. *holiə, holiʔə* ‘темя’ [Helinski 2007b]; сельк. об. ш. *пальдэнар* ‘макушка’ (*нар* ‘верх’) [Быконя 2005: 178, 180]

< ПУ **p(o)IV* ‘часть головы: висок, темя, макушка’ > морд. *pulä* ‘затылок’ [Raasonen 1990—1996: 1832]³; манс. N *pali*, LM, P *pāl*, LU, K *pāl*, T *pāli* ‘грива’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 408].

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 14-04-12019 «Создание мультимедийных словарей самодийских языков», № 14-04-00496 «Этимологический диалектный словарь северносамодийских языков (анализ и подготовка к изданию наследия Е. А. Хелимского)» и Президентского гранта МД-7005.2015.6. Пользуясь случаем, хотим выразить свою глубокую благодарность В. Ю. Гусеву и проф. Ю. Янхунену, которые ознакомились с текстом статьи перед публикацией и сделали ряд ценных замечаний.

² Прасамодийскими мы, вслед за Ю. Янхуненом и Е. А. Хелимским, считаем слова, в которых рефлекс представлен в двух из трех ветвей самодийских языков: 1) северносамодийской группе, 2) селькупском языке, 3) камасинском и маторском языках.

³ Мордовское слово *pulä* ‘затылок’ следует отделять от ПУ **pola* ‘задняя часть’ [UEW: 734].

2) ПС **lākV* ‘нижняя часть ноги (икра, пятка), копыто’: энец. *lakoo* ‘икра ноги’ [Helimski 2007a]; нган. *lakä* ‘мускул’ [Хелимский нган. карт.]⁴; сельк. ел. *лақчи* ‘копыто’, *лақчийт* ‘пятка; задник’ [Быконя 2005: 113]

< ПУ **lakV* ‘нижняя часть ноги (шиколотка, икра, пятка), копыто’ > к.-з. *l'ek* (*l'ekj-*) ‘шиколотка, бабка (у лошади)’; удм. *l'eki* ‘лодыжка, бабка’ [КЭСКЯ 1970: 158].

В [КЭСКЯ 1970: 158] пермские слова сравниваются под вопросом с мар. *l'ekan* ‘чурбан’. В [SKES] же, наоборот, мар. *l'ekan* ‘чурбан’ сближается с фин. *laikka* ‘обломок дерева’. Этимология [SKES] представляется более обоснованной, поэтому следует признать, что ранее пермские слова не имели удовлетворительной этимологии. Несколько снижает надежность этой этимологии факт, что в пермских формах наблюдается нестандартное коми-удмуртское соответствие по вокализму.

3) ПС **wäjV* ‘длинная шерсть под шеей оленя’: Т ненец. *ū*’мя ‘кайма, опушка, обшивка (из меха)’ [Терещенко 1965, 2008: 154], *yī°qmya* (N *ya*→*yī*), *ŸIØSMuA* [Salminen 1998: 232]⁵; энец. *bee* ‘длинная шерсть под шеей у оленя’ [Helimski 2007a]; нган. *b'ai* ‘длинная шерсть на шее оленя; грива (лошади)’ [Helimski 2007b]; кам. *bēi* ‘определенное место под шеей оленя’ [Donner 1944: 9]

< ПУ **wäjä* ‘длинная шерсть животных’ [UEW: 562]⁶.

4) ПС **uŋV* ‘нос, клюв’: нган. *ŋünkä* ‘нос’ [Костёркина, Момде, Жданова 2001: 72]; кам. *иңи* ‘жало, клюв’ [Donner 1944: 81].

Стоит отметить схожие слова в тунгусских языках: ПСТунг **oŋa-ka* [ССТМЯ, 1: 470; ССТМЯ, 2: 22] (< ПТунг **xonda-* ‘нос, переносица’) > эвенк. *oŋokto* ‘нос’, эвен. *oŋыт* ‘нос’, нег. *oŋokto* ‘нос’, сол. *onokto* ‘нос’.

5) ПС **wātā* ‘плечо, верхняя часть позвоночника’: нган. *bataḍā* ‘верхняя выступающая часть позвоночника’ [Helimski 2007b]; сельк. об. ш. *кватъ* ‘плечо, плечи; сустав’ [Быконя 2005: 41], кет. *квэте*, *квэ́тты* ‘сустав’ [Быконя 2005: 42, 43]; кам. *bāt, βāt, bāt'le* ‘плечо’ [Donner 1944: 9]

< ПУ **wāčV* ‘плечо’ > мар. *vāče* ‘плечо’; к.-з. *večik* ‘крыло (основание, плечо крыла); плечо’ [КЭСКЯ 1970: 54]⁷.

Как отмечается в [КЭСКЯ 1970: 54], есть ряд слов, в которых финно-угорским задним гласным соответствует передний гласный в первом слоге коми слова. В статье [Норманская 2010] было показано, что такие соответствия обычно характерны для позиции палатализации. В коми перед следующими согласными и группами согласных: ПУ / ФУ / ФП **ś, *śk, *ć, *ćk, *ń, *ńc, *ńc, *j, *jk, *t* (> ПП **ø*), **ŋ* (> ПП **ø*), **ŋc, *l'd, *lj, *lw, *lm, *k* (> ПП **ø*), **ks, *p* (> ПП **ø*), **ps, *sj, *rs, *rj* — у задних финно-угорских гласных практически всегда встречаются упрежденные рефлексии.

6) ПС **lekV* ‘пах, таз, бедра’: Т ненец. *lexä* ‘расстояние между расставленными ногами (в паху); промежуток между полозьями в передней части нарты’ [Терещенко 1965, 2008: 188] (Т *lexä* = Т *лерка* ‘пах (анат.)’ [Терещенко 1965, 2008: 187]⁸), *lyexa* (N *a*→*ø*⁹), LYEXA [Salminen 1998: 227], O, Sj. *l'ëxē*, OP *l'ëxē*, K *l'ëxē*, U-Ts. *l'ëxē*, N *l'ëxēz* ‘Zwischenraum der gespreizten Beine; Raum zwischen den Seitenhölzern (im Schlitten, im Vorderteil des Schlittens)’ <‘расстояние между широко расставленными ногами; пространство между полозьями (в передней части нарты)’ [Lehtisalo 1956: 233a]; энец. *lexa* ‘пах’ [Helimski 2007a]; сельк. об. ч. *лэк, лок*, кет. *лэккы, локку*, вас. *лэкте* ‘бедро, бедра; таз’, тур. *лэгытпар* ‘ягодица; ягодицы’ [Быконя 2005: 116, 118].

⁴ Сравнение энецко-нганасанских форм предложено Е. А. Хелимским в его неизданных материалах, где указывается, что в позиции после определенных согласных есть еще ряд примеров на соответствие энец. *a* — нган. *a*.

⁵ В транскрипции Т. Салминена символ *ø* соответствует гласной фонеме, которая в орфографии и словаре Н. М. Терещенко [Терещенко 1965, 2008] часто обозначается буквой *ä*, а символ *°* служит для записи ее редуцированного варианта (“further reduced to an entity that may be called the schwa phoneme” [Salminen 1993: 177]). Символ *q* в записи [Salminen 1998] обозначает «глухой гортанный смычный звук» (’ в записи [Терещенко 1965, 2008]), а *h* — «звонкий гортанный смычный» (’ в записи [Терещенко 1965, 2008]).

⁶ В этой этимологии в [UEW: 562] с марийскими формами *wäjä* ‘оторочка из шкуры ягненка’, *waja* ‘более длинные волосы в мехе, ворс на шерстяной ткани’ сравниваются ненецкие Sjo. *jeitië-*, Kis. *wieje-* ‘делать узоры подшейным оленьим волосом’, O *jeič'wi* ‘вышитый’. Представляется, что это сравнение менее надежно, чем предлагаемое в настоящей статье.

⁷ В этой этимологии в [КЭСКЯ 1970: 54] сравниваются только марийское и коми слова.

⁸ Ср. также Л ненец. *l'elka* ‘пах (анат.)’ [Попова 1978: 45].

⁹ Подчеркнутый символ *ø* обозначает, что в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с *ø*, но, возможно, и с *a* [Salminen 1998: 18].

2. Термины родства

7) ПС **amV* ‘родственница по женской линии старше эго: мать, бабушка, прабабушка’: Т ненец. вост. *āma* ‘мама’ (обращение) [Терещенко 1965, 2008: 26] (ср. также детск. *мама* ‘мама’ [Терещенко 1965, 2008: 225]); Л ненец. *ama* ‘мама’ [Бармич, Вэлло 2002: 10, 216], *амма* ‘мама (мать)’ (ласково) [Приходько 2000: 168]; сельк. тур. *амэямэ амэ* ‘прабабушка’ [Быконя 2005: 15].

8) ПС **irV* ‘жених, друг’: Т ненец. *юрё* ‘приятель; товарищ в каком-либо деле (о человеке не ненецкой народности)’ [Терещенко 1965, 2008: 816; Терещенко 1989: 155], *юрёс: юрёс* ‘ненэця’ ‘они приятели’ [Терещенко 1965, 2008: 816], *уруо* (N *yo*→*уи*), *YURYO* [Salminen 1998: 313], O, OP *jür'ù*, Sj., U *jür'ù* ‘Freund’ ‘друг, знакомый, приятель, товарищ’ [Lehtisalo 1956: 142a]; Л ненец. *дилю* ‘приятель; товарищ в каком-либо деле (о человеке не ненецкой народности)’ [Бармич, Вэлло 2002: 30, 248, 271], *һи'т'и* ‘партнер, напарник’ [Попова 1978: 24]¹⁰, Nj. *jir'r'ù*, P *d'ill'ù* ‘Freund’ [Lehtisalo 1956: 142a]; энец. *iru* ‘сват (по браку); неотлучный, лучший друг, партнер — связанный взаимовыгодными отношениями’ [Helimski 2007a]; нган. *ниру* ‘друг; жених’ [Костёркина, Момде, Жданова 2001: 117], *н'ирү* ‘товарищ, друг, ровесник, жених’; сельк. тур. *ирашько*, ел. *ирая қынқо* ‘выйти замуж’ [Быконя 2005: 31]

< ПУ **irkä* (**ürkä*) ‘мужчина, сын, мальчик’ [UEW: 84]¹¹.

3. Названия частей жилища и других сооружений

9) ПС **nür*, **nüjār* ‘чехол, покрывало’: Т ненец. *нюр* ‘(д) ‘нюр (одна из двух коротких покрывал из оленьей шкуры, мехом внутрь, или сукна, натягиваемых в зимнее время на остов чума для предохранения нюков *ея* и поднючьев *мюйко* от искр очага)’ [Терещенко 1965, 2008: 333], *нур* (N *r+ye*), NYUØR (~ *нур°q*) [Salminen 1998: 342], O, Sj., K *n'ür*, U-Ts. *n'ür* ‘am oberen Teil des Zeltens unter der Zeltdecke angebrachte Schutzdecke aus Renntierfell oder Tuch, die verhindern soll, dass die eigentliche Zeltdecke (aus Fell oder Tuch) durch Funken beschädigt wird’ ‘специальное защитное покрытие поверх нюков (покрывал) в верхней части чума, сшитое из оленьей шкуры или ткани и предотвращающее нюки (покрывала) от попадания на них искр от огня’ [Lehtisalo 1956: 332a]; Л ненец. Nj. *nüjjer* ‘, P *nü'd'äzä* ‘am oberen Teil des Zeltens unter der Zeltdecke angebrachte Schutzdecke aus Renntierfell oder Tuch, die verhindern soll, dass die eigentliche Zeltdecke (aus Fell oder Tuch) durch Funken beschädigt wird’ [Lehtisalo 1956: 332a]; энец. *нуоре* ‘тонкий внутренний нюк’ [Helimski 2007a]; сельк. об. с. *нюрэс* ‘чехол, наволочка, чемодан’ [Быконя 2005: 158]

< ПУ **narV* ‘шкура или кожа без волос’ [UEW: 313]¹².

10) ПС **ko-* ‘шест чума’: Т ненец. *хо'ни* (н), ямал. *хуни* (н) ‘каждый из шестов по обе стороны от *макода* (основных шестов чума), составляющие остов чума’ [Терещенко 1965, 2008: 776, 781], *хогнуйи* (N *ng+o*), XOQNYIH ~ вост. *хигнуйи*¹³ (N *ng+o*), XÚQNYIH [Salminen 1998: 268], O *хуйни* ‘, OP *хуй'н'т'* ‘, Sj. *хө'ни* ‘, U-Ts. *хө'ни* ‘dicke(re) Zeltstange (oft vier Stück, zwei auf jeder Seite, werden zuerst gegen die Grundstangen aufgestellt)’ ‘шесты чума (обычно четыре, по два с каждой стороны), которые находятся рядом с основными шестами чума’ [Lehtisalo 1956: 203b]; Л ненец. *ко'ни* [kɔ'ni] ‘шесты чума (кроме основных), составляющие его остов’ [Попова 1978: 36], *ку'ни* (η) [kɔ'ni(η)] ‘два основных шеста чума, к которым прикрепляются остальные’ [Попова 1978: 38], S, Nj. *кү'ни* ‘, P *кү'ни* ‘dicke(re) Zeltstange (oft vier Stück, zwei auf jeder Seite, werden zuerst gegen die Grundstangen aufgestellt)’ [Lehtisalo 1956: 203b]; энец. *ку'е?* ‘один из шестов, ставящихся по бокам от *сана?* и составляющих остов чума’; нган. *кум'ай*, *кун'е* ‘шест в чуме (позади женского места)’ [Helimski 2007b; Хелимский нган. карт.]; сельк. *қо* ‘столб (в частности, шест чума, но не только)’ [Alatalo 2004: 247], таз. *ко: кон реләнз* ‘закрытый получум-навес (с основанием в форме полукруга); летний чум-палатка (опорным элементом для покрытия из бересты, брезента и др. служат деревянные дуги; = *кумар*)’, *мәтй-ко* ‘(внутренний) шест чума’ [Helimski 2007c].

11) ПС **märV* ‘ритуальный чумик, кладбище’: Т ненец. ямал. *мяро* (н) ‘маленький чум, поставленный на том месте, где умер человек’ [Терещенко 1965, 2008: 279], *мяроһ* (N *ng+o*), MYARØ¹→oNG [Salminen 1998: 270], O₂, Sj. *m'ārō* ‘, OP *m'ār'ù* ‘kleines Zeltchen, wird an der Stelle zurückgelassen, wo ein Samojede gestorben ist’ ‘небольшой чум на месте, где умер человек ненецкой народности’), OP *m'ār'ō* ‘Name einer heiligen Stätte am Unterlauf des Obs (dort soll sich auf dem Scheitel eines Hügels

¹⁰ В источнике [Попова 1978] символом ' обозначается ударность последующего слога.

¹¹ В [UEW: 84] дается только финно-угорская этимология без самодийских сближений, предложенных в настоящей статье.

¹² В [UEW: 313] дается только финно-угорская этимология без самодийских сближений, предложенных в настоящей статье.

¹³ В [Salminen 1998] символом *ü* обозначается долгая фонема /ü/.

eine tiefe Grube befinden und um dieselbe herum aus Stangen ein Zelt gebaut sein) 'название священного места в низовьях р. Оби' [Lehtisalo 1956: 269b]; энец. тундровый *meru* 'намогильный чумик' [Helimski 2007a], лесной *мяру* 'маленький чум, поставленный на месте, где умер человек' [Сорокина, Болина: 256]; сельк. ел. *маргэ* 'кладбище' [Быконя 2005: 124].

4. Названия видов оружия и действий, осуществляемых с их помощью

12) ПС **pālV* 'меч': Т ненец. *палы* 'сабля, меч' [Терещенко 1965, 2008: 439; Терещенко 1989: 86], *pali* (N i≡), PALI [Salminen 1998: 272], О, Sj. *pāllj* 'Schwert, Säbel' 'меч, сабля' [Lehtisalo 1956: 345a]; Л ненец. *пылы* 'меч, шашка' [Бармич, Вэлло 2002: 115, 217], *ры'лы* 'сабля' [Попова 1978: 111]; энец. В *falli* 'тунгусский меч'; сельк. об. ч. *пальмо* 'пика' [Быконя 2005: 179]

< ПУ **palV* 'длинное заостренное орудие' [UEW: 352] > хант. V, Vj. *pal*, О *pali* 'пика для охоты на медведя'; манс. LO *pāl χāljiw* 'хорей, шест для того, чтобы погонять ездовых оленей, изготовленный из половины ствола березы'.

А. Е. Аникин не исключает, что селькупское об. ч. *пальмо* 'пика' заимствовано из рус. диал. *пальма* 'холодное оружие, рогатина' [Аникин 1997: 458]. Но, поскольку этимология русского слова ясна не до конца, сравнение селькупского слова с другими северносамодийскими формами представляется фонетически и семантически надежным. В обосновании нуждается лишь селькупский формант *-мо*, который может быть истолкован как суффикс; ср., например, *ер-* 'пить' (< ПС **er-* 'доставать воду' [Janhunen 1977: 24]) ~ кет. *эрэмо* ~ *эрэмо* 'прорубь' [Быконя 2005: 312, 315]; таз. *сэсј* ~ *сэсјл'* 'узкий, тонкий' ~ *сэсјмо* 'узкое место'; таз. *рас(с)-* ~ *рассјмо* 'дыра' [Helimski 2007c]. Учитывая приемлемую с точки зрения фонетики и семантики прасамодийскую этимологию, которая предлагается для селькупского слова, мы, скорее, предполагаем, что русское слово, у которого нет надежной этимологии, было заимствовано из селькупского языка.

13) ПС **etV* 'стрелять': Т ненец. *уэда(св)* 'выстрелить (о человеке)' [Терещенко 1965, 2008: 415], *ngeda-*, NGETA [Salminen 1998: 178]; Л ненец. *ηgetā(š)* 'выстрелить' [Попова 1978: 79]; сельк. таз. *ettäntuqo* 'установить стрелу на луке' [Helimski 2007c]

< ПТю **(h)at-* 'стрелять, бросать' [ЭСТЯ 1974: 199—200, 203, 204]: чув. *ivьt-*, диал. *ut-*; якут. *it-*; долг. *it-*; тув. *at-*; хак. *at-*; шор. *at-*; с.-юг. *at-*; др.-уйг. *at-*; крх.-уйг. МК *at-*; чаг. *at-* [Pav. С.]; узб. *ət-*; уйг. *at-*; хал. *hat-*; тур. *at-*; гаг. *at-*; аз. *at-*; туркм. *at-*; кар. *at-*; кум. *at-*; кбалк. *at-*; тат. *at-*; башк. *at-*; ног. *at-*; каз. *at-*; ккалп. *at-*; кирг. *at-*; алт. *at-*.

14) ПС **teke* 'стрела с железным острием': Т ненец. ямал. *тесета* 'стрела с железным острием' [Терещенко 1965, 2008: 651], ямал. *tyesyeta*¹⁴ (N *a→vi*), TYESYEQTA [Salminen 1998: 217], T₂ *tʰešetʰ* 'Pfeil, der seitwärts an der eisernen Spitze einen Widerhaken trägt' 'стрела с железным наконечником' [Lehtisalo 1956: 509a]; Л ненец. N_i *tʰšičešetʰw̄ hʷkkī* 'Pfeil, der seitwärts an der eisernen Spitze einen Widerhaken trägt (wird im Stellbogen für Fischotter angewandt)' 'стрела с железным наконечником (для охоты на выдру)' [Lehtisalo 1956: 509a]; сельк. таз. *tjšša* 'стрела (с острым наконечником)' [Helimski 2007c], *тишиша*, *тиша* (*tjšša*) 'стрела' [Helimski, Kahrs 2001: 26], об. с. *тисе*, кет. *тисси* 'стрела', об. ч. *төшө* 'стрела, наконечник стрелы', об. ч. *төшөлбо* 'древко стрелы', об. с., об. ч., кет. *тысэ*, об. с. *тэссэ*, *тэсэ*, *тэсэ*, об. ч., вас. *тэхэ*, тым. *тэшиша* 'стрела' [Быконя 2005: 239, 242, 247, 251, 252].

5. Названия деталей одежды и обуви

15) ПС **kəlV* '(защитный) рукав': Т ненец. *хэлак* 1) 'клапан в верхнем углу нюка, через который тот поднимается на шест', 2) 'закрытая рукавичка, пришитая к верхней детской одежде' [Терещенко 1965, 2008: 724], *хэлак* 'рукавицы, пришитые к детской одежде' [Терещенко 1989: 264], *xəlak*^o, XØLAQXØ [Salminen 1998: 60, 528], О, Sj., К *χəllāk*, ОР *χəllāk* 'geschlossener Fausthandschun an der Malitz der Kinder; Lasche in der oberen Ecke der Zeltdecke, woran diese mit der Zeltstange hinaufgehoben wird' 'закрытая рукавица на детской малице; клапан в верхней части нюка, с помощью которого нюк поднимается на шесты' [Lehtisalo 1956: 149a]; энец. *kolako* 'защитный рукав (детской малицы), глухой рукав' [Helimski 2007a]; сельк. об. с. *колал*, *коллал* 'рукав' [Быконя 2005: 46].

Ср. ПТМ **xül-kse* 'рукав'¹⁵ [ССТМЯ, 2: 254]: эвенк. *ükse*, эвен. *ōs*, сол. *utči-l*, нег. *ükse*, ороч. *ukse*, уд. *ukihe*, ульч. *weske*, орок. *weske*, нан. Нх *xuekse*, К-У *uksel*; маньчж. *ulxi*.

¹⁴ Подчеркнутый символ *ē* обозначает, что в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с *e*, но, возможно, и с *æ* [Salminen 1998: 18].

¹⁵ Реконструкция ПТМ **-l-* в этом слове базируется на маньчжурских данных. Есть еще ряд других этимологий, когда рефлекс первого сонанта в трехбуквенном кластере сохраняется только в маньчжурском, ср.:

Анализ рефлексов ПС **kəlv* в самодийских языках показывает, что, видимо, уже на прасеверносамодийском уровне появилась детская одежда с зашитыми рукавами, возможно, под влиянием контактов с носителями тунгусо-маньчжурских языков. Интересно, что гипотеза о заимствовании этого названия из тунгусо-маньчжурских языков (**xül-kse* ‘рукав’ [ССТМЯ, 2: 254]) соответствует этнографическим данным о существовании у тунгусов особой одежды с зашитыми рукавами, ср.: эвенк. *kukšū*, эвен. *qičū* ‘спальный мешок; детская одежда с зашитыми рукавами’ [ССТМЯ, 1: 427].

16) ПС **pälV* ‘нагрудник, свисающая деталь одежды спереди’: Т ненец. *пялик* ‘нагрудник в виде кусочка мягкой шкурки, которая закладывается за ворот одежды ребенка’ [Терещенко 1965, 2008: 510], *pyalyik*^o, PYALYØ→yIQXØ [Salminen 1998: 61, 504], *пялься* ‘лоскут замши или ткани, который пришивается спереди к женским штанам’ [Терещенко 1965, 2008: 510], *pyaly^osya*, PYALYØXyA [Salminen 1998: 234, 504]; Л ненец. *päl^oša* ‘фартук на женских штанах’ [Попова 1978: 91]; энец. *perose* ‘лоскуты замши или ткани, пришиваемые спереди к женским штанам’ [Helimski 2007a]; нган. *h^oalu* ‘передняя часть, подол мужской парки; нагрудник шамана’ [Helimski 2007b]; кам. *pāli* ‘завязка для завязывания обуви на ноге’ [Donner 1944: 50]

< ПТМ **pīl(a)*- ‘вид нагрудного ремня’ [ССТМЯ, 2: 323—324, 304; EDAL: 1811]. ПТунг / ПТМ **pī*: ‘лямка’, **pī:-la-* ‘накидывать лямку’: эвен. *hīl^o-p^on* ‘завязки у одежды, обуви; нагрудник, жилет (меховой)’; нег. *xī:-la-* ‘надеть лямку’; ороц. *xī-de* ‘ремень у ружья’; уд. *sī* ‘лямка спинных носилок; ремень ружья’, *sī-de* ‘ремень ружья’, *si-li-pti* ‘нагрудные лямки собачьей упряжки’; орок. *pī-tu* ‘охотничий ремень’.

17) ПС **kürV-* ‘стянуть, подпоясаться; гашник, шнурок, вдернутый в пояс штанов (шнурок, к которому крепятся голенища обуви)’: Т ненец. *сюр^o(д)* ‘объем пояса (штанов)’ [Терещенко 1965, 2008: 592], *сюр^oмя* ‘гашник; шнурок, который вдергивается в пояс штанов’ [Терещенко 1965, 2008: 592], *сюркарц^o* ‘стянуть (при помощи шнурка)’ [Терещенко 1965, 2008: 590]; Л ненец. *šül^o?* [šū^ol^o?] ‘пояс мужских штанов’ [Попова 1978: 123], S *šur^o*^o, P *šul^o*^o ‘Zugschnur, Zugriemen (Taillenband der Hose u. a.)’ (‘ремень, пояс’) [Lehtisalo 1956: 454]; энец. *šuru^o(δ)* ‘гашник’ [Helimski 2007a]; нган. *kirim* ‘завязка (мешка, бубна); гашник, резинка в трусах; нижняя тетива сети’ [Helimski 2007b]; сельк. *šur-* ‘собрать в сборки’ [Helimski 2007c]

< ОТю **kür-* ‘завязывать’ [ЭСТЯ 1997: 148]¹⁶. ПТю **gürük* ‘нитченки’ (чув. *kə^orə^o*, шор. в.-к. *küzüg*, крх.-уйг. МК *küzük* ‘нитченки’, ИМ *küzük* ‘пряди волос, свисающие с висков’, кирг. *küzük* ‘нитченки’), вероятно, производное от ОТю **gür-* > туркм. *göze-* ‘увязывать вещи; прошнуровывать’ [ЭСТЯ 1989: 131].

18) ПС **tertV* ‘подвязка обуви (пимов)’: Т ненец. ямал. *тем* ‘подвязка (пимов)’ [Терещенко 1965, 2008: 648], б.-з., зап. *те^oэм* ‘подвязка у мужских пимов’, ‘замшевые тесемки на пимах, которые прикрепляются к поясу брюк, чтобы обувь хорошо сидела’ [Терещенко 1965, 2008: 652], *tyeqm^o* (N *ø→ye*), TYEQMØ [Salminen 1998: 83, 521], O *t^oēm*, Sj., M *t^oe^oem*, N *t^oe^oem^o* ‘Schnürband am Stiefel’ (‘шнурок, завязка для обуви’) [Lehtisalo 1956: 505b]; Л ненец. *че^oм 1* ‘подвязка (у мужской обуви)’, 2) ‘замшевые тесемки на обуви’ [Бармич, Вэлло 2002: 145], S *t^ošie^oem*, P *t^ošie^oem*, Kis. *t^ošie^oem* [Lehtisalo 1956: 505b, 506a]; кам. *t^oe^ome* ‘Band Strick, Seil’ (‘шнурок, завязка’) [Donner 1944: 69].

19) ПС **jaa-* ‘голенище, завязка на обуви’: нган. *d^oaa* ‘завязка на женской обуви’ [Helimski 2007b]; кам. *d^oā* ‘штанина, голенище’ [Donner 1944: 13].

6. Названия природных явлений

20) ПС **jäśə* ‘холодный, прохладный, мокрый’: энец. *d^oiasu* ‘прохладный (о погоде)’ [Helimski 2007a] (< ? нган.); нган. *dasüs-* ‘быть мокрым’ [Хелимский нган. карт.]; сельк. таз. *casiq eqo* ‘быть холодным’, *casiqil^o* ‘морозный; холодный’, *casqaltiqo* ‘охладить, охладиться’ [Helimski 2007c]

ПТМ **žulp-kun* > эвенк. *žупку* ‘подшейная ямка’; нег. *žупкун* ‘подшейная ямка, пазуха’; уд. *žокно* ‘грудная дужка’; нан. *žупку* ‘грудь выдры’; маньчж. *žулкун*, *žупхун* ‘ямка пониже дыхательного горла, впадина на груди у лошади, дужка у птиц, отдушина для выхода воздуха’ [Дыбо 1996: 252; ССТМЯ, 1: 275, 262].

¹⁶ Здесь не рассматривается второе прасамодийское название пояса ПС **tolə* ‘пояс, ремень’ [Janhunen 1977: 165], потому что мы следуем гипотезе, высказанной в работе [Аникин, Хелимский 2007: 91—92], о сепаратном заимствовании слова в отдельные самодийские языки из эвенк. И *təl*, *tələy* (в большинстве диалектов), С, вост. *tələy* ‘пояс (к которому подвязываются голенища высоких зимних унтов)’, ‘ремешок (на верхней части обуви)’, В-Л *tələ* ‘то же’, поскольку с точки зрения фонетики самодийские формы, приводимые в этой этимологии, не сводятся закономерно в единую праформу.

< ПУ **jäkšV* ‘холодный, прохладный’ [UEW: 90]¹⁷.

Не вполне ясно развитие вокализма в энецком слове, возможно, это нганасанское заимствование. Дальнейшая этимологизация этого прасамодийского слова возможна, но не является вполне надежной. При идеальном семантическом соответствии ФУ **jäkšV* ‘холодный, прохладный; мерзнуть’ и ПС **jäsaj* ‘холодный, прохладный, влажный’ не вполне ясно, может ли ПС *-s- являться рефлексом ПУ инлаутного кластера *-kš-. К сожалению, в материале словаря [UEW] нет ни одной прауральской этимологии, в которой однозначно¹⁸ реконструировался бы инлаутный кластер *-kš- и ее рефлекс был бы представлен в самодийских языках.

21) ПС **sesV* ‘снег’: Т ненец. *sexə* ‘большой ком снега’, ‘твердый снег’ [Терещенко 1965, 2008: 550; Терещенко 1989: 106], *svexa* (N *a*→*vi*), SYEXA¹ [Salminen 1998: 227], О *šəxə*, Sj. *šexə* ‘harter Schnee’ (‘твердый снег’) [Lehtisalo 1956: 435b]; нган. *sesu* ‘иней, изморозь’ [Костёркина, Момде, Жданова 2001: 76]; кам. *suzui* ‘снег, который лежит на ветвях деревьев’ [Donner 1944: 55].

Это сравнение представляется надежным как фонетически, так и семантически. Аналогичное развитие вокализма первого слога в камасинском языке представлено, например, в этимологии ПС **t₁ejwə* ‘желудок’ > кам. *šuijə* ‘желудок, живот, внутренности’ [Janhunen 1977: 156—157]. Вероятно, для ПС **sesV* следует реконструировать значение ‘снег’, которое сохранилось в двух ветвях самодийских языков: в северносамодийской (в ненецком языке) и в камасинской ветви (в камасинском языке).

22) ПС **kətV* ‘иней’: энец. *kodi?* ‘иней’ [Helimski 2007a]; сельк. об. ш. *қад*, об. с. *қада*, *қадаң*, вас. *қадақ*, *қәдеқ*, кет. *қата*, *қатаң*, *қаттаң*, *қатте* ‘иней’ [Быконя 2005: 63]

< ПУ **kase* ‘роса, иней’ [SSA I: 323, 325; DEWOS: 620]: фин. *kasi*, *kaste* ‘роса’; эст. диал. *kasi*; саам. I *kāsaniđ* ‘роса’; хант. I *kelə*, P *käl* ‘роса’; манс. I *kšäl-*: *kšäl-wit*, L *kšäl-*: *kšäl-wut* ‘роса’.

Финно-угорская этимология в полном объеме впервые предложена в [SSA I: 323]. Предлагается добавить в нее сравнение с ПС **kətV* ‘иней’: энец. *kodi?* ‘иней’; сельк. об. ш. *қад*, об. с. *қада*, *қадаң*, вас. *қадақ*, *қәдеқ*, кет. *қата*, *қатаң*, *қаттаң*, *қатте* ‘иней’. Фонетически это сравнение возможно. Развитие ПУ **a* > ПС **ə* встречается в ряде этимологий [UEW], например: ПУ **čancV* / **čacV* ‘шагать, ходить’ [UEW: 53] > ПС **t₁ənt₁3-*; ПУ **jaka-* ‘делить, разделять’ [UEW: 87] > ПС **jəkə* и т. д. Соотношение значений рефлексов ПУ **kase* — ФУ ‘роса’ vs. ПС ‘иней’ — встречается достаточно часто: например, на синхронном уровне такая многозначность представлена в коми сс., печ. *риž* ‘иней, роса’.

23) ПС **posV-* / **pusV-* ‘ветер’: Т ненец. *pos* ‘дуновение’, *поса хабця* ‘холера (мед.)’, ‘сибирская язва’, *поса(сь)* ‘сдуть, сдунуть что-либо; раздуть огонь’, *посабтё(сь)* ‘непрерывно дуть (о ветре)’, *посабцо* ‘чума (мед.)’, *посё* ‘вздутие (например, живота); пузырь (например, на поверхности воды)’ [Терещенко 1965, 2008: 479, 480], *посаня(сь)* (несов.) ‘дуть на что-либо; дуть (о ветре)’, *посаня(сь)* ‘долго и сильно дуть’ [Терещенко 1989: 93], *pos°* (N \emptyset), POSØ [Salminen 1998: 133], О, T₁₂ *pōššā* ‘blasen’ (‘дуть’) [Lehtisalo 1956: 360b]; Л ненец. *pos* ‘шар; шишка (от ушиба)’, *посаш* ‘раздуть огонь’ [Бармич, Вэлло 2002: 113], *посынёш* ‘дуть’ [Бармич, Вэлло 2002: 194], *поснута* ‘дует’ [Приходько 2000: 186], *пиš* ‘подуть, раздуть (огонь)’ [Попова 1978: 109], ‘*pōšša(š)* ‘раздуть (огонь)’, ‘*pōšata(š)* ‘начать сильно дуть (о ветре)’, ‘*pōšyра(š)* ‘дуть (о ветре)’ [Попова 1978: 106], Nj. *pōšqš* ‘blasen’ (‘дуть’) [Lehtisalo 1956: 360b]; энец. *puase* ‘хиус (ветер)’ [Helimski 2007a]; сельк. таз. *pusqa* ‘вьюга’, *puss-*: *pussaltygo* ‘распылить, разместить (пыль, снег)’ [Helimski 2007c], ел., тур. *пуска* ‘буран, пурга’ [Быконя 2005: 198].

Несмотря на идеальное семантическое соответствие, этимология не вполне надежна с точки зрения фонетики. Неясно развитие ПС **o* в первом слоге в энецком и селькупском языках, хотя и среди этимологий [Janhunen 1977] встречается рефлексация ПС **o* > сельк. таз. *u*: ПС **to* ‘озеро’ > сельк. таз. *tu*, кет. *to*, тым. *tū* ‘озеро’.

Уральская этимология прасамодийского слова неясна. Оно может быть заимствованием из ПТМ **pus-* ‘дуть (о ветре), задувать огонь, обмахиваться веером’ [ССТМЯ, 2: 36, 304, 336]. Гипотеза о заимствовании позволяет объяснить не вполне регулярные соответствия вокализма первого слога.

¹⁷ В [UEW: 90] приводится только финно-угорская этимология без самодийских сближений, предложенных в настоящей статье.

¹⁸ У этимологии ПУ **ñekšV* (**ñeskV*) ~ **ñekšV* (**ñeškV*) есть рефлекс в самодийских языках: Т ненец. *неда* 1) ‘след, проложенный аргишом’, 2) (зап.) ‘дорога’, *недарма* ‘широкая утрамбованная дорога (служит длительное время только летом)’ [Терещенко 1965, 2008: 291, 292], — но реконструкция консонантного кластера, даже по мнению авторов [UEW], неоднозначна. И мы вслед за Е. А. Хелимским считаем, что следует отказаться от сближения хантыйского, ненецкого и камасинского слов, поскольку Т ненец. О *n'eda*, *n'edarma*, энец. *eda-* и нган. *ηatudia* являются рефлексами ПСС **etV*, а прасеверносамодийская лексема не может быть рефлексом ПУ **ñekšV* (**ñeskV*) ~ **ñekšV* (**ñeškV*), т. к. в ней отсутствует анлаутный согласный.

7. Названия деревьев

24) ПС **kār̥wV*- ‘лиственница’: Т ненец. *xarv* ‘лиственница’ [Терещенко 1965, 2008: 747; Терещенко 1989: 145], *xarw*^o (N *ø*→*o*), XARWØ [Salminen 1998: 150], О, Т₅, Si., U, M, N *χārβ*. ОР *χārβ^A*, Т₁, К *χārβ^B* ‘Lärche’ (‘лиственница’) [Lehtisalo 1956: 166b]; Л ненец. *калв* ‘лиственница’ [Бармич, Вэлло 2002: 40, 214], *калв* ‘лиственница’ [Приходько 2000: 22, 164], *kalβ* ‘лиственница’ [Попова 1978: 29], Lj. *kārβ^B*, Nj. *kārβ* ‘Lärche’ [Lehtisalo 1956: 166b]; энец. *kami* ‘листвяк (лиственницы)’ [Helimski 2007a]; сельк. об. ш. *көв* ‘лиственница’ [Быконя 2005: 51].

В этом слове следует восстанавливать инлаутный кластер *-*rw*-. Этот кластер отсутствует в этимологиях из [Janhunen 1977], поскольку ранее считалось, что его рефлексы представлены только в северносамодийских языках: ненец. -*rw*-, энец. -*m*-, нган. -*rb*-. Ср. ПСС **werw*- ‘хозяин’: Т ненец. *epv* ‘хозяин; начальник, командир; чиновник; дух-хозяин водоема, урочища и т. д.’ [Терещенко 1965, 2008: 105—106], энец. *bioto* ‘хозяин’ [Helimski 2007a], нган. *баарбэ* ‘хозяин, дух’ [Helimski 2007b], которое, возможно, связано с юкаг. *вэрвэ* ‘сила, мощь’, *вэр-вийиэ* ‘богатырь, силач’ [Курилов 2001: 78]; ПСС **kərw*- ‘любить’: Т ненец. *хэрва(сь)* ‘хотеть, желать; хотеться’, б.-з., м.-з. *хэрвабта(сь)* ‘сильно желать, хотеть что-либо сделать, иметь стремление к чему-либо’ [Терещенко 1965, 2008: 747] vs. энец. *kometa*- ‘любить’ [Helimski 2007a].

Мы предполагаем, что в селькупском языке этот кластер мог иметь рефлекс -*w*-, и предлагаем добавить в рассматриваемую этимологию сравнение с сельк. об. ш. *көв* ‘лиственница’ [Быконя 2005: 51]. Такое развитие прасамодийского вокализма первого слога ПС **ā* > сельк. *ö* встречается в селькупских диалектах, ср., например: ПС **kälä* ‘рыба’ [Janhunen 1977: 59] > сельк. кет., вас. *қвөл* ‘рыба’ [Быконя 2005: 81]. Однако сравнение северносамодийских форм с селькупским словом в настоящее время не выглядит надежным, поскольку нет примеров аналогичного развития консонантизма в других лексемах. Внешняя этимология ПС **kār̥w*- ‘лиственница’ неясна, нельзя исключить связь с ФУ **korwa* ‘лист’ [UEW: 187].

8. Названия животных

25) ПС **hām̄V* ‘олень-самец второго-третьего года жизни’: Т ненец. *намна*¹⁹ ‘лоншак, олень-самец по второму году’ [Терещенко 1965, 2008: 284], *nəmna* (N *a*→*yi*), NØMNA [Salminen 1998: 199], О, Si., U *namn̄v*. К, U-Ts. *namná*, N, Sjo. *namn̄v*. ОР *namñ̄v*, *namñ̄iḱku* ‘männliches zahmes Renntierkalb im zweiten Jahr’ (‘домашний олень-самец второго года’) [Lehtisalo 1956: 281b]; Л ненец. Nj. *n’āmn̄iḱku*, P *n’imñ̄iḱku* ‘männliches wildes Renntierkalb im zweiten Jahr’ (‘дикий олень-самец второго года’) [Lehtisalo 1956: 281b]; энец. *nona* ‘олень-трехлетка’ [Helimski 2007a]; сельк. таз. *n’āmn̄iḱki* ‘теленоч (самец) оленя на втором году’ [Helimski 2007c]

< ? ПТМ **hām̄a*- ‘ехать верхом’: эвенк., нег., маньчж., ульч., орок., нан. *hām̄a*-; эвен. *hām̄i*-; сол. *namna*- [EDAL: 1223; ССТМЯ, 1: 632]. Значение половозрастного термина в прасамодийском может быть связано с тунгусской практикой подготовки оленя к использованию как вьючного или верхового путем холощения, которое проводилось как раз на втором-третьем году жизни [Василевич 1969: 72].

26) ПС **nār̥kV* ‘барсук’: сельк. об. ш., об. ч. *нар̄г*, тым., вас. *нар̄гы*, кет. *нар̄рку*, вас. *нар̄эккэ* ‘барсук’, об. с. *нар̄гу* ‘выдра’ [Быконя 2005: 142]; мат. *norgo* ‘барсук’ [Helimski 1997: 323]

< ПУ **nār̄kū* / **nerkū* ‘барсук’ [Кузнецова 1991: 84] > морд. мокш. P *nār̄gas* ‘барсук’ [Paasonen 1990—1996: 1378]; мар. *nerge* ‘барсук’ [MPC 1991: 306]; удм. MU *nardī* ‘барсук’ [Wichmann 1987: 168].

27) ПС **kə(k)l(s)V* ‘маленькое существо, живущее под землей’: Т ненец. *хэл̄ы* ‘[длинный] червь’ [Терещенко 1965, 2008: 728], *xəli* [Salminen 1998: 272, 528], О, Т₇, Si., N *χəl̄i* ‘Angelwurm, Regenwurm’ (‘червь, дождевой червь’) [Lehtisalo 1956: 149a], *хэл̄цо* б.-з., м.-з. ‘червяк, червь’, ямал. ‘глист’ [Терещенко 1965, 2008: 728], *xəl̄^oco* (N *o*→*u*) [Salminen 1998: 292, 527], О *χəl̄iṣū*, Si. *χəl̄iṣu*, N *χəl̄iṣo* ‘Bandwurm, Plattwurm; langer weisser Wurm in der Blase des Fisches; im Wasser lebender Wurm’ (‘глист, солитер, червь; длинный белый червь во внутренностях рыбы; червь, живущий в воде’) [Lehtisalo 1956: 149b]; Л ненец. P, Nj. *kaḹiṣū* ‘Bandwurm, Plattwurm’ (‘глист, солитер, червь’) [Lehtisalo 1956: 149b]; энец. *кодүлоо* ‘червяк’ [Helimski 2007a]; нган. *kəls̄iṣə* ‘червяк’ [Helimski 2007b]; сельк. таз. *qaqlal* ‘крот’ [Helimski 2007c], кет. *қалли* ‘земляная медведка’, тым., тур. *қалғал* ‘крот; медведка (почитается в образе земляного крота); могильный дух’, вас. *қалат* ‘крот; медведка (почитается в образе земляного крота)’, кет. *қалели* ~ *қалли* ~ *қаллиң* ‘крот, земляная медведка’ [Быконя 2005: 62, 67, 68]

< ПУ **ku(k)lV* ‘мышь, крот, крыса’: мар. *koḷa* ‘мышь’; хант. *kollal* ‘крыса’ [DEWOS: 476].

В этой этимологии постулируется инлаутный консонантный кластер *-*kl*- на основании рефлексов -*ql*- / -*gl*- / -*ll*- в селькупских диалектах и -*ll*- в хантыйском слове. В марийском и ненецком рефлексах при-

¹⁹ В [Терещенко 1965, 2008: 284] отсутствует ожидаемое обозначение *ā* в первом слоге этого слова.

ходится предполагать упрощение консонантного кластера. В прауральской этимологии в первом слоге предположительно реконструируется гласный **u*, поскольку он является наиболее частотным источником ПС **ə*. Рефлексы гласного первого слога в марийском и хантыйском языках не противоречат этой гипотезе.

Семантическое соотношение ‘мышь’ ~ ‘крыса’ ~ ‘крот’ ~ ‘земляная медведка’ ~ ‘земляной червь’ представляется возможным. Однако однозначно установить, какое именно значение было праязыковым, пока не удастся.

Семантическая неоднозначность и почти уникальный инлаутный консонантный кластер делают эту этимологию не вполне надежной.

В работе [Кузнецова 1991: 183] предлагается связывать марийское слово с ПУ **kolja* ‘злой дух’ [UEW: 173]. Представляется, что предлагаемая выше этимология значительно предпочтительнее семантически.

Интересно отметить сходство этих слов и осетинского *gaelaew* ‘крыса’, происхождение которого, по мнению В. И. Абаева, неясно [Абаев, 1: 511]. Возможно, в осетинском представлено заимствование из финно-угорских или тюркских языков, ср. ПТю **Kelejü* ‘полевая мышь’.

28) ПС **niəkv* ‘орел’: энец. *nik* ‘орел’ [Katzschmann, Pusztay 1978: 142]; кам. *nik* ‘орел’; мат. *nĭk* ‘орел’ [Helinski 1997: 319].

С о к р а щ е н и я

Языки и диалекты

- | | |
|--|--|
| аз. — азербайджанский | нан. — нанайский |
| алт. — алтайский | К-У — кур-урмийский говор |
| башк. — башкирский | Нх — найхинский говор |
| венг. — венгерский | нган. — нганасанский |
| гаг. — гагаузский | нег. — негидальский |
| долг. — долганский | ненец. — ненецкий |
| др.-уйг. — древнеуйгурский | Л — лесной ненецкий |
| каз. — казахский | Кis. — киселевский говор (среднекиселевский говор, в среднем течении р. Киселевская) [Lehtisalo 1956] |
| кам. — камасинский | Lj. — ляминский диалект [Lehtisalo 1956] |
| кар. — караимский | S — сахалинский говор (по р. Сахалинская) [Lehtisalo 1956] |
| кбалк. — карачаево-балкарский | Nj. — нялинский диалект [Lehtisalo 1956] |
| к.-з. — коми-зырянский | Р — пуровский диалект [Lehtisalo 1956] |
| печ. — печорский диалект | Т — тундровый ненецкий |
| сс. — среднесысольский диалект | б.-з. — большеземельский диалект |
| кирг. — киргизский | К — колвинский говор [Lehtisalo 1956] |
| ккалп. — каракалпакский | Sj. — усинский говор (говор по р. Уса) [Lehtisalo 1956] |
| крх.-уйг. — караханидско-уйгурский | U — устьинский (пустозерский) говор (говор с. Устье — Пустозерска) [Lehtisalo 1956] |
| IM — язык словаря Ибн-Муханны (XIV в.) | вост. — восточные диалекты |
| MK — язык словаря Махмуда Кашгарского (XI в.) | тайм. — таймырский диалект |
| кум. — кумыкский | ямал. — ямальский диалект |
| манс. — мансийский | O, O ₂ — обдорский говор (говор г. Обдорска, ныне — г. Салехарда) [Lehtisalo 1956] |
| I — западномансийский диалект (первой половины XIX в.) | OP — нижеобский говор [Lehtisalo 1956] |
| K — кондинский диалект | T ₁ , T ₂ , T ₅ , T ₇ , T ₁₂ — тазовский диалект [Lehtisalo 1956] |
| L — лозьвинские диалекты | зап. — западные диалекты |
| LM — среднелозьвинский диалект | м.-з. — малоземельский диалект |
| LO — верхнелозьвинский диалект | U-Ts. — данные по м.-з. диалекту, записанные в с. Усть-Цильма [Lehtisalo 1956] |
| LU — нижнелозьвинский диалект | <u>говory канинского диалекта:</u> |
| N — северномансийский диалект | M — мезенский говор [Lehtisalo 1956] |
| P — пельмский диалект | N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956] |
| T — тавдинский диалект | Sjo. — сёмжинский говор (говор по р. Сёмжа) [Lehtisalo 1956] |
| маньчж. — маньчжурский | |
| мар. — марийский | |
| мат. — маторско-тайгийско-карагасский | |
| морд. — мордовские | |
| мокш. — мокшанский | |
| P — пшеновский диалект [Paasonen 1990—1996] | |

- ног. — ногойский
 орок. — орокский
 ороch. — ороchский
 ОТю — общетюркский
 ПП — прапермский
 ПС — прасамодийский
 ПСС — прасеверносамодийский
 ПСТунг — прасевернотунгусский
 ПТМ — пратунгусо-маньчжурский
 ПТунг — пратунгусский
 ПТю — пратюркский
 ПУ — прауральский
 рус. — русский
 саам. — саамские
 I — инари-саамский
 сельк. — селькупский
 вас. — васюганский диалект
 ел. — елогуйский диалект
 кет. — кетский диалект
 об. — диалекты обского ареала
 с. — обские говоры сюсюкумов
 ч. — обские говоры чумылькупов
 ш. — обские говоры шёшкупов
 таз. — тазовский диалект
 тур. — туруханский диалект
 тым. — тымский диалект
 сол. — солонский
 с.-юг. — сарыг-югурский
 тат. — татарский
 тув. — тувинский
 тур. — турецкий
 туркм. — туркменский
 уд. — удэгейский
- удм. — удмуртский
 МУ — малмыжско-уржумский диалект [Wichmann 1987]
 узб. — узбекский
 уйг. — уйгурский
 ульч. — ульчский
 фин. — финский
 ФП — прафинно-пермский
 ФУ — прафинно-угорский
 хак. — хакасский
 кызыл. — кызыльский диалект
 саг. — сагайский диалект
 хал. — халаджский
 хант. — хантыйский
 I — иртышский диалект
 O — обдорский диалект
 P — данные X. Паасонена [Paasonen 1990—1996] без указания на диалект
 V — ваховский диалект
 Vj. — васюганский диалект
 чаг. — чагатайский
 чув. — чувашский
 шор. — шорский
 в.-к. — верхнекондомский говор
 эвен. — эвенский
 эвенк. — эвенкийский
 вост. — восточное наречие
 C — селемджинский говор
 И — илимпийский говор
 энец. — энецкий
 B — диалект бай
 эст. — эстонский
 юкаг. — юкагирский
 якут. — якутский

Общие

- анат. — анатомическое
 букв. — буквально
 детск. — детское
 диал. — диалект, диалектное
 литер. — литературное
- мед. — медицинское
 несов. — несовершенный вид
 совр. — современное
 N — имя существительное
 V — гласный

Литература

- Абаев — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1—4. М.—Л., 1958—1985. {*Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka. Vol. 1—4. M.—L., 1958—1985.*}
- Аникин 1997 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. {*Anikin A. E. Etimologicheskij slovar' russkih dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skih, altajskih i paleoaziatskih jazykov. Novosibirsk, 1997.*}
- Аникин, Хелимский 2007 — Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {*Anikin A. E., Helimskij E. A. Samodijsko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie sv'azi. M., 2007.*}
- Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {*Barmich M. Ja., Vello I. A. Slovar' nenetsko-russkij i russko-nenetskij (lesnoj dialekt): Okolo 6500 slov. Posobie dl'a uchashchihs'a nachal'noj shkoly. 2-e izd. SPb., 2002.*}
- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. Быконя В. В. Томск, 2005. {*Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / Ed. Bykon'a V. V. Tomsk, 2005.*}

Василевич 1969 — *Василевич Г. М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969. {*Vasilevich G. M.* Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.). L., 1969.}

Дыбо 1996 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. {*Dybo A. V.* Semanticheskaja rekonstruktsija v altajskoj etimologii: Somaticheskie terminy (plechevoj pojas). M., 1996.}

Костёркина, Момде, Жданова 2001 — *Костёркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб., 2001. {*Kost'orkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Ju.* Slovar' nganasansko-russkij i russko-nganasanskij. SPb., 2001.}

Кузнецова 1991 — *Кузнецова М. Н.* Названия диких и домашних животных в марийском языке. Магистерская работа. Тарту, 1991. {*Kuznetsova M. N.* Nazvanija dikih i domashnih zhivotnyh v marijskom jazyke. Magisterskaja rabota. Tartu, 1991.}

Курилов 2001 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001. {*Kurilov G. N.* Jukagirsko-russkij slovar'. Novosibirsk, 2001.}

КЭСЛЯ 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gull'aev E. S.* Kratkij etimologicheskij slovar' komi jazyka. M., 1970.}

МРС 1991 — *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991. {*Vasil'ev V. M., Savatkova A. A., Uchaev Z. V.* Marijsko-russkij slovar'. Joshkar-Ola, 1991.}

Норманская 2010 — *Норманская Ю. В.* Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // Вопросы уралистики. СПб., 2010. С. 260—296. {*Normanskaja Ju. V.* Novyj vzgl'ad na istoriju permskogo vokalizma: opisanie razvitija vokalizma pervogo sloga v komi i udmurtskom jazykah v zavisimosti ot prapermskogo udarenija i glasnogo vtorogo sloga // Voprosy uralistiki. SPb., 2010. P. 260—296.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12.) Szeged, 1978. {*Popova Ja. N.* Nenetsko-russkij slovar': Lesnoe narechie. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12.) Szeged, 1978.}

Приходько 2000 — *Приходько М. С.* Хомаку: Картинный словарь русско-нешанского языка. СПб., 2000. {*Prihod'ko M. S.* Homaku: Kartinnij slovar' russko-neshchanskogo jazyka. SPb., 2000.}

Сорокина, Болина 2009 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецко-русский словарь: с кратким грамматическим очерком. Около 8000 слов. СПб., 2009. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enetsko-russkij slovar': s kratkim grammaticeskim ocherkom. Okolo 8000 slov. SPb., 2009.}

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1—2 / Отв. ред. *Цинциус В. И.* Л., 1975—1977. {*Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov*. Vol. 1—2 / Ed. *Tsintsius V. I.* L., 1975—1977.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М.—Л., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenetsko-russkij slovar'. M.—L., 1965.}

Терещенко 1989 — *Терещенко Н. М.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. Л., 1989. {*Tereshchenko N. M.* Slovar' nenetsko-russkij i russko-nenetskij: Okolo 4000 slov. Posobie dl'a uchashchihs'a nachal'noj shkoly. 2-e izd. L., 1989.}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereshchenko N. M.* Nenetsko-russkij slovar'. SPb., 2008.}

Хелимский нган. карт. — Картотека словаря нганасанского языка, собранная Е. А. Хелимским.

ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {*Sevort'an E. V.* Etimologicheskij slovar' t'urkskih jazykov: Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na glasnye. M., 1974.}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1989. {*Etimologicheskij slovar' t'urkskih jazykov: Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy "Ž", "Zh", "J"* / Avt. sl. st. *Sevort'an E. V., Levitskaja L. S.* M., 1989.}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. ст. *Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И.* М., 1997. {*Etimologicheskij slovar' t'urkskih jazykov: Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy "K", "Q"* / Avt. sl. st. *Levitskaja L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I.* M., 1997.}

Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J.* / Zusammenge stellt und hrsg. von *J. Alatalo*. Helsinki, 2004.

DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1992.

Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.

Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache: Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Szeged, 1997.

Helimski 2007a — *Helimski E.* Энецкие словарные материалы // www.helimski.com, 2007. {*Helimski E.* Enetskie slovarnye materialy // www.helimski.com, 2007.}

Helimski 2007b — *Helimski E.* Нганасанские словарные материалы // www.helimski.com, 2007. {*Helimski 2007b — Helimski E.* Nganasanskie slovarnye materialy // www.helimski.com, 2007.}

Helimski 2007c — *Helimski E.* Селькупские словарные материалы // www.helimski.com, 2007. {*Helimski E.* Sel'kupskie slovarnye materialy // www.helimski.com, 2007.}

Helimski, Kahrs 2001 — *Helimski E., Kahrs U.* Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev (1903). Hamburg, 2001.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (= Castrenianumin toimitteita, 17.)

Katzschmann 1990 — *Katzschmann M.* Vorläufiges Nganasanisches Wörterverzeichnis auf der Grundlage alter und neuer Quellen. Teil 1: Nganasanisch-fremdsprachig. (Privatausgabe). S. 1., 1990.

Katzschmann, Pusztay 1978 — *Katzschmann M., Pusztay J.* Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis. Hamburg, 1978.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XIII.) Helsinki, 1956.

Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.

Paasonen 1990—1996 — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. Bd. I—IV. Helsinki, 1990—1996.

Pav. C. — *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. Paris, 1820.

Salminen 1993 — *Salminen T.* On identifying basic vowel distinctions in Tundra Nenets // Finnisch-ugrische Forschungen. 1993, 51. S. 177—187 // http://www.helsinki.fi/~tasalmin/FUF_51_177.pdf.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja: I. *Toivonen Y. H.* Helsinki, 1955; II. *Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J.* Helsinki, 1958; III. *Itkonen E., Joki A. J.* Helsinki, 1962; IV. *Itkonen E., Joki A. J.* Helsinki, 1969; V. *Itkonen E., Joki A. J., Peltola R.* Helsinki, 1975; VI. *Itkonen E., Joki A. J., Peltola R.* Helsinki, 1978. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII, 1—6.)

SSA — *Itkonen E., Kulonen U.-M.* Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. I—III. Helsinki, 1992—2000.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

РЕЗЮМЕ

В данной статье предложено 28 новых прасамодийских этимологий, также приведены их внешние соответствия в других уральских языках и гипотезы о заимствовании.

SUMMARY

The authors suggest 28 new Proto-Samoyedic etymologies, their external correspondences in other Uralic languages and the hypotheses about borrowings.

Ключевые слова: самодийские языки, тунгусские языки, тюркские языки, этимология, заимствование

Keywords: the Samoyedic languages, the Tungus languages, the Turkic languages, etymology, borrowing

К юбилею Григория Цереновича Пюрбеева



20 марта 2015 года исполнилось 75 лет со дня рождения ведущего отечественного ученого-монголоведа, крупного специалиста в области морфологии, лексики, синтаксиса, лексикографии монгольских языков, профессора Института языкознания РАН Г. Ц. Пюрбеева.

Воспользуемся этим календарным поводом, чтоб немного рассказать об этом замечательном человеке: трудно представить, что он сделает это сам.

Г. Ц. Пюрбеев родился 20 марта 1940 г. в с. Шатта (ныне п. Первомайский) Приютненского района Республики Калмыкия.

Детские и школьные годы прошли в сибирской деревне Епанешниково Куйбышевского района Новосибирской области. В 1957 г. закончил среднюю школу в с. Чумаково Михайловского района той же области.

Получив аттестат зрелости и похвальную грамоту, Г. Ц. Пюрбеев вступает в самостоятельную жизнь в переломный момент советского периода, когда начинаются первые робкие попытки реформировать сталинскую общественную систему. Реабилитация калмыцкого народа и восстановление его автономии дали счастливую возможность вернуться на родину. На глазах юноши воскресла родная Калмыкия. Поднимались города и села, а их новые названия говорили о давно забытом, светлом мироощущении калмыков. На страницах печати прошли лингвистические дискуссии, развенчавшие учение академика Марра и сделавшие проблемы языкознания актуальными и интересными.

Г. Ц. Пюрбеев поступает на калмыцкое отделение историко-филологического факультета Ставропольского педагогического института (1957).

В годы учебы под влиянием лекций преподавателей и профессоров Б. К. Пашкова, Б. Б. Бадмаева, Е. М. Ушаковой, А. К. Ждановой и др., творчества народного поэта С. К. Каляева — славного поколения «шестидесятников» — зрело и крепло желание профессионально посвятить себя монгольской филологии, и в 1964 г. Григорий Церенович поступает в аспирантуру Института языкознания АН СССР. Его научным руководителем стал известный советский монголовец Т. А. Бертагаев, многолетняя дружба и творческое общение с которым окончательно сформировали как стиль молодого ученого, так и его научные пристрастия.

Вся жизнь Григория Цереновича неразрывно связана с Институтом языкознания: здесь были учеба в аспирантуре, окончившаяся успешной защитой кандидатской диссертации, многолетняя работа, ступени научного и карьерного роста. Он с большой теплотой вспоминает годы работы в секторе тюркских и монгольских языков, переименованного в 1976 г. в лабораторию тюркологии и монголистики, а в 1997 г. — в отдел урало-алтайских языков.

Добросовестно работая в течение многих лет, Григорий Церенович заслужил своим высоким профессионализмом любовь и уважение коллег. В этот период, вспоминает он, большую роль в его научном росте, определении тематики исследований сыграл член-корреспондент РАН проф. Э. Р. Тенишев. При его поддержке и личном содействии академика Г. В. Степанова, бывшего тогда директором Института языкознания, Григорий Церенович защитил в 1983 г. на Восточном факультете ЛГУ (ныне Санкт-Петербургского университета) докторскую диссертацию на тему «Синтаксис сложного предложения монгольских языков: Синхронно-типологическое исследование».

Наставники Г. Ц. Пюрбеева не ошиблись, увидев в нем ученика, достойного продолжать и развивать традиции монголоведной школы. Аспирант, а впоследствии — научный сотрудник, он прошел путь до профессора, члена Ученого совета ИЯ РАН, члена многих диссертационных советов, эксперта совета по филологии ВАК РФ, эксперта РГНФ по языкознанию, члена Бюро Правления общества монголоведов РАН, академика РАЕН; коллектив ученых Института языкознания неоднократно выдвигал его кандидатуру на присвоение ему звания члена-корреспондента РАН. В настоящее время Г. Ц. Пюрбеева без преувеличения можно назвать не только высококвалифицированным специалистом, но и ключевой фигурой отечественного монголоведения, имя которого заслуженно пользуется известностью и авторитетом в кругах российских и зарубежных монголоведов.

Лингвистические интересы юбиляра разнообразны.

В научном багаже исследователя множество монографий, сотни статей и тезисов, десятки рецензий, рефератов, заметок.

Монография «Глагольная фразеология монгольских языков» и ряд статей об устойчивых сочетаниях и по сей день остаются основополагающими трудами по фразеологии монгольских языков, в которых даются характеристика фразеологизмов и устойчивых сочетаний с точки зрения структуры, значения, образования, частотности, употребления, критерии разграничения типологически сходных явлений, обобщается опыт отражения фразеологизмов в национально-русских словарях.

Глубокие исследования посвятил Г. Ц. Пюрбеев терминологии калмыцкого языка («Терминологизация слова в современном калмыцком языке» (1981); «О специфике терминологизации общеупотребительных слов в калмыцком языке» (1982); «Некоторые процессы и тенденции в современной монгольской терминологии» (1985); «Современная монгольская терминология» (1992) и др.). Статьи и монографии касаются истоков, истории формирования монгольской терминологической системы, отличий терминов от остальной лексики по их способу и средствам образования, функционирования, вопросов фонетической и морфологической вариантности в терминологии.

Обобщением, систематизацией, вершиной проделанной работы являются, безусловно, лексикографические труды исследователя: «Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов» (1971), «Фразеологический словарь калмыцкого языка», изданный в 1990 г. в соавторстве с Э. Ч. Бардаевым и Б. Д. Муниевым, а также «Толковый словарь традиционного быта калмыков» (1996), в котором дается толкование профессиональной лексики, отражающей основные стороны хозяйственной деятельности и традиционного быта калмыков.

Одной из основных сфер научных интересов ученого является синтаксис («О некоторых инновациях в синтаксисе предложения монгольских языков» (1977); «Категория модальности и ее выражение в монгольских языках» (1981); «Об актуальности типологического изучения синтаксиса предложения монгольских языков» (1984); «Синтаксические явления в памятниках монгольского феодального права 17—18 вв.» (1988) и др.). Обращение к синтаксическому разделу грамматики монгольских языков получило логическое завершение в фундаментальных монографических работах Г. Ц. Пюрбеева, ставших итогом его многолетних исследований: «Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис простого предложения» (1977); «Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис сложного предложения» (1979); «Типы сложных предложений в монгольских языках» (1979); «Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков: Синтаксис словосочетания» (1993).

В данных работах 1) на основе исследований Т. А. Бертагаева, У. У. Очирова, Г. Д. Санжеева изложены исходные теоретические положения о предикативности, модальности и интонации — основополагающих синтаксических категориях, без которых невозможно ни одно предложение; 2) даны классификация простых предложений, описание форм выражения главных и второстепенных членов предложения, причастных и деепричастных оборотов калмыцкого литературного языка; 3) адекватное опи-

сание сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, смешанных конструкций союзного и бессоюзного типа, роль в них дицендиального глагола *гих*; 4) установлены критерии дифференциации сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, оборотов и придаточных предложений; 5) дана общая классификация сложных предложений, состоящая из 43 разновидностей сложных конструкций; 6) впервые в монголоведении осуществляется историко-сопоставительный анализ структуры именных и глагольных словосочетаний в современных монгольских языках с учетом данных, зафиксированных в памятниках старомонгольского, классического монгольского, ойратского письменного и старокалмыцкого литературного языков, что позволило автору выявить структурно-типологические различия в словосочетаниях монгольских языков в диахроническом плане, факторы этих изменений и перспективы их изучения.

Отрадно отметить, что в настоящее время по инициативе КИГИ РАН планируется переиздание некоторых работ Г. Ц. Пюрбеева по синтаксису, и это решение представляется справедливым, т. к. они и по сей день остаются наиболее авторитетным отечественным грамматическим описанием калмыцкого языка в его синхронном, а также диахроническом аспектах.

Тематический круг работ ученого очень широк. В списке его трудов мы найдем работы по лексике и грамматике, антропонимике и топонимике, графике и орфографии, этнолингвистике и лингвокультурологии, литературоведению и стилистике, социоллингвистике и паралингвистике, по памятникам письменности и переводу.

Кроме широких творческих возможностей Г. Ц. Пюрбеев обнаруживает незаурядные научно-организационные способности, уделяя много сил и времени решению практических вопросов методики преподавания калмыцкого языка в учреждениях республики. Будучи главным консультантом Государственной комиссии по реформированию современной калмыцкой орфографии, он проделал большую работу по решению спорных вопросов калмыцкой орфографии и созданию столь необходимого «Орфографического словаря калмыцкого языка», который вышел в свет под его редакцией.

Дотошный текстолог и тонкий компаративист, исследователь уделяет внимание языку исторических и фольклорных памятников монголоязычных народов. Много любопытных сведений приводит Г. Ц. Пюрбеев в результате наблюдений над языком «Монгольского словаря Мукаддимат-ал-Адаб», монгольского памятника феодального права XVIII в. «Халха Джирум», эпоса «Джангар» и «Гэсэр». В связи с упоминанием его работ по фольклору калмыцкого народа следует заметить, что Г. Ц. Пюрбееву принадлежит заслуга возвращения в сознание современников исследовательских поисков известного монголиста Б. Х. Тодаевой, и в преклонном возрасте оставшейся в числе специалистов, активно работавших в области калмыковедения. Григорий Церенович является редактором трехтомника Б. Х. Тодаевой «Эпос «Джангар» синьцзянских ойратов КНР», а также редактором составленного ею «Словаря языка ойратов Синьцзяна», став инициатором того, чтоб работы талантливого ученого при поддержке КИГИ РАН своевременно увидели свет и дошли до адресата.

Из фундаментальных коллективных работ, в которых принимал участие Г. Ц. Пюрбеев, следует отметить серии «Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» (1997) и «Государственные языки в РФ» (1995), в которых им написан раздел «Калмыцкий язык»; статьи «Калмыцкий язык», «Бурятский язык», «Киданьский язык» — в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990). При составлении трехтомной энциклопедии «Языки РФ и соседних государств» Г. Ц. Пюрбеев написал, кроме статьи «Калмыцкий язык», вводный раздел «Монгольские языки».

Необходимо отметить, что в коллективных работах также проявились выраженные организаторские способности ученого, умеющего наметить издательский проект, разработать его план, подобрать подходящих авторов, добиться от них своевременного исполнения порученных работ. Так было при выполнении крупного международного проекта по составлению четырехтомного «Большого академического монгольско-русского словаря», реализация которого осуществлялась более десяти лет на основе объединенных усилий специалистов из ИЯ РАН и Института языка и литературы АН Монголии. Григорий Церенович был руководителем данного лексикографического проекта, одним из авторов, ответственным редактором всех четырех томов, изданных в 2001—2004 гг. в Москве при поддержке гранта РФФИ. Кроме того, он руководил проектами РФФИ «Многоаспектный тезаурус по современной монгольской лексике» (исполнители С. А. Крылов, И. А. Грунтов), «Историко-сопоставительные исследования по лексике и грамматике монгольских языков» (2006—2007).

А впереди — выполнение новых международных проектов, над которыми он уже неумоимо трудится, безвозмездно выполняя огромную научно-организационную работу: 75 лет — это дата, еще далекая от подведения итогов.

Г. Ц. Пюрбеев всегда внимателен и чуток к своим коллегам и учителям, умеет радоваться их новым работам и личным успехам. Так, причисляя к многочисленным ученикам Э. Р. Тенишева и себя, он на-

писал статью «Э. Р. Тенишев и монгольское языкознание» (2006), в которой говорится о большом вкладе выдающегося тюрколога с мировым именем, члена-корреспондента РАН, проф. Тенишева в развитие современного монгольского языкознания в России. Его перу принадлежат публикации — юбилейные отклики о жизни и деятельности Г. Д. Санжеева (1987), А. А. Дарбеевой (1987), Д. А. Павлова (1993) и др. Г. Ц. Пюрбеев написал рецензии, рефераты, хроникальные заметки о трудах Т. А. Бертагаева, Г. Д. Санжеева, Д. А. Сусеевой, М. Н. Орловской, У.-Ж. Ш. Дондукова, Л. М. Гореловой, Ш. Лувсанвандана, А. В. Кудиярова, Э. Б. Гучиновой и др.

Как великодушного и взыскательного оппонента на защитах диссертаций, его часто приглашают в этом качестве в Институт мировой литературы РАН, Институт востоковедения РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт русского языка имени А. С. Пушкина и т. д.

Продуктивную исследовательскую работу Г. Ц. Пюрбеев всегда сочетает с преподавательской и просветительской деятельностью: он является членом диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, профессором кафедры методики преподавания калмыцкого языка и литературы, председателем ГАК на факультете калмыцкой филологии КГУ.

Автору этих строк как-то довелось присутствовать на лекции по актуальным проблемам монголоведения, которую Григорий Церенович читал в Бурятском государственном университете в 2001 г. (Республика Бурятия). Помню неподдельный интерес, вызванный выступлением Г. Ц. Пюрбеева к его личности как ученому, крупному деятелю монголистики, яркому, неординарному человеку. Всем хотелось узнать его оценку нынешнего состояния монголоведения в России, его представления о наиболее актуальных направлениях развития. После были неформальные выступления гостей встречи, знающих ученого не только по публикациям и научно-организационной деятельности, но и лично. Резонанс был настолько значительным, что и после отъезда Григория Цереновича говорили о его простоте и доброжелательности, которые ему удалось сохранить, несмотря на заслуги и регалии.

Ученый-гуманитарий обычно хорошо представляет свой путь: много требований, и все они — больше к себе. Свобода, которая дается иногда бессребреничеством и одиночеством в толпе.

Григорий Церенович представляет собой счастливое исключение. Рядом с ним — всегда широкий круг учеников и последователей. В разные годы в этот круг входили и входят новые лица: стажеры, аспиранты, соискатели ученых степеней, практические работники образования, представители других отраслей науки и практики.

Думается, что здесь сказывается другая особенность Г. Ц. Пюрбеева — это его готовность работать с аспирантами и соискателями без какого-либо ограничения во времени. В любое время суток, в будний и праздничный день и даже независимо от самочувствия, Григорий Церенович способен принять ученика и полностью погрузиться в его проблемы. Нередко «мозговые штурмы» и процедурная сторона длятся часами, и Григорий Церенович готов консультировать, распечатывать приезжему ученику тексты, поить чаем, покупать дискеты и т. д. Часто ученики обращаются к нему не только с учебно-производственными вопросами. Это могут быть личные проблемы. Подлинный ученый, человек с богатейшим жизненным опытом, он может помочь найти выход из положения, подбодрить, оказать моральную поддержку.

Г. Ц. Пюрбеев выпустил десятки дипломников, аспирантов, дал «путевку в жизнь» многим кандидатам и докторам наук, которые в настоящее время работают в разных вузах в качестве профессоров и доцентов и всегда с гордостью говорят о нем как о своем учителе. Ему пишут и посылают свои книги из Калмыкии, Бурятии, Монголии, Китая — филологи, писатели, журналисты, делясь с ним своими профессиональными интересами. Он много и охотно выступает с докладами на научных конференциях по монголоведению и алтаистике, проходящих в разных уголках нашей страны, а также достойно представляет отечественное монголоведение за рубежом: в составе делегаций ученых РАН он побывал в Монголии, Китае, Вьетнаме, Чехословакии, Германии, Испании.

Заслуги Г. Ц. Пюрбеева отмечены на самом высоком уровне медалью Монголии «Найрамдал» (2000), медалью «850 лет Москвы», Почетной грамотой Правительства Республики Калмыкия (2000), Благодарностью Президента РАН Ю. С. Осипова в связи с 275-летием АН России (1999), званием Заслуженного деятеля науки Республики Калмыкия.

Успешность, которая так ценится в сегодняшней постперестроечной российской действительности, сопутствует Григорию Цереновичу во всех его начинаниях. Его работы создают надежный фундамент для будущих исследований, вводят материал монгольских языков в русло сравнительного алтайского языкознания. Он занимает заметное место в монголоведении, много и активно печатается, ездит, выступает; им воспитано много талантливых учеников.

Счастлив Григорий Церенович и в семейной жизни. Его жена Александра Павловна — врач, терапевт, дочь Лена — фармацевт. Бывает отрадно видеть, какой заботой и вниманием он окружен. Очень любит деда внучка Даяна, второклассника, которая с первых лет живет с Григорием Цереновичем и

Александрой Павловной и часто не уезжает даже на выходные: не хочет покидать дедушку, бабушку и школьных друзей. Благодаря присутствию рядом Александры Павловны Григорий Церенович может позволить себе роскошь не всегда вдаваться в житейские мелочи, не отвлекаться надолго от любимого дела. Жизнь в доме течет по строгому распорядку, заведенному Александрой Павловной: все удобно, под рукой, каждая вещь — на своем месте, и это как нельзя лучше располагает к работе, создавая ощущение стабильности и душевного комфорта, которого так не хватает в наше суматошное время.

Однако внешний успех, как это всегда бывает, — результат огромного и напряженного труда.

Когда-то в детстве он был сыном репрессированного народа. Мальчишкой из глухой сибирской деревни пешком ходил в соседнюю — в школу. Сельчане, имевшие в хозяйстве лошадей, возили своих детей в школу на телеге, боялись за их жизнь: волков много. Гришу звать с собой не решались: все-таки враги народа...

Вспоминается, как Григорий Церенович во время болезни редактировал первый том «Свода калмыцкого фольклора»: справился в кратчайшие сроки, делая перерывы только для операций на ноге.

Отзывчивый, снисходительный от природы, Григорий Церенович известен как человек строгой и бескомпромиссной этической позиции. Трудная судьба его народа рано научила его опираться всегда на самого себя, крепко дала понять: успех зависит не только от высших сил, но и от собственных.

Пожелаем юбиляру, а также его близким и друзьям, жить долго в добром здравии и творческом труде. Григорий Церенович находится в хорошей поре научной зрелости. Ему еще предстоит раскрыть свой немалый потенциал. Он встречает свое 75-летие, сохраняя исследовательскую напористость и целеустремленность. Впереди у него новые темы и новые книги.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена 75-летию Г. Ц. Пюрбеева — известного монголоведа, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (г. Москва): научным трудам юбиляра, педагогической деятельности, фактам биографии.

SUMMARY

The article is devoted to the 75th anniversary of Grigoriy Pyurbeev — known mongolist, Doctor of philology, Chief scientific researcher of the Department of the Ural-Altai languages in the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences, Moscow): his scientific works, teaching activities and biographical facts.

Ключевые слова: Пюрбеев Григорий Церенович, юбилей, научные труды, монгольские языки, калмыцкий язык

Keywords: Pyurbeev Grigoriy Tserenovich, anniversary, scientific works, the Mongolic languages, Kalmyk

**Ф. Г. Хисамитдинова — видный ученый-тюрколог
и талантливый организатор науки**



В этом году отмечает свой юбилей ученый-тюрколог, доктор филологических наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова.

Ф. Г. Хисамитдинова родилась 1 января 1950 г. в д. Рахметово Абзелиловского района Башкирской АССР. После окончания средней школы в 1966—1970 гг. училась в Белорецком педагогическом училище, в 1970—1974 гг. — на филологическом факультете Башкирского государственного педагогического университета в г. Уфе. Получив диплом, работала учителем русского языка и литературы. В 1976 г. поступила в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР (Москва). В 1980 г. защитила кандидатскую диссертацию. В 1978—1985 гг. работала младшим, затем научным сотрудником Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, в 1985—1995 гг. — старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой, деканом в Башгоспедуниверситете. В 1993 г. защитила докторскую диссертацию, в 1994 г. получила звание профессора. В 1995—1998 гг. работала министром народного образования Республики Башкортостан. В 1998—2005 гг. — зам. директора Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С 2005 г. по настоящее время — директор ИИЯЛ УНЦ РАН.

Ф. Г. Хисамитдинова известна в тюркологическом мире как специалист по фонетике, ономастике, лексикографии, этнолингвистике и истории башкирского языка. Ее вклад в башкирское и тюркское языкознание огромен. Ф. Г. Хисамитдиновой принадлежит более 300 научных публикаций, из них около трех десятков монографических работ и словарей.

Будущий ученый начала свою научную деятельность еще в студенческие годы: писала научные статьи, выступала на научных конференциях. На одной из конференций ее доклад высоко оценил крупный ученый, заведующий отделом урало-алтайских языков Института языкознания АН СССР Э. Р. Тенишев, который в последующем стал научным руководителем Фирдаус Гильмитдиновны.

Кандидатская диссертация Ф. Г. Хисамитдиновой, написанная на тему «Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный + глухой смычный» в историческом освещении» легла в основу мо-

нографии «История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике» [Хисамитдинова 1989]. В монографии излагается история башкирского языка, точнее фрагмент ее истории, связанный с рефлексацией смычных согласных. Рассмотрено развитие пратюркских консонантных сочетаний типа «сонорный + глухой смычный» (*лт, мт, нт, рт, нк, нк*) в середине слова в башкирском языке и его говорах на общетюркском фоне. Подробно представлены те сочетания звуков, которые имеют звонкие фонетические варианты как в отдельных говорах башкирского языка, так и в других тюркских языках. В ходе исследования этого языкового явления ученый приходит к выводу, что по алтайской и урало-алтайской теории родства языков происхождение системы сильных и слабых смычных и консонантных сочетаний башкирских говоров восходит к древнейшему периоду истории тюркских языков. Сочетания сонантов и глухих смычных согласных, встречающиеся в башкирском языке, сопоставляются с данными диалектов северных алтайцев, казахов, туркмен-емудов, сибирских татар, хакасов, шорцев, якутов, чувашей, сарыгууров, саларов, фрагментами текстов рунических и древнеуйгурских памятников, болгарских эпитафий. Исследователь отмечает, что в башкирском языке наблюдается сильнейшая тенденция к озвончению смычных в этих сочетаниях (переходу их в *лд, мд, нд, рз, нг, нг* и т. д.). Свою точку зрения автор обосновывает с представлением многочисленных примеров из диалектов и говоров башкирского языка. В работе показано, что распределение отсутствия озвончения в сочетаниях по башкирской территории не коррелирует с современными диалектными и говорными границами, но довольно хорошо связывается с территорией расселения башкирских племен *катай, табын* и *балыксы* (при том, что связь племенных границ с диалектными, как показано в современных диалектных описаниях, далеко не прямая). Повидимому, это явление очерчивает границы старого племенного объединения, впоследствии стертые инновационными процессами. Из описания Ф. Г. Хисамитдиновой хорошо видно, что при движении с запада на восток глухость все в меньшей мере сохраняется и в самой восточной части расселения этих племен встречается только в некоторых застывших формах. Таким образом, это явление, архаическое для племенного диалекта *катай, табын* и *балыксы*, хорошо сохранилось на западной периферии их расселения (впоследствии — в XVI в. — разбитой на две отдельные диалектные области), а с востока было частично устранено инновационными правилами сандхи, требующими звонкости на стыках морфем (см. [Хисамитдинова 1989: 14—32, 66—75]). Данное направление диалектологических исследований, вычленяющее архаические явления под новыми напластованиями, является весьма многообещающим для уточнения статуса других диалектных явлений башкирского языка и для тюркской диалектологии в целом.

Вторая крупная тема, разрабатываемая Ф. Г. Хисамитдиновой, посвящена также истории языка — формированию ойконимической системы башкирского языка, которая стала темой ее докторской диссертации. В 1991 г. она опубликована в виде монографии «Башкирская ойконимия XVI—XIX вв.» [Хисамитдинова 1991]. Проблемы исторической топонимии Башкирии решаются путем использования источников различного типа: «Экономических примечаний к генеральному межеванию», ревизий (переписей населения), списка башкирских деревень. Широко привлекаются материалы шежере (родословных), рукописные истории деревень, литературные и актовые материалы архивов, записи дореволюционных русских и башкирских писателей, путешественников. В книге рассматриваются лексико-семантические типы башкирской ойконимии XVI—XIX вв., детально анализируются названия населенных пунктов апеллятивного и онимического происхождения, подробно описывается структурно-словообразовательная характеристика ойконимов. Выход в свет этой монографии стал неоспоримым свидетельством того, что ряды башкирских языковедов пополнились состоявшимся специалистом по истории языка.

В 90-е годы XX века Ф. Г. Хисамитдинова стояла у истоков зарождения башкирской этнолингвистической науки. Она изучала лексику башкирского языка, связанную с мифологическим, этнокультурным содержанием. Так появились отдельные научные статьи по основным культурным концептам, мифологическим понятиям башкир [Хисамитдинова, Торма 1991, 1992; Хисамитдинова 1999, 2000, 2002a, 2002b, 2003, 2004a, 2004b, 2005a, 2006a; Hisamitdinova 1996a, 1996b, 1997, 2004, 2005, 2007].

Крупной работой последних лет является «Мифологический словарь башкирского языка» [Хисамитдинова 2010] — в определенной степени синтез мифологического и толкового словарей. Этот словарь представляет собой первый в башкироведении (и один из немногих в тюркологии и языковедении вообще) полный словарь слов и выражений башкирского языка и его диалектов, связанных с мифологическими представлениями башкир. Эта фундаментальная работа основана на громадном диалектном и фольклорно-этнографическом материале, собранном поколениями башкирских ученых; в сборе материалов автор словаря принимала самое непосредственное участие. Словарь включает около 5000 слов и словосочетаний, обозначающих понятия и термины башкирской мифологии. Словарные статьи посвящены именам и эпитетам мифических и мифологизированных персонажей, предметов и веществ, названиям явлений природы и стихий, растений и животных, наименованиям локусов внутреннего мира,

обычаям и обрядам, ритуалам и ритуальным действиям, временам и состояниям. Рассматривается также мифология традиционных праздников, обычаев и природных явлений. Таким образом, мифологическая терминология оказывается как бы отображением бытовой картины мира, охватывая тезаурус полностью. Издание является первой в тюркологической науке монографической лексикографической работой в области мифологии, которое может послужить образцом для создания мифологических словарей других тюркских языков.

В 2005 году в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН началась работа по составлению десяти томного «Академического словаря башкирского языка». Во главе такой трудоемкой работы стояла заведующий отделом языкознания Ф. Г. Хисамитдинова — инициатор создания словаря, разработчик принципов построения, автор и ответственный редактор.

Осознавая культурное и научное значение подобного словаря и назревшую потребность в таком издании, опираясь на обширную предшествующую лексикографическую литературу, Ф. Г. Хисамитдинова аккумулировала силы небольшого коллектива отдела языкознания Института истории языка и литературы УНЦ РАН на создание первого в истории башкирской лексикографии толково-переводного словаря. На сегодняшний день вышло в свет шесть томов (общим объемом 376 а. л.) [АСБЯ 2011—2014], подготовлены последующие два тома и находятся в стадии разработки два завершающих тома.

«Академический словарь башкирского языка» по своему объему и охвату различных пластов лексики башкирского языка является самым полным из всех ныне существующих лексикографических трудов, что и ставилось целью настоящего издания. В состав словаря включены наряду с лексикой литературного языка диалектная лексика, узкоспециальные слова, относящиеся к важнейшим терминологическим подсистемам, народная терминология и номенклатурная лексика, устаревшие слова, встречающиеся в художественных и других текстах, новые слова, фразеологизмы, в том числе вошедшие в язык в последние десятилетия широкоупотребительные фонетические и морфологические варианты слов. Отдельными словарными статьями включены словосочетания или словесные комплексы, имеющие одно устойчивое значение. В словаре даются этнокультурные значения отдельных лексических раритетов, играющих особую роль в духовной культуре башкирского народа.

В целом, «Академический словарь башкирского языка» представляет наиболее полное собрание башкирских лексем, основанное на богатых картотеках ИИЯЛ УНЦ РАН, насчитывающих более трех миллионов реестровых лексикографических единиц.

В настоящее время Ф. Г. Хисамитдинова возглавляет коллективный научный проект «История башкирского языка». Планируется фундаментальная монография, посвященная изучению формирования башкирского народно-разговорного и литературного языка. Впервые на обширном диалектном материале башкирского языка, а также с привлечением данных других тюркских языков рассматриваются специфические особенности и этапы их формирования, а также место башкирского языка среди других тюркских языков. Методической особенностью данной исторической грамматики является то, что в ней, кроме обычной для работ этого рода опоры на данные письменных памятников, выводы об этапах изменения башкирского языка строятся на основании сравнительно-исторической реконструкции на материале башкирских и других кыпчакских диалектов. Безусловно, проект носит новаторский характер и обещает внести серьезный вклад в сравнительно-историческое изучение тюркских языков.

С научными исследованиями Ф. Г. Хисамитдинова успешно сочетает научно-организационную и научно-педагогическую работу. В годы работы в Башгоспедуниверситете ею разработаны и изданы учебно-методические комплексы по дисциплинам «Введение в языкознание», «История башкирского языка», «Введение в тюркологию», «История и культура Башкортостана». Она является автором многочисленных учебных пособий по башкирскому языку, словарей [Хисамитдинова, Сиразитдинов 2001; Хисамитдинова 2004в, 2005б, 2005в, 2006б; Хисамитдинова, Муратова 2006, 2007; РБС 2005, 2008]. Ф. Г. Хисамитдинова проделала большую работу по созданию факультета башкирской филологии, кафедр башкирского языка, башкирской литературы и культуры, башкирско-английского, башкирско-турецкого, башкирско-немецкого отделений.

Будучи министром народного образования, Фирдаус Гильмитдиновна разработала ряд проектов, концепций и программ по развитию образования ([Хисамитдинова 1998]). Понимая всю важность и ответственность перед будущими поколениями за сохранение родного языка, Ф. Г. Хисамитдинова оказала содействие открытию башкирских школ, гимназий, лицеев в городах и районных центрах Республики Башкортостан, что способствовало развитию национального образования в Республике, расширению контингента детей, владеющих родным языком.

Возглавляя Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН с 2005 г., она показала себя как талантливый организатор, придала работе Института новую динамику, поставила перед коллективом фундаментальные перспективные задачи. В годы ее работы в качестве директора Ин-

ститута были осуществлены и находятся в стадии реализации такие масштабные проекты, как 7-томная «История башкирского народа» с документальным приложением в восьми книгах, 4-томная «История башкирской литературы» на русском языке, создание электронного корпуса башкирского языка, содержащего более 1 млн слов и словосочетаний, 36-томный свод «Башкирского народного творчества», 7-томная «Духовная культура башкир», реконструкция антропологических типов древнего и средневекового населения Южного Урала и т. д., не имеющие аналогов в мировой науке.

По инициативе Ф. Г. Хисамитдиновой в Институте периодически проводятся научные и научно-практические конференции: «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», «Урал-Алтай: через века в будущее», «Городские башкиры» и др.

Большое внимание Фирдаус Гильмитдиновна уделяет подготовке научных и научно-педагогических кадров. Под руководством Ф. Г. Хисамитдиновой защищено девять и подготовлены три кандидатские диссертации.

Ф. Г. Хисамитдинова является руководителем и исполнителем ряда научных проектов РГНФ, РФФИ, Программ Президиума и Отделения историко-филологических наук РАН. Активно участвует в международных, всероссийских, региональных и других научных конференциях, выступала с докладами на международных форумах в Казахстане, Киргизии, Азербайджане, Турции, Германии, Франции, Венгрии, Японии. К международной деятельности профессора Ф. Г. Хисамитдиновой также можно отнести разработку и чтение курсов «Современный башкирский язык» в Свободном университете Берлина (Freie Universität Berlin) в Германии, чтение лекций в Гази университете (Турция, Анкара), Стамбульском университете (Турция), Сегедском университете (Венгрия).

Ф. Г. Хисамитдинова является членом диссертационного совета по специальности 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации, членом Российского комитета тюркологов, а также членом Комиссии при Правительстве Республики Башкортостан по реализации Закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан».

Помимо активной научной, научно-педагогической деятельности, профессор Ф. Г. Хисамитдинова занимается общественной работой в Республике Башкортостан: в 1994—1999 гг. она являлась депутатом первого созыва Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, принимала участие в разработке и принятии законов РБ об образовании, культуре, средствах массовой информации, молодежной и семейной политике. В 1996—1998 гг. являлась председателем Союза женщин Республики Башкортостан, в 2000—2003 гг. — Общества башкирских женщин Республики Башкортостан, с 2000 г. — член Исполкома Всемирного курултая башкир. С 1999 г., как и все языковеды Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, принимает активное участие в разработке и реализации государственных программ: «Государственная программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан» на 2000—2005, 2006—2010, 2012—2016 гг., «Народы Башкортостана» и др.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность и активная общественная работа Ф. Г. Хисамитдиновой отмечена правительственными и отраслевыми наградами и грамотами. В 2003 г. она удостоена награды «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан», в 2008 г. — «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 2013 г. награждена орденом Дружбы народов Республики Башкортостан.

Профессор Ф. Г. Хисамитдинова, видный ученый-тюрколог, общественный деятель, один из ярчайших представителей башкирской гуманитарной науки, заслуженно пользуется высоким авторитетом среди общественности Республики Башкортостан и в научных кругах всей России и за рубежом.

Коллеги и ученики поздравляют Фирдаус Гильмитдиновну Хисамитдинову со знаменательной датой. Мы желаем ей долгих лет жизни и творческих успехов в дальнейшей работе.

Л и т е р а т у р а

АСБЯ 2011—2014 — Академический словарь башкирского языка / Под ред. Хисамитдиновой Ф. Г. Т. 1—6. Уфа, 2011—2014. {Akad'emicheskiĭ slovar' bashkirskogo jazyka / Ed. Hisamitdinova F. G. Vol. 1—6. Ufa, 2011—2014.}

РБС 2005 — Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан / Сост. Хисамитдинова Ф. Г., Шакуров Р. З., Сиразитдинов З. А., Юлдашбаев Ю. Х. Уфа, 2005. {Russko-bashkirskij slovar' vodnyh ob'ektov Respubliki Bashkortostan / Sost. Hisamitdinova F. G., Shakurov R. Z., Sirazitdinov Z. A., Juldashbaev Ju. H. Ufa, 2005.}

РБС 2008 — Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан / Сост. Хисамитдинова Ф. Г., Сиразитдинов З. А., Суфьянова Н. Ф. Уфа, 2008. {Russko-bashkirskij slovar' nazvanij ulits gorodov Respubliki Bashkortostan / Sost. Hisamitdinova F. G., Sirazitdinov Z. A., Sufjanova N. F. Ufa, 2008.}

Хисамитдинова 1989 — Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989. {Hisamitdinova F. G. Istorija bashkirskogo jazyka: Materialy po istoricheskoj fonetike. Ufa, 1989.}

Хисамитдинова 1991 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская ойконимия XVI—XIX вв. Уфа, 1991. {*Hisamitdinova F. G. Bashkirskaja ojkonomija XVI—XIX vv. Ufa, 1991.*}

Хисамитдинова 1998 — *Хисамитдинова Ф. Г.* О выполнении «Программы развития образования Республики Башкортостан на 1993—1998 гг.» и задачах образования на 1999—2003 гг. (проект концепции). Уфа, 1998. {*Hisamitdinova F. G. O vypolnenii "Programmy razvitija obrazovanija Respubliki Bashkortostan na 1993—1998 gg." i zadachah obrazovanija na 1999—2003 gg. (proekt kontseptsii). Ufa, 1998.*}

Хисамитдинова 1999 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Актуальные проблемы башкирской этнолингвистики // Ядьяр. 1999, 2. С. 89—94. {*Hisamitdinova F. G. Aktual'nye problemy bashkirskoj etnolingvistiki // Jadkar. 1992, 2. P. 89—94.*}

Хисамитдинова 2000 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Абдулкадир Инан и реликты погодной магии башкир // Тюркский мир и Россия на рубеже веков. IV Валидовские чтения. Уфа, 2000. С. 62—64. {*Hisamitdinova F. G. Abdulkadir Inan i relikty pogodnoj magii bashkir // T'urkskij mir i Rossija na rubezhe vekov. IV Validovskie chtenija. Ufa, 2000. P. 62—64.*}

Хисамитдинова 2002а — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская мифология: Словарь-справочник. Уфа, 2002. {*Hisamitdinova F. G. Bashkirskaja mifologija: Slovar'-spravochnik. Ufa, 2002.*}

Хисамитдинова 2002б — *Хисамитдинова Ф. Г.* Концепт *өлөш* 'доля' в башкирском языке // Межкультурный диалог в евразийском пространстве: Язык и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии. Уфа, 2002. С. 193—195. {*Hisamitdinova F. G. Kontsept ölösh 'dol'a' v bashkirskom jazyke // Mezukul'turnyj dialog v evrazijskom prostranstve: Jazyk i literatura v mezhkul'turnoj kommunikatsii narodov Evrazii. Ufa, 2002. P. 193—195.*}

Хисамитдинова 2003 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Змея в традиционной этиологии и лечебной магии башкир // Тюркология накануне XXI в.: Достижения, состояние и перспективы. Уфа, 2003. С. 271—275. {*Hisamitdinova F. G. Zmeja v traditsionnoj etiologii i lechebnoj magii bashkir // T'urkologija nakanune XXI v.: Dostizhenija, sostojanije i perspektivy. Ufa, 2003. P. 271—275.*}

Хисамитдинова 2004а — *Хисамитдинова Ф. Г.* Сакральная функция мифологических имен башкирского языка // Городские башкиры: Проблемы языка и культуры, здоровья и демографии. Уфа, 2004. С. 237—240. {*Hisamitdinova F. G. Sakral'naja funktsija mifologicheskikh im'on bashkirskogo jazyka // Gorodskie bashkiry: Problemy jazyka i kul'tury, zdorov'ja i demografii. Ufa, 2004. P. 237—240.*}

Хисамитдинова 2004б — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологема *өлөш* 'доля' в башкирском языке // Известия Министерства образования и науки, национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы, 2004. С. 95—100. {*Hisamitdinova F. G. Mifologema ölösh 'dol'a' v bashkirskom jazyke // Izvestija Ministerstva obrazovanija i nauki, natsional'noj Akademii nauk Respubliki Kazahstan. Almaty, 2004. P. 95—100.*}

Хисамитдинова 2004в — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирский язык: Интенсивный курс для учащихся ссузов. Уфа, 2004. {*Hisamitdinova F. G. Bashkirskij jazyk: Intensivnyj kurs dl'a uchashchihs'a ssuzov. Ufa, 2004.*}

Хисамитдинова 2005а — *Хисамитдинова Ф. Г.* Названия мифологизированных животных в башкирском языке // Актуальные проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания. Уфа, 2005. С. 207—244. {*Hisamitdinova F. G. Nazvanija mifologizirovannyh zhiivotnyh v bashkirskom jazyke // Aktual'nye problemy bashkirskogo, t'urkskogo i sopostavitel'nogo jazykoznanija. Ufa, 2005. P. 207—244.*}

Хисамитдинова 2005б — *Хисамитдинова Ф. Г.* Названия башкирских населенных пунктов XVI—XIX вв. Уфа, 2005. {*Hisamitdinova F. G. Nazvanija bashkirskih nasel'onnyh punktov XVI—XIX vv. Ufa, 2005.*}

Хисамитдинова 2005в — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирский язык: Интенсивный курс. Уфа, 2005. {*Hisamitdinova F. G. Bashkirskij jazyk: Intensivnyj kurs. Ufa, 2005.*}

Хисамитдинова 2006а — *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская мифонимия // Ономастика Поволжья: Материалы X Международной научной конференции. Уфа, 2006. С. 338—341. {*Hisamitdinova F. G. Bashkirskaja mifonimija // Onomastika Povolzh'ja: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Ufa, 2006. P. 338—341.*}

Хисамитдинова 2006б — *Хисамитдинова Ф. Г.* Географические названия Башкортостана: Словарь. Уфа, 2006. {*Hisamitdinova F. G. Geograficheskiye nazvanija Bashkortostana: Slovar'. Ufa, 2006.*}

Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. {*Hisamitdinova F. G. Mifologicheskij slovar' bashkirskogo jazyka. M., 2010.*}

Хисамитдинова, Муратова 2006 — *Хисамитдинова Ф. Г., Муратова Р. Т.* Башкирско-русский, русско-башкирский словарь для учащихся техникумов, колледжей, училищ. Уфа, 2006. {*Hisamitdinova F. G., Muratova R. T. Bashkirsko-russkij, russko-bashkirskij slovar' dl'a uchashchihs'a tehnikumov, kolledzhej, uchilishch. Ufa, 2006.*}

Хисамитдинова, Муратова 2007 — *Хисамитдинова Ф. Г., Муратова Р. Т.* Русско-башкирский, башкирско-русский словарь для изучающих башкирский язык как государственный. Уфа, 2007. {*Hisamitdinova F. G., Muratova R. T. Russko-bashkirskij, bashkirsko-russkij slovar' dl'a izuchajushchih bashkirskij jazyk kak gosudarstvennyj. Ufa, 2007.*}

Хисамитдинова, Сиразитдинов 2001 — *Хисамитдинова Ф. Г., Сиразитдинов З. А.* Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. Уфа, 2001. {*Hisamitdinova F. G., Sirazitdinov Z. A. Russko-bashkirskij slovar'-spravochnik nazvanij nasel'onnyh punktov Respubliki Bashkortostan. Ufa, 2001.*}

Хисамитдинова, Торма 1991 — *Хисамитдинова Ф. Г., Торма Й.* Демоны болезней в традиционной башкирской этиологии // Восток: Прошлое и будущее народов. IV Всесоюзная конференция. Тезисы докладов. М., 1991. С. 225—226. {*Hisamitdinova F. G., Torma J.* Demony boleznej v traditsionnoj bashkirskoj etiologii // Vostok: Proshloe i budushchee narodov. IV Vsesojuznaja konferentsija. Tezisy dokladov. M., 1991. P. 225—226.}

Хисамитдинова, Торма 1992 — *Хисамитдинова Ф. Г., Торма Й.* Термины лечебной магии башкир // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. III. Уфа, 1992. С. 137—140. {*Hisamitdinova F. G., Torma J.* Terminy lechebnoj magii bashkir // Vostokovedenie v Bashkortostane: Istorija. Kul'tura. III. Ufa, 1992. P. 137—140.}

Hisamitdinova 1996a — *Hisamitdinova F. G.* Die Baschkirische Heilmagie und ihre sprachliche Wurzeln // Muslim Culture in Russia and Central Asia from 18th to the Early 20th Centuries. Berlin, 1996. P. 37—48.

Hisamitdinova 1996b — *Hisamitdinova F. G.* Magic vocabulary in Bashkir // Etudes Mongoles et Siberiennes. Lathno, 1997. P. 145—150.

Hisamitdinova 1997 — *Hisamitdinova F. G., Torma József* “A tuznek mondom!” (a Bashkir nepi orvoslas magikus elemeinek mai rendszere). Budapest, 1997.

Hisamitdinova 2004 — *Hisamitdinova F. G.* Finn-Ugrian elements in the Bashkir mythology // Proceedings of the VIth Hungarian World Congress. Budapest, 2004. P. 361—367.

Hisamitdinova 2005 — *Hisamitdinova F. G.* Başkurt tilinde halk felsefesinin yansinasi // I Uluslararası Asya Felsefe Derneği sempozyumu “Asya toplumlarının Feraseti”. Istanbul, 2005. P. 391—393.

Hisamitdinova 2007 — *Hisamitdinova F. G.* The concept of portion (“elesh”) in Bashkir mythology // Proceedings of the 46th meeting of the Permanent International Altaistic conference (PIAC). Ankara, 2007. P. 231—325.

РЕЗЮМЕ

В данной работе содержится попытка анализа роли ученого Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой в башкирском языкознании и тюркологии, а также краткий обзор ее многолетней деятельности.

SUMMARY

In the paper the author studies Firdaus Hisamitdinova's role in the Bashkir linguistics and Turkology and gives a brief overview of her studies.

Ключевые слова: тюркология, башкирское языкознание, гуманитарные науки

Keywords: Turkic studies, Bashkir linguistics, the humanities

Библия [удмурт кылын] / Пер. протодиакон Михаил Атаманов.

Богословский ред. Марья Картано.

Институт перевода Библии (Хельсинки). Хельсинки — Ижевск, 2013. 1696 с.

21 ноября 2013 г. в Удмуртской Республике (Удмурт Элькун) в жизни всех групп удмуртов, живущих на исторической родине и за ее пределами, совершилось выдающееся событие: удмуртский народ впервые в свои руки взял полную каноническую Библию на родном языке. В этот день зал Национального театра, вмещающий более 500 человек, был заполнен народом. Присутствовали члены правительства, министры, зарубежные гости — члены Библейских обществ Финляндии, Швеции, Эстонии, России, представители Московской Патриархии, Удмуртской Митрополии, священнослужители, писатели, журналисты, артисты, ученые, студенты, учащиеся школ и пенсионеры, жители городов и сел Удмуртии, Татарстана, Башкортостана, а также представители армянской и чувашской диаспор Удмуртии.

В своем послании участникам торжества по случаю выхода Библии на удмуртском языке Глава Удмуртской Республики А. А. Волков отметил: «Сегодня Удмуртия обрела еще один новый символ. У нас есть Конституция Удмуртской Республики, наш основной закон. У нас есть Энциклопедия Удмуртии, как свод знаний по истории и современности нашего края. Удмуртия имеет свою государственную символику. А теперь мы обрели Священное Писание на удмуртском языке, как духовную конституцию и духовную энциклопедию христиан-удмуртов» [Религиозные праздники 2014: 42—43].

Библия — это Книга книг, древний письменный памятник общекультурного наследия человечества. До недавнего времени Библия усилиями Институтов перевода Библии из Стокгольма, Хельсинки, Москвы, Санкт-Петербурга была переведена полностью на четыре языка народов России: помимо русского, это чувашский, тувинский и чеченский языки. Из финно-угорских народов России удмурты первыми получили в свои руки полную каноническую Библию.

В своем послании Главный федеральный инспектор по Удмуртской Республике Д. А. Мусин отметил: «Основные произведения человеческой цивилизации люди должны читать на родном языке, тогда они проходят через самое сердце. Язык, на котором мы говорим с самого рождения, помогает нам глубже открыть истину Священного Писания, по-особому ощутить удивительную красоту окружающего мира, наполненного любовью и милосердием... Уверен, перевод Священного Писания на удмуртский язык станет важнейшим вкладом в развитие удмуртской культуры, расширяющим национальное культурное пространство современной России» [Религиозные праздники 2014: 43].

Русская Православная Церковь (РПЦ МП) считает, что перевод Библии на языки народов России является общецерковной задачей, на важность которой неоднократно указывал в своих выступлениях Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Так, на заседании Издательского совета 18 ноября 2009 г. Святейший владыка подчеркнул, что «мы не можем ограничивать свою деятельность только ареалом русского языка: Русская Церковь многонациональна, и у нас должны быть издания на многих других языках» [Инвожо 2014: 52].

Необходимость создания переводов Священного Писания на языки народов России сегодня актуальна, как никогда, — считает священноначалие РПЦ МП. Особенность нашей эпохи заключается в уникальных возможностях для христианского просвещения, которые мы не имеем права упустить. Любому человеку ближе слово, сказанное на его родном языке, и если это Слово Божие, то посредством родного для человека оно глубоко западает в его сердце. Именно поэтому Церковь Христова всегда стремилась проповедовать людям Евангелие на их родном языке.

В своем поздравительном послании участникам торжества в Удмуртии Председатель Издательского Совета РПЦ МП Митрополит Калужский и Боровский Климент отметил и такую важную сторону издания Библии на удмуртском языке: «Можно с уверенностью сказать, что появление удмуртского перевода корпуса библейских книг является залогом сохранения самобытной удмуртской культуры. Удмуртский язык благодаря этому переводу обогатился православной богослужебной терминологией, библейским понятийным аппаратом (...) Перевод на удмуртский язык всего корпуса священных книг будет свидетельствовать о значительной роли христианского просвещения в сохранении и приумножении духовного и культурного богатства удмуртского народа, для которого сегодня пришел черед обрести в сокро-

Кондратьева Наталья Владимировна, Удмуртский государственный университет, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск); nataljakondratjeva@yandex.ru; Булычева Елена Александровна, Удмуртский государственный университет (Ижевск); bulychevae@mail.ru

вищнице своей национальной литературы, драгоценную жемчужину — текст Священного Писания, которое, несомненно, станет фундаментом дальнейшего развития удмуртской письменности и просвещения... Хотел бы особенно подчеркнуть, что удмуртский перевод Библии создан Священнослужителем РПЦ МП — протодиаконом Михаилом Атамановым, и имеет все признаки богослужебного перевода, и следовательно, перевода церковного» [Религиозные праздники 2014: 43—44].

К переводу Библии М. Г. Атаманов приступил в 1991 г. по благословению Св. Патриарха Алексия II по просьбе Института перевода Библии из Хельсинки (Финляндия). Но, как говорит сам переводчик, к переводу отдельных книг Священного Писания он приступил еще в 80-е годы XX в. по благословению старцев православных монастырей, а еще раньше — по наставлению своего научного руководителя эстонского ученого финно-угроведа академика Пауля Аристэ, верующего православного христианина, который не раз напоминал своим аспирантам, что «каждый цивилизованный народ должен иметь Библию на родном языке». В одном из своих писем П. Аристэ своему ученику напомнил: «Ты, безусловно, был один из самых способных аспирантов. Я уверен, что будешь крупным финно-угроведом» (Тарту, 11.12.1978) [Личный архив 2012: 20].

После завершения обучения в аспирантуре в Тартуском университете М. Г. Атаманов одиннадцать лет трудился в секторе языка Удмуртского НИИ. За это время он издал две книги («Удмуртская ономастика: Этнонимика, топонимика, антропонимика» (1988), «Удмурт нимбугор: Словарь личных имен удмуртов» (1990)), ставшие классикой удмуртской лингвистики.

Перейдя в 1990 г. на службу в Православную церковь и приняв сан диакона, ученый-исследователь не оставляет научное поприще: в 1996 г. М. Г. Атаманов защитил докторскую диссертацию по теме «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов»; подготовил к изданию пять монографий: «История Удмуртии в географических названиях» (1997), «По следам удмуртских воршудов» (2001), «От Дондыкара до Урсыгурта: Из истории удмуртских регионов» (2005), «Песни и сказы ушедших эпох: Эгра кырза, Эгра вера» (2005), «Происхождение удмуртского народа» (2010). В настоящее время М. Г. Атаманов трудится над подготовкой к изданию еще одного эпохального труда — «Язык Земли Удмуртской: Историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона».

Вопросы исторической ономастики и этнической истории, этногенеза удмуртского народа являются центральными в научной деятельности М. Г. Атаманова, протодиакона, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Финно-угорского научно-образовательного центра при Удмуртском государственном университете. Он также является членом двух диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, функционирующих на базе Удмуртского государственного университета. Начиная с 1991 г. творческая биография ученого уже тесно переплетается с работой над переводом и выпуском книг Священного Писания и богослужебной литературы на удмуртском языке, а также научным осмыслением библейской терминологии.

Помимо книг Священного Писания М. Г. Атаманов перевел, издал и распространил православную богослужебную и духовную литературу: «Даньяса кырзан гурьёс» [Акафистник] (1994); «Часэн-часэн вöсяськонъёс но кырзанъёс» [Часослов. Молитвы и песнопения] (1994—2013; выдержал 11 переизданий); «Удмурт кылын литургия» [Литургия на удмуртском языке] (2001); «Быдзым жыт служба. Ъукна вöсяськон» [Великая вечерня. Утренняя] (2002) и др.

М. Г. Атаманов (литер. псевдоним Атаманов-Эграпи Гавир Микаль) — член Союза писателей России, опубликовал несколько книг на религиозно-духовную, нравственную тематику. За сборник эссе «Мон — удмурт. Малы мыным вöсь?» [Я — удмурт. Отчего мне больно?] получил литературную премию «Программы родственных народов Эстонии» (2009). На основе всех жанров удмуртского фольклора, историко-этнографических сюжетов он создал национальный эпос «Гангыра» (2008, 2012).

В течение многих лет М. Г. Атаманов ведет радиопроповеди на евангельские, историко-филологические тематики на удмуртском языке, более десяти лет он вел страницу на религиозно-нравственную тематику в республиканской газете «Удмурт дунне», ежегодно дает многочисленные интервью для республиканских и зарубежных СМИ. Так он оттачивает свой язык не только как ученого, но и писателя, проповедника и переводчика. Михаил Гаврилович родился в простой удмуртской христианской семье, где малограмотные родители (дореволюционное поколение) говорили на абсолютно чистом удмуртском языке. Их безусловное влияние в сочетании с высшим образованием и глубокой любовью к родному языку, национальной культуре сделали М. Г. Атаманова плодотворным ученым, писателем-эссеистом, публицистом, переводчиком Священного Писания на удмуртский язык.

Для переводчика, для богословского редактора из Института перевода Библии из Хельсинки, консультантов из Международных Библейских обществ велика ответственность перед народом, его языком, историей, культурой, а самое главное, как они сами считают, — перед Богом: ни в каком случае нельзя

искажить текст Священного Писания, нельзя пропустить или добавить слово, изменяющее содержание текста. Как сказано в Библии: «(…) если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы: и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей» [Откровение 22: 18—19].

Перевод книг Священного Писания требует, во-первых, безукоризненного, отличного знания языка, на который идет перевод, а также с которого переводится библейский текст, а еще и языка оригинала (в данном случае, ответственность лежит на богословских редакторах и консультантах — это главная их функция в работе над переводом Библии); во-вторых, от переводчика, богословского редактора, консультантов требуется огромная эрудиция — знание истории, культуры, религии, географии древнего мира — Ближнего Востока, Северной Африки, стран Средиземноморского региона, в первую очередь, Израиля с Иудеей, а также Египта, Вавилонии, Ассирии, Финикии, Мидии, Персии, Древней Греции, Римской империи и др. стран и народов Евразии, Африканского континента. Очень важно знать, помимо языка, историю, этнографию, мифологию народа, на язык которого переводится Библия.

Одной из сложнейших задач, стоящих перед всяким переводчиком Священного Писания, является адекватное воспроизведение в переводе сакральной терминологии оригинала — особенно в том случае, когда авторитетных переводов на целевом языке нет, и, соответственно, отсутствует более или менее развитая система христианских терминов. «Согласно теории динамической или функциональной эквивалентности, взятой на вооружение ведущими библейскими организациями, адекватный перевод должен воздействовать на современного читателя так же, как оригинал — на первоначальную аудиторию, и отвечать критериям точности, ясности, естественности» [Асратян 1999: 109—110].

Перевод Библии на удмуртский язык, осуществленный признанным ученым финно-угроведом, священнослужителем РПЦ МП М. Г. Атамановым при активном участии богословского редактора Марьи Картано, соответствует всем этим требованиям. Как говорят и пишут благодарные читатели, «каждое слово доходит до ума и сердца, ни одно предложение не остается непонятным. Когда бы мы прочитали всю Библию на русском языке и все бы поняли?».

В удмуртском языке еще с прошлого столетия ведется работа по формированию единого литературного языка. Тем не менее, есть определенные различия в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе между севернoudмуртским (сев.) и южнoudмуртским (южн.) наречиями. Учитывая, что сам переводчик является носителем южнoudмуртского наречия (его родная деревня расположена на крайнем юге Удмуртии, на границе с Татарстаном), кажется закономерным вопрос: насколько широко распространено влияние родного наречия в тексте перевода? Ответ на этот вопрос сложный, требует дальнейшего изучения. На первый взгляд, переводный текст звучит на литературном языке. Но литературный язык сформировался и развивается на основе двух наречий, состоящих из отдельных диалектов и говоров.

Для примера приводим несколько слов из Библии с морфологическими и лексическими отличиями между севернoudмуртским и южнoudмуртским наречиями. Одним из ярких признаков между этими наречиями является показатель винительного падежа множественного числа имен существительных, местоимений: в удм. сев. выступает *-ты*, в южн. — *-ыз* (в литер. языке употребляются обе формы), например: сев. *адямиосты* (в Библии употреблено 143 раза) — южн. *адямиосыз* (44 раза) ‘людей’; сев. *ожгарчиосты* (56 раз) — южн. *ожгарчиосыз* (39 раз) ‘воинов’; сев. *соосты* (1792 раза) — южн. *соосыз* (15 раз) ‘их’ и т. д. Как показывают количественные подсчеты, в переводе с большим преимуществом преобладает использование севернoudмуртского форманта *-ты*.

На уровне лексики, с нашей точки зрения, ярко выраженных диалектных слов употреблено немного, больше использованы неологизмы, историзмы, архаизмы. В ряде случаев использованы дублиеты диалектизмов, встречающихся в литературном языке, например: сев. *коньдон* (с производными аффиксами представлено 64 раза) — южн. *уксё* (21 раз) ‘деньги’; сев. *колодча* (21 раз) — южн. *куйы* (не представлено) ‘колодец’; в данном случае преимущество получило слово *гудзем* ‘колодец’ (51 раз), чаще используемое в срединных говорах.

В названиях известных терминов родства *анай* ‘мать’ (с производными аффиксами использовано 39 раз), *атай* ‘отец’ (1657 раз) использованы только южнoudмуртские варианты; древнеудмуртские эквиваленты *мумы* ‘мать, самка’, *айы* ‘отец; самец’ использованы только в значении ‘самка’ и ‘самец’.

В канонической Библии на удмуртском языке употреблено около 42 тыс. слов с морфологическими признаками. Помимо нарицательной лексики, среди них немалое место занимает ономастический материал — названия стран, городов, деревень, морей, гор, рек, пустынь; имена царей, пророков, отважных воинов, полководцев, рабов, благочестивых людей и врагов Израиля (~ Иудеи); теонимы — имена богов, божеств.

Без использования интралингвистических ресурсов удмуртского языка в создании неологизмов, с обилием русских заимствований удмуртский текст, с нашей точки зрения, выглядел бы куцым, мало-

привлекательным, многочисленными сноски с объяснениями значений слов мешали бы чтению текста Священного Писания. Именно поэтому в тексте перевода Библии на удмуртский язык использованы такие важные неологизмы — библейские термины, как *Кузё-Инмар* ‘Господь’, *Кузё-Атай* ‘Владыка’, *Дунне Кутись* ‘Владыка; Вседержитель (Бог)’; *дун-сьёлыктэм* ‘безгрешный, непорочный; святой’; *дун-чылкыт* ‘чистый, непорочный, святой’; *дун-шектэм* ‘непорочный, совершенный, целомудренный, святой’; *визьлык* ‘мудрость, премудрость’; *изкар* ‘крепость’; *кузёйыр* ‘начальник, вельможа, чиновник’; *курон-косон* ‘заповедь’; *лулмугор* ‘плоть’; *мед-кузьым* ‘награда’; *мерлык* ‘община, общество’; *паймымон тодмет* ‘знамение’; *пуктон-косон* ‘устав, определение’; *салам-кузьым* ‘дар, подарок; приношение, жертва Богу’; *сйзён-косон* ‘завет, завещание, обетование’; *шонерлык* ‘праведность, правдивость; святость, благочестие’; *Лушкем Жытан* ‘Тайная Вечеря’; *усьтиськон* ‘откровение (~ апокалипсис)’ и много других слов-неологизмов, не зафиксированных еще в нормативных словарях удмуртского языка.

Эта огромная по величине, священная по духу и назначению книга не могла обойтись и без историзмов, архаизмов: *бакель карыны* ‘благословить’; *бакельлык* ‘благословение’; *вылэ жутон (мычон)* ‘возношение (жертвы Богу)’; *гогы вандйсь* ‘повивальная бабка’; *дэлет* ‘благодать’; *есо* ‘навой; пришивица (ткацк.)’; *йыран* ‘межа, грань’; *кабыл басьтыны* ‘принять благосклонно, с радостью’; *каланча* ‘башня’; *кõрык* ‘горн, горнило’; *курбон* ‘жертва’; *курбон сётон* ‘жертвоприношение’; *мушко* ‘корзина (плетенка)’; *налык* ‘капкан, силок, петля’; *õкыныны* ‘раскаиваться, сожалеть’; *озон* ‘пристань, гавань, переправа’; *пыдйылчи* ‘странник, скиталец’; *шыднар* ‘деверь (брат мужа)’; *янчик* ‘кисет, кошелек, портмоне’ и др.

В удмуртском переводе Библии широко представлены слова, расширившие свое значение: *агай-выньёс* 1) ‘братья’; 2) ‘братья во Христе, последователи учения Иисуса Христа’; *вылэ жутон* 1) ‘поднимание вверх’; 2) ‘возношение (жертвы Богу)’; *ляльчи* 1) ‘батрак, наемный работник’; 2) ‘раб’; *кагаз* 1) ‘бумага’; 2) ‘свиток, документ’; *пумитъяськись* 1) ‘противящийся; противник, непокорный; враг’; 2) ‘антихрист’ и др.

Как отмечает автор перевода, перевод Библии на удмуртский язык велся с Септуагинты — с русского языка, с использованием книг Священного Писания Ветхого и Нового завета на церковнославянском языке. Естественно, русизмы широко представлены и в удмуртской версии Библии. Также здесь представлены семитизмы, эллинизмы, латинизмы, широко употребляющиеся в славянском и русском переводах Библии, такие, как *Пасха, суббота, синагога, фарисей, садуккей, ад, геена, кесарь, динарий, архиерей* и др. Географические названия Палестины, Ближнего Востока, Египта, Древней Греции, Сирии, Римской империи, а также личные имена жителей тех стран и народов даны в славянско-русской оглазовке, принятой Православной церковью через греков Византийской империи, например: *Иерусалим, Иордан, Израиль, Дамаск, Генисарет, Иерихон, Вифания, Сйнай, Сйон, Вавилон; Иисус, Мария, Лазарь, Иоанн, Андрей, Александр, Марк, Лука, Иаков* и др. [Атаманов 1999].

Несомненным достоинством книги является то, что в конце книги даны разъяснения библейских слов и выражений, неизвестных рядовому читателю, например: «*авва* — арамей кылын ‘атай’ шуэм луэ; *Инмысь Атайлы* но тазы вазиськылйзы (*Мк. 14:36; Рим. 8:15; Гал. 4:6*)» [Библия 2013: 1649]; «*аминь* — еврей кылын *амен* ‘зэм ик, озьы, шонер’ шуэм луэ (*Лыд. 5:22; Рим. 9:5*)» [Библия 2013: 1649]; «*осанна* — еврей кыл: ‘юртты; уть’ шуэм луэ (*Мф. 21:9, 15; Мк. 11:9—10; Ин. 12:13*)» [Библия 2013: 1654]; «*эллин*, зуч Библияын — *еллин* — 1) грек калыклэн вашкала нимыз (*Иоиль 3:6; Ап. уж. 17:12*); 2) *Виль Сйзёнын ваньмыз*, иудей луисьтэм калыкёс, *эллин* шуэмын (*Рим. 3:9; Гал. 3:28*)» [Библия 2013: 1658] и др. Здесь же приводятся названия праздников, встречающихся в Библии, с кратким разъяснением их содержания. Данное издание украшают цветные иллюстрации — схематические карты, связанные с жизнью еврейского и других народов Ближнего Востока, Северной Африки, Средиземноморского региона в эпоху Ветхого и Нового Заветов, четыре карты связаны с миссионерской, проповеднической деятельностью св. апостола Павла.

В своей рецензии ученый, писатель, журналист А. Г. Шкляев отмечает: «Многие годы жизни протоиерей Михаил Атаманов отдал переводу Священного Писания на удмуртский язык и хорошо знает, насколько трудоемка и ответственна эта работа. Каждое слово, каждая фраза сверялись им и богословским редактором Марьей Картаню не только с русским, церковнославянским вариантами, но и древнегреческим и древнееврейскими оригиналами, а также английскими, финским переводами разных эпох» [Шкляев 2008: 8].

«Несмотря на все трудности, искушения, — говорит переводчик Библии и богослужебной литературы, — радость огромная: основной тираж — 5000 экземпляров — разошелся буквально за три месяца. Следует подчеркнуть, что такими большими тиражами в последние 25 лет не выходит ни одна газета, журнал, тем более художественная литература на удмуртском языке. Радость моя еще и в том, что народ читает Библию и благодарит Бога и нас, — говорит протоиерей Михаил. — За полгода одна пожилая

женщина успела прочитать всю Библию три раза. Знаю и других женщин, которые за два месяца прочитали всю Библию. Это самая великая радость для переводчика и Института перевода Библии. Если народ молится, читает библейскую и другую литературу на родном языке — удмуртский язык жив, он развивается. Что может быть более радостным, великим для любящего родной народ, его язык, историю, культуру человека!».

Сокращения

литер. — литературный	удм. — удмуртский
ткацк. — ткацкий	сев. — северноудмуртское наречие
	южн. — южноудмуртское наречие

Литература

Асратян 1999 — *Асратян Д. К.* Перевод библейских терминов и критерии его успешности (из опыта переводов на осетинский язык) // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии. М., 1999. С. 109—128. {*Asrat'an D. K. Perevod biblejskih terminov i kriterii ego uspešnosti (iz opyta perevodov na osetinskij jazyk) // Perevod Biblii v literaturah narodov Rossii, stran SNG i Baltii. M., 1999. P. 109—128.*}

Атаманов 1999 — *Атаманов М. Г.* Русские заимствования в удмуртских переводах Евангелия от Марка // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии. М., 1999. С. 197—202. {*Atamanov M. G. Russkie zaimstvovaniya v udmurtskih perevodah Evangelija ot Marka // Perevod Biblii v literaturah narodov Rossii, stran SNG i Baltii. M., 1999. P. 197—202.*}

Библия 2013 — Библия [удмурт кылын] / Пер. протодиакон *Михаил Атаманов*. Богословский ред. *Марья Картамо*. Институт перевода Библии (Хельсинки). Хельсинки — Ижевск, 2013. {*Biblija [udmurt kylyn] / Transl. protodiakon Mihail Atamanov. Ed. Mar'ja Kartano. Institut perevoda Biblii (Hel'sinki). Hel'sinki — Izhevsk, 2013.*}

Инвожо 2014 — Торжества, посвященные презентации издания перевода Библии на удмуртском языке // Инвожо. 2014, 9. С. 52—56. {*Torzhestva, posv'ashchonnye prezentatsii izdaniya perevoda Biblii na udmurtskom jazyke // Invožo. 2014, 9. P. 52—56.*}

Личный архив 2012 — Личный архив М. Г. Атаманова // Михаил Гаврилович Атаманов — ученый, проповедник, писатель. Ижевск, 2012. {*Lichnyj arhiv M. G. Atamanova // Mihail Gavrilovich Atamanov — uchonyj, propovednik, pisatel'. Izhevsk, 2012.*}

Откровение — Библия: Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис). {*Biblija: Otkrovenie Ioanna Bogoslova (Apokalipsis).*}

Религиозные праздники 2014 — Религиозные праздники 2014: Календарь-справочник. Ижевск, 2014. {*Religioznye prazdniki 2014: Kalendar'-spravochnik. Izhevsk, 2014.*}

Шкляев 2008 — *Шкляев А. Г.* Пафос публициста // К источнику жизни — Улонлэн ошмесэз доры. Ижевск, 2008. С. 3—8. {*Shkl'aev A. G. Pafos publitsista // K istochniku zhizni — Ulonlen oshmesez dory. Izhevsk, 2008. P. 3—8.*}

РЕЗЮМЕ

В статье представлена творческая биография ученого, писателя, переводчика книг Священного Писания и богослужебной литературы на удмуртский язык М. Г. Атаманова, а также рассматриваются некоторые лингвистические особенности перевода Библии на удмуртский язык.

SUMMARY

The article deals with the biography of Mikhail Atamanov, a researcher, writer and translator of Bible and liturgical books into the Udmurt language. Also some linguistic aspects of Bible translation into Udmurt are analysed.

Ключевые слова: удмуртский язык, неологизмы, словообразование, Институт перевода Библии

Keywords: Udmurt, neologisms, word formation, Institute for Bible Translation

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;

- price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

- price for a single printed issue without subscription is 49 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 29 €.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;

- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,

Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ИП Кормушин И.В.,

Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редакторы
М. К. Амелина, М. П. Безенова

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editors
Maria Amelina, Maria Bezenova

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003



9 772079 100004 >